Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 26. Выпуск 3

Санкт-Петербург
2023

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия*) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия*) – **ответственный редактор**;

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия*);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (*Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан*);

Дай Юнхун – профессор политологии (*Институт регионоведения и международных коммуникаций; г. Шэньчжен, Китай*);

Калашникова Н.П. – д.полит.н., профессор (*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан*);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (*Северо-Западный институт управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия*);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (*Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия*);

Лю Шицзин – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (*Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай*);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия*);

Оспанова А.Н. – PhD (*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан*);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (*Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь*);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия*);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук; г. Новосибирск, Россия*).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (*по номенклатуре специальностей ВАК*):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношения и внешней политики);

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

***ИНДЕКСАЦИЯ*:** сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки http://www.elibrary.ru, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNe 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербурский политехнический университет Петра Великого

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 26. Issue 3

Saint Petersburg
2023

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia)* – **Associate Editor**;

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*)

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Dai Yonghong – Political Science Professor (*Institute of Regional Studies and International Communications; Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

"***Russia in the Global World***" is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications" No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library http://www.elibrary.ru, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSNe 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

Хан Лэй, Лю Живен. Изменения энергетической карты России в контексте событий 2022 г.: «Турецкий поток» 7

Киселева А.Р. Расцвет китайско-японских отношений в 1970-е годы 17

Ван Минцзюнь. Китайско-вьетнамская война 1979 года (в освещении российской исторической литературы) 30

Евразийская интеграция

Лун Цуй. Китайско-российское сотрудничество в Арктике (по материалам российской печати) 43

Лу Фэн. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс – один путь» (проблемы и перспективы) 58

Страны, народы и культуры

Жукова Л.Н. Следы древнекитайского влияния в традиционной культуре лесных юкагиров верхней Колымы 78

Арсланова Ю.Р., Калашникова Н.П. АЛЖИР: детские судьбы политических репрессий (фрагменты архивных материалов и устных историй) 93

Корчагин В.Л., Колесников Д.Е. Отражение финской национальной идентичности в творчестве Й.Л. Рунеберга 115

Общество и политика

Ли Юаньсинь. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов в Китае (к постановке вопроса) 131

Искакова Ж., Калашникова Н.П. Фактор этничности в репродуктивном поведении граждан Казахстана 149

CONTENTS

International Relations

Han Lei, Liu Ziwen. Russian Energy Map Changes under the Background of 2022: Take Turkish Stream as an Example 7

Kiseleva, A.R. The Growing Relationship between China and Japan in the 1970's. 17

Wang Mingjun. Sino-Vietnamese War of 1979 (in the Coverage of Russian Historical Literature) 30

Eurasion Integration

Long Cui. Sino-Russian Cooperation in the Arctic (Based on the Materials of the Russian Press) 43

Lu Feng. Economic Relations between China and Kazakhstan as Part of the Strategy "One Belt – One Road" (Problems and Prospects) 58

States, Nations and Cultures

Zhukova, L.N. Traces of Ancient Chinese Influence in the Traditional Culture of the Forest Yukagirs of the Upper Kolyma 78

Arslanova, Yu.R., Kalashnikova, N.P. ALZHIR: Children's Fate of Political Repression (Fragments of Archival Materials and Oral Histories) 93

Korchagin, V.L., Kolesnikov, D.E. Reflection of Finnish National Identity in the Works of J. L. Runeberg 115

Society and Politics

Li Yuanxin. Modern Trends in the Formation of Human Resources in China (to the Formulation of the Question) 131

Iskakova, Z., Kalashnikova, N.P. The Factor of Ethnicity in the Reproductive Behavior of Citizens of Kazakhstan 149

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
INTERNATIONAL RELATIONS

research article
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.1

Russian Energy Map Changes under the Background of 2022: Take Turkish Stream as an Example

Han Lei ✉
College of Economics Shenzhen University, China
✉ 1157966759@qq.com

Liu Ziwen
College of Economics Shenzhen University, China
l.ziwen@163.com

Abstract. *In 2021, Russia was the world's largest natural gas exporter, with 74% of its natural gas exports going to Europe, and the European region's average dependence on Russian gas reached 41%. With the escalating war with Ukraine and the destruction of the Nord Stream gas pipeline, Germany is no longer suited to its role as Europe's energy gateway. In 2022, European Union demand for Russian gas has plummeted and Russia has had to change its energy landscape to find new buyers and transport routes. Turkey is an important consideration for Russia's new energy hub because of its geographical location and the existing Turkish Stream gas pipeline. Under the current international situation, this project has many favorable factors, such as relative security and stability, the corresponding technical level and the support of relevant member states, but it also has to face unfavorable factors such as the sanctions of the United States and the threat of war. At the same time, Russia should also pay more attention to the geopolitical game between Europe, Russia, America and Turkey behind the energy pipeline*.

Keywords**:** Conflict; Eurasian Pipelines; Energy hub; Geopolitics; Turkey

For citation**:** Han Lei, Liu Ziwen. Russian Energy Map Changes under the Background of 2022: Take Turkish Stream as an Example. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 7–16. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.1

© Han Lei, Liu Ziwen, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.1

Изменения энергетической карты России в контексте событий 2022 г.: «Турецкий поток»

Хан Лэй ✉
Колледж экономики Шеньчженьского университета, Китай
✉ 1157966759@qq.com

Лю Живен
Колледж экономики Шеньчженьского университета, Китай
l.ziwen@163.com

Аннотация. *Россия является крупнейшим в мире экспортером природного газа, в 2021 г. экспортировала 74% своего газа в Европу, при этом зависимость региона от российского газа достигла 41%. С эскалацией войны между Россией и Украиной, разрушением газопровода Nord Stream установлено, что Германия больше не является энергетическим шлюзом Европы, и России пришлось изменить свой энергетический ландшафт, чтобы найти новых покупателей и транспортные маршруты. Турция является важным участником проекта нового энергетического центра России в силу своего географического положения и существующего газопровода «Турецкий поток». В современной международной ситуации этот проект имеет много благоприятных факторов, таких как относительная безопасность и стабильность, соответствующий технический уровень и поддержка соответствующих государств. Этот шаг позволит Турции заменить Германию в качестве нового энергетического центра Европы, резко увеличив свою стратегическую роль в международных отношениях. Но и новой ситуации приходится сталкиваться с такими неблагоприятными факторами, как санкции Соединенных Штатов Америки и расширение конфликта. России следует уделять больше внимания геополитической игре между Европой, Россией, Америкой и Турцией.*

***Ключевые слова*:** конфликт; Евразийские трубопроводы; энергетический центр; геополитика; Турция

***Для цитирования*:** Хан Лэй, Лю Живен. Изменения энергетической карты России в контексте событий 2022 г.: «Турецкий поток» // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 7–16. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.1

© Хан Лэй, Лю Живен, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction and Materials

According to 2022 statistics, Russia has the world's largest natural gas reserves and the world's second-largest natural gas production, only second to the United States [1]. Russia's energy export has always adopted the layout of

"looking around". However, due to the perfect infrastructure in Europe, which has formed a relatively comprehensive natural gas transportation and consumption system, Europe has always been an indispensable part of Russia's energy map. Russia exported 74% of its natural gas to Europe in 2021, and the region's average dependence on Russian gas reached 41%. But Russia's gas imports fell sharply in the third quarter of 2022 due to the Russia-Ukraine conflict, according to European Commission statistics. Russian pipeline gas imports fell 74 percent.

Before the war with Ukraine, Russia had Nord Stream gas pipeline, Yamal-Europe pipeline, Brotherhood pipeline, Turkish Stream and Blue Stream gas pipeline to supply gas to Europe, which had initially completed the natural gas energy map of Europe [2]. But since the outbreak of the war, as the situation has deteriorated, Nord Stream has been sabotaged, transit pipelines through Ukraine and Poland have been restricted, and only Turkish pipelines have been allowed relatively stable access, Russia's energy landscape in Europe has been largely shattered. In the future, on the one hand, Russia should attach importance to energy exports to East Asia and South Asia. On the other hand, Russia should build Turkey's energy hub based on the existing Turkish Stream pipeline and re-plan the European market.

1.1. Turkish Stream Pipeline Project and Adverse Factors for its Development

The Turkish Stream pipeline is a pipeline that would carry natural gas from Anapa, Russia, to Turkey and southern European countries through the Black Sea. The pipeline, with a total length of 1,170 kilometers, including about 910 kilometers of subsea pipeline and 260 kilometers of land pipeline, was officially commissioned in 2020. The Turkish Stream pipeline is divided into two branches under the sea near the northwestern Turkish city of Kiikoy. One branch will supply the Turkish market directly, and the other will supply Eastern and Southern European countries through the Bulgarian National gas Transmission system, with a total capacity of 31.5 billion cubic meters [3]. In the current volatile international landscape, Russia would face the same difficulties as Nord Stream if it wanted to build a new energy hub through Turkish Stream.

1.2. Sanctions by the United States

The U.S. has been obstructing the construction and application of NS2 and TurkStream in various ways through the Countering America's Enemies

with Sanctions Act (CAATSA) and the European Energy Security Protection Act (PEESA). In the context of the current Russia-Ukraine conflict, the Nord Stream pipeline was destroyed, and the Turkish Stream pipeline is bound to be subject to even more severe sanctions due to its strategic importance. The first is the European Union. With the worsening war situation, the coming of winter, and the high energy prices, there are strikes and demonstrations in various EU member states. In addition, some EU countries are gradually realizing the self-interested strategic intention of the United States, and some EU countries are already thinking of easing relations with Russia. After the destruction of the Nord Stream gas pipeline, the United States will not allow Russia and Europe to re-establish energy cooperation through other pipelines. The second is the economic factor of the United States itself. The United States has made a lot of money by exporting energy to Europe and undertaking enterprises fleeing from the European Union. To further its interests, the United States is bound to continue to suppress Russia's energy exports to Europe [4].

1.3. The Threat of War

After the destruction of the Nord Stream gas pipeline and the Polish Friendship oil pipeline, Russia prevented Ukraine from blowing up the Turkish Stream gas pipeline [5,6]. To further undermine Russia's economy and stabilize the battlefield, Ukraine and its Allies will inevitably continue to develop plans to disrupt Russian infrastructure. The Turkish Stream is the only reliable energy channel between Russia and Europe. Russia should strengthen cooperation with Turkey to ensure the security of the Turkish stream and related infrastructure.

1.4. Opposition within the EU

Although all European countries are more or less dependent on Russian gas exports, the creation of a new energy hub based on the Turkish Stream is bound to lead to opposition in some European countries. The first is Poland, which has repeatedly blocked the construction of the Nord Stream pipeline on the grounds that it would cause political instability in Eastern Europe. If the Turkish energy hub is developed, it will also weaken Poland's geopolitical and economic position in Europe, and reduce the objective benefits such as transit taxes, which will surely be opposed by Poland [7]. The second is Germany, which regards Turkey as the energy hub of Russia. On the one hand, this will lead to a further rise in energy prices for Germany, increase the cost of domestic

manufacturing, lose the opportunity to earn the price difference of natural gas and weaken Germany's discourse power in Europe. On the other hand, Germany has been opposed to Turkey's accession to the EU due to Kurdish human rights issues and religious issues. If Turkey becomes an energy hub, it may increase the possibility of Turkey's accession to the EU, which is unacceptable to Germany and even some EU countries [8].

Results of Research

2.1. The Pipeline has Relative Safety and Stability

Despite recent threats to the Turkish Stream pipeline and its infrastructure, the Turkish Stream project is relatively safe and stable compared to other pipeline lines. The first is that the Turkish Stream pipeline will be laid under the Black Sea, flanked by the exclusive economic zones of Turkey and Russia, which will facilitate the construction and operational management of the new pipeline. Second, although Turkey is a member of NATO, the steady development of Russia-Turkey relations since Turkey's military coup in 2016 is conducive to bilateral energy cooperation. Finally, according to the Montreux Convention, Turkey can control naval vessels entering the waters of the Black Sea. If Turkey is not a party to the war, it has the right to deny the ships of belligerent countries from passing through its strait, which makes it possible to protect the gas pipeline and related projects from the war in the context of the conflict between Russia and Ukraine. All of these factors reduce the security risks of the Turkish Stream [9].

2.2. High Energy Prices, Supported by Some European Members

With the worsening war situation and the urgent need for heating in winter, gas prices in Europe are soaring, and various measures to reduce prices have had little effect. Southeast Europe and southern European countries dependence on Russian gas is extremely high, Slovenia, Serbia, Romania, Bulgaria, Estonia, Latvia, Slovakia, Hungary and other countries, north Macedonia’s dependence on Russian gas is close to 100%, Hungary is at the outset opposed to western sanctions against Russia's energy, maintain and Russia energy cooperation, Hungary recently sent a representative to Russia's Energy Week, indicating that some European countries want to import Russian gas [10]. So, the creation of a new Turkish hub, which would bring cheaper and

more abundant gas to south-eastern and southern Europe, would certainly have the support of the relevant countries.

2.3. The Project Technology is Feasible

First, Allseas, the world's largest contractor for installing and laying pipelines for offshore oil and gas fields, was unable to help during the construction of Nord Stream 2, despite sanctions. However, with the technical support of China, Russia has been able to complete the pipeline laying with its pipelaying vessels Akademik Cherskiy and Fortuna, which provide the technical support for the construction of the new pipeline based on the Turkish Stream.

Secondly, the Turkish Stream pipeline has been put into operation normally. Relying on the existing pipeline, the expansion can reduce the difficulty and cost of project investigation, planning and laying, so that the new pipeline project can be completed faster and more conveniently.

2.4. Turkey's "Oil and Gas Hub Dream"

Turkey has a special position in the regional energy landscape. It is bordered by the European Union, the world's main oil and gas consumption market, Russia to the north, Azerbaijan, Iran and other oil-rich countries to the east, but due to the lack of oil and gas power Russia's support has been not enough stable gas source, only the oil and gas trade transit countries [11]. Nowadays, as the war escalated to Ukraine, the Nord stream gas pipeline and pipeline damaged friendship, Russia intends to build the hinge of Turkey's energy, change the pattern of gas supply in Europe, it is for Turkey to achieve its oil and gas hub dream of hard-won opportunity, the Turkish government will actively cooperate with Russia, energy cooperation, promote the project implementation of the ground.

Discussion

3.1. Turkey's Status as a Major Country in the Middle East has been Consolidated

Turkey is located at the crossroads of Asia and Europe, guarding the Mediterranean Sea and the Black Sea gateway, and has a unique strategic position. Turkey has always pursued a policy of playing both sides, moving between alliances with traditional Western powers and non-western powers. However, since the Arab Spring, the relationship between Turkey and the

United States has deteriorated sharply. Coupled with the fact that the European Union has been favoring its rival Greece, Turkey began to gradually adjust its traditional pro-American and European route, actively intervening in the Middle East affairs and pursue a dominant position in the Middle East to seek the status of a major power [12]. Since the conflict between Russia and Ukraine, Turkey has not only eased its relations with Saudi Arabia, but also solved problems left over from history. The leaders of Israel and Iran also visited Turkey one after another, seeking Turkey's political position and weapons support, which made Turkey become the leading player of peace in the Middle East. If Turkey becomes Russia's energy hub in Europe, it will further expand Turkey's international status and influence. It may even cause pan-Turkic ideas in Central Asia to spread and Turkic alliance to expand further, thus affecting the layout of China and Russia in Central Asia.

3.2. The Strategic Need of the United States to "Resist Russia in the Process"

After the Biden’s administration took office, it took "anti-Russia strategy" as the focus of its foreign policy, and different from the Trump administration, the Biden administration attaches more importance to the relationship with Allies. However, in recent years, Europe and the United States are getting further and further away, and Germany and France are even more determined to make their own decisions, which makes the US-EU alliance no longer strong. Europe's energy crisis and the expansion of the conflict between Russia and Ukraine, to make the hands of Joe Biden, the government can borrow energy sanctions, cut off the link between Russia, confuses the EU economy, strengthen the members of the European Union countries dependent on America, Nord stream gas pipeline damage, Biden government would never allow Russia to Turkey creek to realize to the gas, In this way, Russia will get a say in European energy, which will not allow the United States to achieve the purpose of "curbing Russia" and "generating revenue". In addition, if Europe and Russia re-establish an energy-dependence relationship, it will inevitably lead to the failure of the U.S. strategy in Ukraine, and make the United States pay for the failure.

3.3. Russia Upholds its Security Interests

The explosion of Nord Stream 2 aggravated the already tense relations between Russia, the United States and Europe. In order to quickly find a

replacement pipeline system for Nord Stream 2 in the face of crisis and rapid changes in the international situation, Russia proposed to cooperate with Turkey to make Turkey a new energy hub. For Russia, continuing to gas on the other hand is for the sake of the country's energy exports to Europe, to maintain its economic development, and at the same time provide the necessary funds, the situation in Ukraine [13]. On the other hand, in winter and the internal differences of the critical moment, through Turkey to continue the output of natural gas to Europe countries, Russia may wish to continue to look for his Allies in Europe within countries, Preventing the eastward expansion of NATO and disrupting the plan of the United States and the European Union to sanction Russia together is to dissolve the "multilateral cooperation" of the European Union through "small border cooperation" so as to seek more political interests, and help Russia to reduce the pressure brought by the Ukraine crisis and maintain national security [14].

Conclusion

Turkish Stream is a key pipeline system that supplies gas to Europe after Russia conflicts with Ukraine and the explosion of the Nord Stream 2. Building a new energy hub based on Turkish Stream is not only a key step for Russia to resume energy exports to Europe and continue to open up the European market, but also will have a profound impact on the world energy landscape. The move would allow Turkey to replace Germany as Europe's new energy hub, dramatically increasing its strategic role in international relations. For Europe, it is a mixed joy. For the Pro-Russian countries in southern Europe, they can gain more benefits from the EU, while for the opposition countries such as Poland, the establishment of the Turkish hub will reduce the fees they charge as a transit country and reduce their strategic position in international relations. The United States, on the other hand, from the perspective of its energy exports and its policy of "deterring Russia", will severely crack down on and sanction the Turkish-Turkish hub project. However, due to the high price of energy in the United States, winter is coming, the energy demand in Europe will only increase, and Russia and Turkey have reached a profound cooperative relationship and are determined to jointly promote the development of the Turkish hub project. In the future, the Turkish hub will still struggle to develop in the complex international environment.

REFERENCES

1. Zhi yan zi xun 智研咨询. E luo si tian ran qi chu liang chan liang xiao fei liang ji chu kou liang fen xi e luo si tian ran qi chu liang quan qiu pai ming di yi 俄罗斯天然气储量、产量、消费量及出口量分析：俄罗斯天然气储量全球排名第一 [Analysis of Reserves, Production, Consumption and Export of Russian Natural Gas: Russian Natural Gas Reserves Rank First in the World]. *Dong fang cai fu wang* 东方财富网 [*Oriental Fortune Network*]. Available at: https://caifuhao.eastmoney.com/news/20220319094815296510740 (accessed: 02.03.2023). (In Chin.).

2. Wu qi xiao xiao mi. E luo si tong ou zhou de tian ran qi guan dao you na xie kan di tu yi mu liao ran 俄罗斯通欧洲的天然气管道有哪些？看地图一目了然 [What are Russian Gas Pipelines to Europe Like? SEE the Map at a Glance]. *Teng xun wang* 腾讯网 [*Tencent site*]. Available at: https://new.qq.com/rain/a/20220412A0D6NL00 (accessed: 02.03.2023). (In Chin.).

3. Lin Yanhong 林燕红. Wang Baoqun 王保群. Shi jie tian ran qi guan dao zhi hai di qi xi 世界天然气管道之“海底七溪” [The "Seven Streams Under the Sea" of the World's Natural Gas Pipelines]. *Shi you zhi shi* 石油知识 [*Petroleum Knowledge*]. 2017, №1. P. 24–25. (In Chin.).

4. Tong Shan 童珊. Gou Liwu 苟利武. Bei xi 2 guan dao jian she yu e mei ou neng yuan bo yi "北溪-2"管道建设与俄美欧能源博弈 ["Beixi-2" Pipeline Construction and the Energy Game between Russia, the United States and Europe]. *Xian dai guo ji guan xi* 现代国际关系 [*Modern International Relations*]. 2020. № 5. P. 23–30. (In Chin.).

5. Saboteurs caught plotting attack on TurkStream pipeline – Kremlin. 13.10.2022. *TASS, Russian news agency*. Available at https://tass.com/politics/1522429?ref=cyberthreat.report/amp (accessed: 02.09.2022).

6. Shen Qinhan. E luo si he tu er qi ji hua jian she xin de tian ran qi gong ying zhong xin 俄罗斯和土耳其计划建设新的天然气供应中心 [Russia and Turkey Plan to Build a New Gas Supply Hub]. *Wen hu abba* 文化报 [*Newspaper Wenhua*]. 16.10.2022. № 8. (In Chin.).

7. Wang Hongyi 王弘毅. Zhang Ziyan 张子琰. Bo e neng yuan de fei dui chen xiang hu yi lai yu bo e guan xi yi bei xi 2 neng yuan xiang mu wei li 波俄能源的非对称相互依赖与波俄关系——以″北溪-2″能源项目为例 [Asymmetric Energy Interdependence and Polish-Russian Relations: A Case study of the Nord Stream 2 energy Project]. *E luo si Zhong ya dong ou yan jiu* 俄罗斯中亚东欧研究 [*Russian, East European and Central Asian Studies*]. 2020. № 3. P. 80–97. (In Chin.).

8. Xu Chu 徐雏. Tu er qi jia ru ou meng tan xi ji wei lai zhan wang 土耳其加入欧盟探析及未来展望 [Analysis and Future Prospect of Turkey's Accession to the European Union]. *Cai zhi* 才智 [*Ability and Wisdom*]. 2016. № 17. P. 218–220. (In Chin.).

9. Di yi cai jing. Bei xi zhao dao le ti dai zhe tu er qi jiang cheng di qu neng yuan xin shu niu “北溪”找到了替代者?土耳其将成地区能源新枢纽? [Nord Stream has Found a Replacement? Turkey to Become a Regional Energy Hub?]. *Xin lang wang* 新浪网 [*Sina Site*]. Available at: https://news.sina.com.cn/w/2022-10-18/doc-imqmmthc1337188.shtml?cre=tianyi&r=0&tj=cxvertical_pc_pager_spt&tr=174 (accessed: 09.03.2023). (In Chin.).

10. Shen Jiesen 沈杰森. Liu Yupeng 柳玉鹏. Ren Zhong 任重. Pu jing yu chong hui neng yuan chu kou ban tu li tui xin jian tu er qi shu niu 普京欲重绘能源出口版图,力推新建“土耳其枢纽” [Putin Wants to Redraw the Map of Energy Exports]. *Huan qiu wang* 环球网 [*Site Huanqiu*].

Available at: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1746614220260743590&wfr=spider&for=pc (accessed: 05.03.2023). (In Chin.).

11. Yang Guofeng 杨国丰. Li Xuan 李旋. Tu er qi chong jing you qi shu jing meng 土耳其憧憬“油气枢纽梦” [Turkey's Oil and Gas Hub Dream]. *Zhong guo shi you qi ye* 中国石油企业 [*China Petroleum Enterprise*]. 2017. № 6. P. 70–73. (In Chin.).

12. Zeng Xianghong 曾向红. Zhang Junsu 张峻溯. Di guo huai jiu di yuan zheng zhi ji hui y utu er qi wai jiao de zhuan zhe “帝国怀旧”、地缘政治机会与土耳其外交的转折["Imperial Nostalgia", Geopolitical Opportunities and Turning Points in Turkish Diplomacy].*Wai jiao ping lun* 外交评论 [*Foreign Affairs Review*]. 2022. № 2. P. 55–86. (In Chin.).

13. Adams M. Wintershall to write off Nord Stream 2 financing, will cease additional projects in Russia. 02.03.2022. *Oil & Gas Journal*. Available at https://www.ogj.com/pipelines-transportation/pipelines/article/14234834/wintershall-to-write-off-nord-stream-2-financing-will-cease-additional-projects-in-russia (accessed: 25.10.2022).

14. Cheng Chunhua 程春华. Tu er qi liu guan dao qiao dong ji duo guan xi "土耳其流"管道撬动几多关系 ["Turkish Stream" Pipeline Leverage How Many Relationships]. *Shi jie zhi shi* 世界知识 [*World Knowledge*]. 2015, № 14. P. 48–50. (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Хан Лэй – старший преподаватель колледжа экономики Шэньчжэньского университета.
E-mail: 1157966759@qq.com
Лю Живен – магистрант колледжа экономики Шэньчжэньского университета.
E-mail: l.ziwen@163.com
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Han Lei – senior lecturer, College of Economics Shenzhen University.
E-mail: 1157966759@qq.com
Liu Ziwen – master student, College of Economics Shenzhen University.
E-mail: l.ziwen@163.com
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023. Одобрена после рецензирования 08.07.2023. Принята 08.07.2023.
Received 08.07.2023. Approved after reviewing 08.07.2023. Accepted 08.07.2023.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.2

Расцвет китайско-японских отношений в 1970-е годы

Киселева Александра Рубэновна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ a.kiseleva22222@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-0774-4785

Аннотация. *Китай и Япония являются странами-лидерами по уровню экономического развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). От их взаимоотношений напрямую зависит стабильность региона, причем такая тенденция наблюдалась со второй половине XX в. Отношения между странами в послевоенный период постепенно развивались, и в 1970-х гг. наблюдался наиболее благоприятный этап развития диалога двух государств. Целью настоящего исследования является выявление основных областей сотрудничества Пекина и Токио, способствовавших улучшению отношений между странами в 1970-х гг. Однако при обсуждении данной темы также необходимо обратить внимание и на трудности, число которых росло с каждым десятилетием после окончания второй Китайско-японской войны. Различный политический строй, американское влияние, проблема Тайваня, территориальные споры, наличие и испытания ядерного оружия – все это оказывало влияние на диалог, однако торгово-экономическое сотрудничество при этом ширилось: развивались импортно-экспортные отношения, активно вливались инвестиции, страны объединялись для реализации совместных проектов. Увеличивалось и число культурных контактов, которые отличались широким разнообразием. Научная новизна настоящей работы обуславливается попыткой комплексно предоставить данные о развитии китайско-японского диалога в послевоенный период, когда сформировались предпосылки для дальнейшего благоприятного развития двусторонних контактов, а также информации непосредственно о периоде расцвета китайско-японских отношений в 1970-х гг. и проблемах, которые появлялись в третьей декаде XX в. между государствами. В результате исследования было выявлено, что на фоне торгово-экономического сотрудничества возникающие проблемы все же отступали на второй план, что можно воспринимать как характерную черту китайско-японских отношений, которая сформировалась в 1970-е гг. и в определенной степени сохраняется до сих пор.*

***Ключевые слова*:** Китайская Народная Республика; китайско-японские отношения; внешняя политика КНР; диалог; международные отношения

***Для цитирования*:** Киселева А.Р. Расцвет китайско-японских отношений в 1970-е годы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 17–29. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.2

© Киселева А.Р., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 327
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.2

The Growing Relationship between China and Japan in the 1970's

Aleksandra R. Kiseleva ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ a.kiseleva22222@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-0774-4785

Abstract. *China and Japan are one of the leading countries in terms of economic development in the Asia-Pacific region (APR). The stability of the region directly depends on their relationship, and this trend was observed in the second half of the 20th century. Relations between the countries in the post-war period gradually developed, and in the 1970's the most favorable stage in the dialogue between the two states took place. The purpose of this study is to identify the main areas of cooperation between Beijing and Tokyo that contributed to the improvement of relations between the countries in the 1970's. However, while discussing this topic, it is also necessary to pay attention to the difficulties that have grown with each decade since the end of the second Sino-Japanese War. Different political systems, American influence, the problem of Taiwan, territorial disputes, the presence and testing of nuclear weapons – all of these influenced the dialogue between Beijing and Tokyo, but trade and economic cooperation expanded at the same time: trade relations developed, investments were actively poured in, countries united for the implementation of joint projects. The number of various cultural contacts also increased. The scientific novelty of this work is determined by the attempt to provide data on the development of Sino-Japanese dialogue in the post-war period, when the prerequisites for the further favorable development of bilateral contacts were formed, give information about the growth of Sino-Japanese relations in the 1970's and problems that appeared in the third decade of the 20th century between the two states. As a result of the study, it was revealed that, against the backdrop of trade and economic cooperation, the emerging problems still receded into the background, which can be perceived as a characteristic feature of Sino-Japanese relations, which was formed in the 1970's and remains relevant until now.*

***Keywords*:** People's Republic of China; Sino-Japanese relations; PRC's foreign policy; dialogue; international relations

***For citation*:** Kiseleva, A.R. The Growing Relationship between China and Japan in the 1970's. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 17–29. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.2

© Kiseleva, A.R., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

После образования Китайской Народной Республики руководство страны, приняв установку «сначала подмести в своем доме, а потом приглашать в него гостей», намеревалось сперва решить оставшиеся

внутриполитические проблемы, а затем уже переключать внимание на международные отношения. Тем не менее, в период с 1949 г. по 1957 г. дипломатический курс Пекина характеризовался «склонением в одну сторону» – к странам социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Несмотря на это, с соседними государствами, в том числе и с Японией, Китай постепенно начал развивать контакты.

В 1952 г. Пекин и Токио подписали первый торговый договор, однако дипломатические отношения установлены не были, в частности из-за того, что японцы признали Тайваньское правительство легитимным. В дальнейшем был подписан еще ряд торговых договоров, а с 1956 г. между странами нормализовалась процедура культурного обмена: китайские оперные труппы приезжали с гастролями в Японию, японцы устраивали фестивали своего кино в Китае (японские фильмы в Китае в целом стали весьма популярными), проводились различные спортивные мероприятия и т.д. [1].

В целом, государства сдержанно относились к событиям первой половины XX века. В период, когда Мао руководил государством и особенно в первое время после окончания второй Китайско-японской войны, было не принято говорить о событиях минувших лет по некоторым причинам. Во-первых, партия Гоминьдан, с которой КПК воевала, контролировала центральную часть Китая во время Китайско-японской войны. Чан Кайши руководил военными действиями, поэтому говорить о его успехах и даже о поражениях запрещалось. Во-вторых, упоминания Китайско-японской войны могли всколыхнуть в сознании населения воспоминания также и о предыдущих актах агрессии со стороны Японии. Если Япония – агрессор, то Китай – жертва. Мао Цзэдун не мог допустить формирования такого стереотипа у населения. Чжоу Эньлай, министр иностранных дел КНР, в 1954 году посетил Японию и заявил, что прошлое должно оставаться в прошлом, ведь между двумя народами существует крепкая дружба, складывавшаяся на протяжении веков [2].

Терпимость и сдержанность по отношению к агрессору проявлялась и в решениях трибуналов, которые проходили в Шэньяне и Тайюане в 1956 г. Из 1108 японских задержанных только 45 были признаны виновными, но никто не был приговорен к смертной казни или пожизненному заключению. К 1964 г. даже те 45 признанных виновных были

репатриированы. Вернувшись на родину, они стали выступать за активное сближение с Китаем [2].

Во второй половине 1950-х гг. советско-китайские отношения, как известно, начали ухудшаться, а политика «новой генеральной линии» и «большого скачка» привели Китай в упадок, что сильно препятствовало дальнейшему внутри- и внешнеполитическому развитию. Контакты между КНР и Японией были сведены к минимуму, ровно, как и с другими государствами. Лишившись союзника в лице СССР, Мао Цзэдун теперь более настороженно начал относиться к размещенным на японских островах американским военным базам [3].

В первой половине 1960-х гг. в Пекине считали угрозу войны с Советским Союзом вполне реальной, второстепенную опасность также представляли США и Япония. Это мотивировало руководство страны укреплять имеющиеся две линии обороны и начать строить третью линию, план работы над которой утвердили только в 1964 г. Всего за пять лет планировалось создать около 2 тысяч объектов общей стоимостью 85 млрд юаней (однако «культурная революция» отложила реализацию данного замысла на неопределенный срок). В 1962 г. Китай и Япония предприняли попытку стабилизации отношений, что проявилось в первую очередь в контактах между неправительственными организациями, однако с появлением ядерного оружия в Китае в 1964 г., отношения соседних стран стали более настороженными [3].

Когда внутриполитическая обстановка позволяла, экономические и культурные связи с Японией постепенно наращивались, однако с началом «культурной революции» в 1966 г. островное государство стало, наряду с остальными капиталистическими странами, врагами КНР [4]. На тот момент у Китая были установлены официальные и полуофициальные отношения с 40 государствами, и с 30-ю из них в 1966–1967 гг. у Пекина испортились отношения в рамках различных конфликтов, масштабы которых варьировались. Так, например, хунвэйбины – особо активные участники «культурной революции» – летом 1967 г. начали громить иностранные представительства в Пекине, что крайне негативно оценили за рубежом. В итоге, в ходе первого этапа осуществления «революции» правительство сконцентрировало свое внимание лишь на внутренних делах, внешнеполитические контакты вновь были сведены к минимуму [3].

К началу 1970-х гг. ситуация в стране относительно стабилизировалась. В 1969 г. произошел конфликт на советско-китайской границе близ острова Даманский. Тогда Мао поручил маршалам провести исследование и вынести решение по вопросу возможной агрессии со стороны СССР или США. Военные, после долгих совещаний, пришли к выводу, что вероятность войны мала. Алексей Николаевич Косыгин об этом заверял Чжоу Эньлая во время их встречи во Вьетнаме. И все же Пекин решил обратить свое внимание на Вашингтон и начать сближение с недавним врагом (на основе военного противостояния с Москвой) [5]. Такой курс был закреплен X съездом партии. Так, в 1972 г. лидеры двух стран встретились в Китае. В том же году Пекин посетил японский премьер-министр К. Танака, и 29 сентября были установлены дипломатические отношения между государствами, Токио признал Тайвань частью КНР [3].

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Исходя из того, что целью исследования является выявление основных областей сотрудничества Пекина и Токио, способствовавших улучшению отношений между странами в 1970-х гг., были определены следующие задачи: проследить изменение риторики Пекина в отношении Токио в период с начала 1950-х гг. по конец 1970-х гг.; рассмотреть взаимодействие Китая и Японии в культурной, экономической и политической сферах; выявить проблемы, которые возникли в диалоге двух стран в исследуемый период. Следовательно, предметом исследования являются аспекты, способствовавшие улучшению отношений между двумя государствами в 1970-х гг.

Библиографическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов: серия «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» под ред. М.И. Сладковского, материалы из VIII и IX томов издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» под ред. С.Л. Тихвинского, научные статьи Рейли Дж., В.С. Балакина, И.В. Турицына и др.

Считается, что 1970-е гг. стали периодом расцвета китайско-японских отношений. Активно развивалось сотрудничество в культурной сфере. В китайской прессе начали подчеркивать, что китайско-японские

связи имеют более чем двухтысячелетнюю историю, много говорили об «общности культур». Китайские делегации постоянно направлялись в Японию, и так же часто японцы приезжали в Китай. Например. В 1973 г. артисты двух стран объединились для постановки балета «Красный женский отряд»; в том же году картины Хакусаи Кацусики были привезены на выставку, а затем подборка ханьских и танских рисунков посетила японские галереи [6]. В следующем году Пекин направил в Токио еще ряд произведений искусства древности (в основном периода династии Хань и Тан) – здесь заметно тяготение китайского руководства к древней традиционной культуре, однако помимо этих артефактов в Японию также отправились произведения Мао Цзэдуна. Наследие китайского писателя Лу Синя также стало инструментом «мягкой силы»: в 1974 г. в Японии был проведен ряд памятных мероприятий по случаю 70-летия с момента обучения автора в Японии. Буддизм также считался связующим звеном. Дайсаку Икэда, глава одной из таких неоконфуцианских делегаций, заявил журналистам о намерении углубления таких контактов и дальнейшем развитии студенческого обмена [7]. В 1978 г. Дэн Сяопин посетил буддийский храм и могилу выдающего буддийского монаха во время своего официального визита в Японию [8].

В середине 1970-х гг. особенно активно китайскую современную культуру продвигали ансамбли, гастролирующие по всему миру с постановками «революционного» жанра. Археологические экспонаты также продолжали «гастролировать» по миру даже в 1976 г., когда в самом Китае происходила смена власти (нужно отметить, что в этот период число международных контактов все-таки несколько сократилось) [9]. В следующем году положение стабилизировалось и культурный обмен возобновился во второй половине 1977 г., в т.ч. и с Японией.

За полгода в империи провели фестиваль китайского кино, китайские кинематографисты и группы артистов отправились в туры по Японии, был издан 1-й том «Избранных произведений Го Можо», также к изданию готовились «Избранные сочинения Мао Цзэдуна» на японском языке; происходил «книжный обмен» между библиотеками двух стран. Не угасал в Японии и интерес к предметам материальной культуры Древнего Китая. Весьма пышно отмечалось 5-летие с момента установления

дипломатических отношений между странами, проводились приемы и различные культурные мероприятия [10].

Китайско-японская торговля расширялась и оставалась главной сферой взаимодействия между странами: увеличивался объем экспортируемого сырья, а также оборудования. Помимо этого, создавались ведомства, развивалось сотрудничество в научно-технической сфере, договорились даже совместно разрабатывать нефтяное месторождение в Бохайском заливе: только на первых этапах работы Токио вложил 210 млн. долл. США [10].

Мао предлагал объединиться с Японией, США и Европой против СССР. Новым союзникам Китай старался активно оказывать помощь, только в 1971 г. на это ушел 7,1% внутреннего валового продукта (ВВП) страны. В итоге, к 1976 г. КНР заключила дипломатические отношения со 111 странами, в числе которых были все капиталистические страны, кроме США. Товарооборот Китая с социалистическими странами был в 3,2 раза ниже, чем с капиталистическими, а основным торговым партнером являлась Япония (следом шли США, ФРГ и Франция) [11].

Мао Цзэдун скончался в 1976 г., после чего было принято свернуть «культурную революцию». Дэн Сяопин инициировал старт реализации политики реформ и открытости – периода интенсивного развития страны, который начался в 1978 г. и продолжается до настоящего времени. С тех пор Пекин в полной мере старался использовать установленные дипломатические отношения для развития своего государства. Делегации посещали разные страны с целью получения опыта, для того же приглашали специалистов из-за рубежа в страну. Дэн Сяопин лично посетил ряд соседних стран, а побывав на заводах Японии он сказал: «Теперь я знаю, что такое модернизация» [12].

Япония вызывала интерес у китайского правительства не только как торговый партнер, но и как пример государства, умело использующего западные технологии, что вывело Японию на достаточно высокий уровень развития. Так, например, из 45 тысяч японцев, посетивших Китай в 1978 г., 15 тысяч были представителями сферы бизнеса; китайцы также активно ездили в Японию, в т.ч. и для заключения торгово-экономических сделок. Поэтому Китай форсировал подписание Договора о мире и дружбе, что

произошло в 1978 г. Китайская пресса вновь и вновь отмечала «родство культур» и писала про укрепляющиеся отношения с Японией.

В японской прессе в свою очередь мнения разделились: были издательства, которые позитивно оценивали настоящий договор, но существовала и противоположная точка зрения, поскольку многих смущал «антисоветский характер» подписанного документа; помимо этого, негативно оценивались и намерения китайского правительства создать этим Договором военно-политический блок.

Сам же Договор подразумевал не только политическое сотрудничество, но и экономическое – стороны договорились о взаимных поставках на 20 млрд. долл. США. Предполагалось, что Токио поставит оборудование и строительные материалы на 9–11 млрд. долл. США, а Пекин продаст десятки миллионов тонн нефти и угля. Экономисты Японии все-таки не были рады такому сотрудничеству, поскольку в Японии считалось, что китайская нефть низкого качества, и ее цена завышена на 20–30%. Несмотря на это, общий объем торговли между странами за год вырос на 41,3%, достигнув 9,4 млрд. долл. США. Когда Китай стал привлекать иностранные инвестиции, лидером в этом направлении также стала Япония (следом шли Франция и Великобритания) [11]. Одним из каналов поступления инвестиций стала официальная помощь развитию (ОПР): за 30 лет с 1979 г. по 2008 г. Китай получил от Японии долгосрочных займов на 40,5 млрд долл. США и грантов на безвозвратной основе – на 4,5 млрд. долл. США [13].

В 1978 г. также было подписано соглашение о внешней торговле на 7 лет и кредитные соглашения между двумя странами. С этого момента начали направляться крупные капиталовложения из Токио в Пекин. Помимо этого, создавались ведомства, развивалось сотрудничество в научно-технической сфере [11].

Отношения между двумя странами развивались стремительно, однако впоследствии возникли проблемы экономического характера: Пекин не стал выполнять условия, прописанные в ряде договоренностей. Токио все-таки понимал, насколько сотрудничество с Пекином выгодно, и, несмотря на возникшие трудности, не стал уходить с китайского рынка. Наоборот, был утвержден проект о модернизации 55 предприятий Китая, товарооборот вырос до 10 млрд. долл. США. Трудности в реализации

намеченных планов особенно выявились в 1980-е гг., а с 1990-х гг. между Китаем и Японией уже развивалась серьезная конкуренция в торгово-экономическом плане, что также стало негативно влиять на отношения между странами [3].

Несмотря на тесное экономическое сотрудничество, камнем преткновения оставалась и историческая память о Китайско-японской войне 1937–1945 гг. Дело в том, что в 1980-е гг. возникла еще одна проблема, связанная с исторической памятью о второй Китайско-японской войне. Уже в начале 1980-х гг. в Китае начинают поднимать эту тему и начинают говорить о жестокости японских солдат, в японских учебниках истории в свою очередь все упоминания о кровавых событиях военных лет были удалены, что вызвало негодование со стороны Пекина [14]. В целом, это достаточно интересный повод для недовольства, особенно если учитывать, что на протяжении десятилетий эта тема не получала широкого освещения в самом Китае, ведь обсуждение японской агрессии считалось «вредным» для отношений между странами [2]. В связи со скандалом японские учебники истории были переизданы в 1984 г., однако китайское новостное агентство Синьхуа 新华 указывало, что в новых изданиях по-прежнему сохранились «искажающие историческую истину» моменты [15].

В 1970-е гг. развился также спор по поводу принадлежности о. Дяоюйдао (или о. Сенкаку). После того, как американцы покинули остров, и Китай, и Япония озвучили свои претензии на владение данной территорией. Развивающийся конфликт подогревало еще и то, что на спорных землях были обнаружены залежи полезных ископаемых, однако в 1970-е гг. ситуация не обострялась в силу активно развивающих культурных и экономических связей между КНР и Японией. Более критично к решению данного вопроса стали подходить в последующие десятилетия [3].

Заключение

В 1950-е и 1960-е гг. несмотря на то, что Япония являлась капиталистическим государством, на интенсивность контактов между Пекином и Токио больше влияла внутриполитическая обстановка в самом Китае, чем последствия Китайско-японской войны. В годы, когда КНР была способна развивать внешнюю политику, КПК рассматривала Японию

как возможного партнера и разрабатывала экономические и культурные связи, взаимодействие велось в основном именно по этим направлениям. Соответственно, китайско-японские контакты в период 1949–1954 гг. были редкими, поскольку в стране устранялись последствия войн, политический курс характеризовался «склонением в одну сторону» (в сторону СССР). С 1954 г. Пекин решил постепенно развивать отношения с Токио в экономическом и культурном направлениях, и такая тенденция сохранялась до конца 1960-х гг. Активно сотрудничать с иностранными государствами Китай едва ли мог из-за «большого скачка» и начавшейся «культурной революции», первый этап которой (1966–1969 гг.) вынудил практически все государства разорвать отношения с Пекином.

После того, как в отношениях КНР и СССР произошел раскол, дипломатический курс Пекина резко изменился, и в 1970-е гг. Мао даже говорил о возможности учреждении альянса с США и Японией. 1970-е гг. действительно стали периодом расцвета китайско-японских отношений. К 1973 г. Япония стала главным торговым партнером Китая, а затем в 1978 г. между странами был подписан Договор о мире и дружбе.

Помимо этого, с 1950-х гг. между странами заключались многочисленные торговые соглашения, что способствовало развитию экспортно-импортных отношений, которые не прекращались даже в годы «большого скачка» и «культурной революции». В итоге, в 1970-е гг. торговый оборот с одной только Японией превышал объем торговли Китая с США, Англией, Францией, ФРГ, Италией вместе взятыми. Токио также начал вливать капитал в Пекин в крупном объеме для реализации различных проектов. Культурные обмены также играли особую роль в диалоге двух стран, благоприятно влияния на динамику его развития. Можно было наблюдать, как театральные труппы двух стран объединялись для совместных постановок, происходил обмен музейными экспонатами, кинокартинами, буддизм и конфуцианство также стали связующими звеньями. Следовательно, все эти аспекты стали основными «двигателями» китайско-японских отношений.

Несмотря на обилие контактов между странами, благоприятно влияющих на двусторонний диалог, постепенно увеличивалось количество проблем. Если в 1950-е гг. Япония считалась «недружественным» государством из-за капиталистического строя, сотрудничества с США и

Тайванем, то в 1960-е гг. также добавилась проблема наличия ядерного оружия у Китая, что японцы восприняли негативно. Затем в 1970-е гг. при тесном культурном и торговом сотрудничестве также возник территориальный спор, далее в 1980-х гг. последовали и проблемы экономического характера, а также по вопросам исторической памяти, которые, можно сказать, наслаиваясь друг на друга, привели к неоднозначности в современном диалоге между Китаем и Японией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Турицын И.В., Рау И. Особенности современных отношений КНР и Японии в контексте краткой ретроспективы китайско-японского взаимодействия // Современная научная мысль. 2019. №4. С. 111–140.
2. Reilly, J. Remember history, not hatred: Collective remembrance of China's war of resistance to Japan // Modern Asian studies. 2011. Vol. 45. Iss. 2. P. 463–490.
3. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. Тихвинский С.Л. М.: Наука, 2013. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Галенович Ю.М. М.: Наука, 2017. 840 с.
4. Oksenberg, M., Riskin, C., Scalapino, R.A., Vogel, F.E. The Cultural Revolution: 1967 in Review. Michigan: Michigan Papers in Chinese Studies, 1968. 125 p.
5. Балакин В.С., Лу Сяоин. КНР и СССР в 1960-е – 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. № 1. С. 11–15.
6. Китайская Народная Республика в 1973: политика, экономика, культура. / Под ред. Сладковского М.И. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. 439 с.
7. Китайская Народная Республика в 1974: политика, экономика, культура. / Под ред. Сладковского М.И. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. 295 с.
8. Понька Т.И., Джанаева А.Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс «Мягкой силы» Китая // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 290–300.
9. Китайская Народная Республика в 1975: политика, экономика, культура. / Под ред. Сладковского М.И. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 375 с.
10. Китайская Народная Республика в 1977: политика, экономика, культура. / Под ред. Сладковского М.И. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 325 с.
11. Китайская Народная Республика в 1978: политика, экономика, культура. / Под ред. Сладковского М.И. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 467 с.
12. История Китая: Учебник / Под ред. Меликсетова А.В. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с.
13. Ковригин Е.Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная экономика. 2012. № 3. С. 9–33.
14. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. Тихвинский С.Л. М.: Наука, 2013. Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.
15. Китайская Народная Республика в 1984 году: политика, экономика, идеология / Под ред. Титаренко М.Л. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. 367 с.

REFERENCES

1. Turitsyn I.V., Rau I. Osobennosti sovremennykh otnosheniy KNR i Yaponii v kontekste kratkoy retrospektivy kitaysko-yaponskogo vzaimodeystviya [Features of Modern Relations of The PRC and Japan in The Context of a Brief Retrospective of The Chinese-Japanese Interaction]. *Sovremennaya nauchnaya mysl*. 2019. № 4. P. 111–140. (In Russ.).
2. Reilly, J. Remember history, not hatred: Collective remembrance of China's war of resistance to Japan. *Modern Asian studies*. 2011. Vol. 45. Iss. 2. P. 463–490.
3. Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century: in 10 volumes]. Gl. red. Tikhvinskiy S.L. M.: Nauka, 2013. T. VIII: Kitayskaya Narodnaya Respublika (1949–1976) [Vol. VIII: The People's Republic of China (1949–1976)]. Otv. red. Galenovich Yu.M. M.: Nauka, 2017. 817 p. (In Russ.).
4. Oksenberg, M., Riskin, C., Scalapino, R.A., Vogel, F.E. The Cultural Revolution: 1967 in Review. Michigan: *Michigan Papers in Chinese Studies*, 1968. 125 p.
5. Balakin V.S., Lu Syaoin. KNR i SSSR v 1960-ye – 1980-ye gody: ot konfrontatsii k ravnopravnomu sotrudnichestvu [China and The USSR in The1960–1980th: from Confrontation to Equal Cooperation]. *Vestnik YuUrGU*. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki. 2016. Vol. 16. № 1. P. 11–15. (In Russ.).
6. Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1973: politika, ekonomika, kultura [The People's Republic of China in 1973: Politics, Economics, Culture]. Pod red. Sladkovskogo M.I. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1975. 439 p. (In Russ.).
7. Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1974: politika, ekonomika, kultura [The People's Republic of China in 1974: Politics, Economics, Culture]. Pod red. Sladkovskogo M.I. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1977. 295 p. (In Russ.).
8. Ponka T.I., Dzhanayeva A.E., Chzhao Tszelin. Buddizm kak resurs «Myagkoy sily» Kitaya [Buddhism as a Resource of "Soft Power" of China]. *Vestnik RUDN*. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2017. Vol. 17. № 2. P. 290–300. (In Russ.).
9. Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1975: politika, ekonomika, kultura [The People's Republic of China in 1975: Politics, Economics, Culture]. Pod red. Sladkovskogo M.I. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1978. 375 p. (In Russ.).
10. Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1977: politika, ekonomika, kultura [The People's Republic of China in 1977: Politics, Economics, Culture]. Pod red. Sladkovskogo M.I. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1979. 325 p. (In Russ.).
11. Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1978: politika, ekonomika, kultura [The People's Republic of China in 1978: Politics, Economics, Culture]. Pod red. Sladkovskogo M.I. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1980. 467 p. (In Russ.).
12. Istoriya Kitaya [History of China]: Uchebnik. Pod red. Meliksetova A.V. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-vo MGU, Izd-vo «Vysshaya shkola», 2002. 736 p. (In Russ.).
13. Kovrigin Ye.B. Yaponiya – Kitay: ofitsialnaya pomoshch razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodeystviya [Japan – China: Official Development Assistance as a Tool of Economic Interaction]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 2012. № 3. P. 9–33. (In Russ.).
14. Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century: in 10 volumes]. Gl. red. Tikhvinskiy S.L. M.: Nauka, 2013. T. IX: Reformy i modernizatsiya (1976–2009) [Vol. IX: The People's Republic of China (1976–2009)]. Otv. red. A.V. Vinogradov. M.: Nauka, 2016. 996 p. (In Russ.).

15. *Kitayskaya Narodnaya Respublika v 1984 godu: politika, ekonomika, ideologiya* [The People's Republic of China in 1984: Politics, Economics, Culture]. Pod red. Titarenko M.L. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1987. 367 p. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Киселева Александра Рубэновна – магистрант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: a.kiseleva22222@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0774-4785
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Kiseleva Aleksandra R. – master student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: a.kiseleva22222@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0774-4785
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023. Одобрена после рецензирования 20.08.2023. Принята 22.08.2023.
Received 15.07.2023. Approved after reviewing 20.08.2023. Accepted 22.08.2023.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.3

Китайско-вьетнамская война 1979 года (в освещении российской исторической литературы)

Ван Минцзюнь ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ a1069910470@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6814-1078

Аннотация. *История начала и итоги китайско-вьетнамской войны февраль–март 1979 года всегда были в центре внимания историков. Этот период в истории двух стран по-разному трактуется в Китае и во Вьетнаме. Существуют разные подходы к пониманию причин войны их участников. Изучение сложившейся ситуации между двумя странами через освещение данных событий в российской историографии имеет принципиальное значение. Объективное изучение китайско-вьетнамской войны российской исторической наукой начинается в начале XXI века. Историографический анализ работ отечественных ученых, посвященный военному конфликту между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, данный конфликт еще не до конца исследован. Во-вторых, требуется дополнительная информация, которая пока еще не доступна исследователям, поскольку еще закрыты архивы министерств иностранных дел Китая и Вьетнама. В-третьих, все российские авторы приходят к выводу о том, что главной причиной конфликта стала неконструктивная позиция Китая*.

Ключевые слова: историография; российская историческая наука; Китайская Народная Республика; Вьетнам; Социалистическая Республика Вьетнам; СССР; китайско-вьетнамская война 1979 года

Для цитирования: Ван Минцзюнь. Китайско-вьетнамская война 1979 года (в освещении российской исторической литературы) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 30–42. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.3

© Ван Минцзюнь, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.3

Sino-Vietnamese War of 1979 (in the Coverage of Russian Historical Literature)

Wang Mingjun ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ a1069910470@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6814-1078

Abstract. *The history of the beginning and the results of the Sino-Vietnamese war in February-March 1979 have always been in the focus of historians' attention. This period in the history of the two countries is interpreted differently in China and Vietnam. There are different approaches to understanding the causes of the war of their participants. The study of the current situation between the two countries through the coverage of these events in Russian historiography is of fundamental importance. The objective study of the Sino-Vietnamese War by Russian historical science begins at the beginning of the XXI century. The historiographical analysis of the works of domestic scientists devoted to the military conflict between the People's Republic of China and the Socialist Republic of Vietnam allows us to draw the following conclusions. Firstly, this conflict has not yet been fully investigated. Secondly, additional information is required, which is not yet available to researchers, since the archives of the Ministries of Foreign Affairs of China and Vietnam are still closed. Thirdly, all the Ossetian authors conclude that the main cause of the conflict was China's unconstructive position.*

Keywords**:** historiography; Russian historical science; People's Republic of China; Vietnam; Socialist Republic of Vietnam; USSR; Sino-Vietnamese War of 1979

For citation**:** Wang Mingjun. Sino-Vietnamese War of 1979 (in the Coverage of Russian Historical Literature). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 30–42. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.3

© Wang Mingjun, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Период китайско-вьетнамской войны в феврале-марте 1979 года по-разному трактуется участниками данного конфликта. С точки зрения китайской стороны, это была «упреждающая оборонительная война против Вьетнама» (對越自衛反擊戰, упрощенный вариант: 对越自卫反击战), по мнению вьетнамской стороны, это был «вооруженный конфликт» (Chiến tranh biên giới Việt-Trung). Традиционно между Китаем и Вьетнамом возникали проблемы. В период борьбы за независимость от французского колониализма вьетнамские коммунисты во главе с Хо Ши Мином находились в Китае [1, с. 15]. В вооруженной борьбе с французскими колонизаторами Китай оказывал существенную поддержку Вьетнаму. В результате этой большой военной и экономической помощи Северный Вьетнам завоевал независимость [2].

Проблемы и основные материалы исследования

Существует различное понимание причин китайско-вьетнамского конфликта его участниками. Вьетнамское понимание: Объединение двух частей Вьетнама в 1975 году резко изменило политику КНР в отношении к

новому государству. Во-первых, Китай не был заинтересован в создании сильного государства у своих границ, ориентированного на СССР. Во-вторых, в 1975 году в Камбодже к власти пришли «красные кхмеры», руководимые Пол Потом. Кроме проведения «социальных экспериментов» внутри стран «красные кхмеры» проводили военные провокации против Вьетнама. После заключения «Договора о дружбе и сотрудничестве» с СССР в ноябре 1978 года началась вьетнамская интервенция в Камбоджу. Режим Пол Пота пал, к власти в Камбодже пришел Хенг Самрин, готовый к сотрудничеству с Вьетнамом. Ответом Китая на сложившуюся ситуацию стало проведение ограниченной военной операции.

Китайское понимание: В 1978 году Генеральный секретарь Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуан подписал в Москве «Договор о военной взаимопомощи». По этому договору СССР получил права на организацию военно-морских и военно-воздушных баз во Вьетнаме. Одновременно Вьетнам поставил вопрос о разграничении Тонкинского залива, оставляя за собой 2/3 территории залива. Такая позиция привела к оккупации группы Парасельских и Спратли островов, которые Китай считал своими. Одновременно началась кампания выдворения этнических китайцев из Вьетнама. Все эти действия привели к конфликтам на сухопутной границе между двумя странами. Министерство иностранных дел КНР сделало три заявления (18.01; 10.02; 16.02.1979.) с требованиями прекратить провокации на границе. Вьетнам проигнорировал эти заявления. Дэн Сяопин за несколько дней до начала войн заявил, что «Китай собирается преподать урок Вьетнаму» [3].

Цель статьи – проанализировать сложившуюся ситуацию между Китаем и Вьетнамом через освещение данных событий в российской историографии. Автор не ставил своей задачей рассмотреть все работы российских ученых, посвященные данной проблеме. Внимание уделяется лишь тем исследованиям, которые оцениваются автором как наиболее важные и актуальные для достижения поставленной цели.

Результаты исследования и их обсуждение

Советская историография по исследованию китайско-вьетнамской войны 1979 года представлена работой журналиста-международника В.Н. Скворцова [4]. Автор был свидетелем этой войны. В работе он

описывает мужество вьетнамских военных, ополченцев, гражданского населения в борьбе против китайских захватчиков. Книга написана в форме журналистского очерка. Работа полностью отражает идеологическую политику СССР и КПСС в период наибольшего противостояния в советско-китайских отношениях.

Детальное изучение китайско-вьетнамской войны 1979 года в российской исторической науке начинается в начале XXI века. Этот период характеризуется отказом от использования идеологических штампов советского времени. Большое влияние на работы российских ученых в начале XXI века оказало улучшение российско-китайских отношений, что получило отражение в новых подходах к освещению китайско-вьетнамских событий 1979 года.

В исследовании Б.Т. Кулика [5] этой войне посвящено всего две страницы [5, с. 586–588.]. Отечественный историк Ю.М. Галенович [6] событиям 1979 года уделил должное внимание. Автор детально проанализировал не только сам конфликт, но и дал развернутую трактовку и обоснование китайской точки зрения на данные события [7, с. 207–227]. Работа М.М. Ильинского носит скорее мемуарный характер, нежели исследовательский [7].

А.Г. Дорожкин и В.В. Переверзев в своей статье отмечают: «Полномасштабная война между КНР и Вьетнамом десятилетием позже явилась первым в истории военным конфликтом между социалистическими странами» [8, с. 236]. Статья написана на основе анализа советской периодической печати, посвященной китайско-вьетнамской войне 1979 года. Авторы, анализируя материалы, опубликованные в газете «Правда», отмечают, что в них «содержалась резкая критика китайской внешней политики, и последняя, в точном соответствии с выступлением Брежнева 2 марта 1979 г., характеризовалась как «серьезнейшая угроза миру во всем мире»» [8, с. 239]. Статья заканчивалась выводом: «В целом советская пресса, в т.ч. рассматриваемые нами издания, пыталась создать у своего читателя представление о широкой поддержке СРВ международной общественностью. Вместе с тем резко критиковалась позиция влиятельных кругов Запада, особенно США, приверженных идеологии и практике «холодной войны» (следует напомнить, что вплоть до конца 1980-х гг. 70-е

гг. XX века отнюдь не отождествлялись с «холодной войной», а оценивались как «период разрядки международной напряженности»). Позиция этих кругов не отождествлялась с официальной линией ведущих стран капиталистического мира» [8, с. 250].

Доктор исторических наук, профессор А.Г. Дорожкин детально анализирует причины китайско-вьетнамского конфликта 1979 года [9]. По мнению автора, в 60–70-х годах XX века СССР не исключал возможность конфликта между КНР и СРВ. Такую точку зрения он мотивирует, ссылаясь на материалы, подготовленные М.И. Сладковским в 1970 году и опубликованные ИНИОНом под грифом «Для служебного пользования» [10].

С середины 60-х годов социалистический Вьетнам определился с курсом как «самостоятельной линии, хотя и не без оглядки на Пекин» [10, с. 101]. Принятый курс ставил задачу найти баланс в отношениях с СССР и КНР. Отношения между Советским Союзом и Демократической Республикой Вьетнам отмечаются в издании: «Хотя и раздражает Пекин, однако ему представляется пока выгодным закрыть на... [это] глаза» [10, с. 102]. Далее А.Г. Дорожкин пишет: «В перспективе перед лицом сложнейших задач по восстановлению экономики своей страны вьетнамские руководители неизбежно будут и впредь стремиться к укреплению сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Если они и тогда сохранят нынешнюю оценку маоистской политики, то это будет максимум возможного, что Пекин сможет добиться от Ханоя в смысле моральной поддержки своему курсу. Именно поэтому, несмотря на очень серьезные расхождения с вьетнамскими руководителями, Пекин в основном воздерживается от слишком грубого давления на ДРВ и поддерживает с ней связи на самом высоком уровне, развивает торгово-экономические отношения, оказывает ей помощь» [10, с. 102–103].

А.Г. Дорожкин приводит корреспонденцию Ассошиэйтед пресс об улучшении отношений между Китаем и Вьетнамом после кончины Мао Цзэдуна. Окончательно решение о том, чью сторону принять в китайско-советском противостоянии, руководство Вьетнама не приняло. Однако Американское агентство пришло к выводу, что в Ханое «отдают предпочтение Москве перед Пекином» [10, с. 103].

В статье дается глубокий анализ факта китайской трактовки объявления войны Вьетнаму. По мнению китайских авторов, причиной войны стало стремление Ханоя сформировать Индокитайскую федерацию. Эту точку зрения поддерживают российские историки Ю.М. Галенович [6, с. 210–214], О. Самородний [11, с. 99–115, 129–131, 137–138].

С 1975 года очень отчетливо стала проявляться возрастающая связь между СРВ и СССР, а также стремление Вьетнама усилить влияние на Лаос и Камбоджу. Одновременно возникает территориальный спор вокруг островов в Южно-Китайском море – Спратли и Парасельских [12, с. 21–48].

А.Г. Дорожкин и В.В. Переверзев детально исследуют вопрос о том, как в СССР трактовалась территориальная принадлежность этих островов. Впервые этот вопрос был поднят в предыдущей его статье [8]. В ней тогда автор и соавтор только частично обозначили контуры этой проблемы. В начале 70-х годов в Советском Союзе острова Спратли и Парасельские считали китайскими и указывали их китайские названия – соответственно Наньша и Сиша [13, с. 93–94]. Более точное китайское название указано в Большой Советской Энциклопедии (3-е издание): Наньшацюньдао и Сиша. Однако принадлежность этих островов к какой-либо стране не указана [14, с. 239]. Советский Союз с конца 1978 года признает эти два острова за Вьетнамом, а установленный контроль КНР в 1974 году над островом Сиша расценивает как акт агрессии [6, с. 215].

Конфликт между СРВ и КНР советская печать трактовала как «свидетельство намерений Пекина проводить пограничную политику «с позиции силы» [8, с. 252]. Кроме этого, подчеркивалось, что «события января 1974 г. вокруг Парасельского архипелага обострили ситуацию в Юго-Восточной Азии» [8, с. 252]. К такому вводу приходит А.Г. Дорожкин.

К 35-годовщине китайско-вьетнамских событий 1979 года была опубликована статья Е.П. Глазунова [15]. В статье очень красноречиво автор заявляет: «Многовековая история отношений между двумя странами отмечена многочисленными большими и малыми войнами, вооруженными пограничными столкновениями, и исторически короткими мирными перерывами» [15, с. 117].

Причину конфликта 1979 года Е.П. Глазунов обосновывает заявлением, сделанным Мао Цзэдуном в 1965 году: «Мы должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд,

Бирму, Малайзию и Сингапур. Юго-Восточная Азия – это район, очень богатый многими полезными ископаемыми и заслуживающий расходов, связанных с тем, чтобы завладеть им» [16, с. 114].

В статье детально исследована ситуация начала конфликта, одной из причин которой, по мнению автора, были вьетнамо-камбоджийские разногласия. В сложившейся непростой ситуации руководство СРВ не однократно предпринимало попытки мирного урегулирования отношений с Камбоджей. Однако руководство Камбоджи отвергло эти предложения и начало военные действия против Вьетнама.

17 февраля 1979 года КНР начала военные действия по всей границе с СРВ. Через два дня правительство Советского Союза сделало официальное заявление. В нем «была дана принципиальная оценка агрессивных действий Китая, содержалось жесткое требование немедленно прекратить агрессию и вывести войска с вьетнамской территории» [16, с. 122].

Уже после начала военных действий правительство Социалистической Республики Вьетнам обратилось к Национальному Собранию страны в 1979 году, в котором конкретно было определено отношение к войне. Она «была частью экспансионистской контрреволюционной глобальной стратегии правящих кругов Китая, она была инспирирована, организована и руководима Китаем» [16, с. 120].

Е.П. Глазунов приходит к следующему выводу: «После прекращения конфликта начались длительные и трудные переговоры по нормализации двусторонних отношений. Они проходили в сложных условиях и затяжных дискуссиях, но, так или иначе, позволили наладить межгосударственные отношения, постепенно урегулировать многие вопросы, оставленные обеим сторонам историей» [15, с. 124].

В журнале «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития» за 2014 год в двух номерах были опубликованы три статьи о помощи Советского Союза Социалистической Республике Вьетнам в отражении агрессии Китайской Народной Республики.

В статье Д.В. Мосякова [17] дана ясная позиция СССР в отношении агрессии КНР против Вьетнама: «Именно в этот период была продемонстрирована мощь и эффективность советско-вьетнамского союза, который встал преградой на пути китайской агрессии против Вьетнама, которая прикрывалась заявлениями китайских лидеров об их желании

наказать Ханой за вторжение в Камбоджу и свержение там полпотовского режима» [17, с. 128].

Подписанный 4 ноября 1978 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» предусматривал поддержку Москвы в случае прямой агрессии со стороны Китая. Оценивая данную ситуацию, Д.В. Мосяков приходит к вводу: «В то же время нельзя не признать, что предоставление военных гарантий Вьетнаму было для СССР трудным решением, так как при определенных обстоятельствах могла возникнуть реальная угроза развязывания полномасштабной войны с Китаем» [17, с. 130].

Китайское руководство рассматривало три возможных варианта действий СССР на начавшуюся китайскую агрессию 16 февраля 1979 года. Согласно первому варианту Советский Союз должен был только ограничиться публичным осуждением. Второй вариант предполагал, что будут использованы ограниченные военные акции. Третий вариант сулил крупномасштабные военные действия. По мнению тогдашнего руководителя КНР Дэн Сяопина, наиболее вероятным был первый вариант.

«Но самым неприятным сюрпризом для китайского руководства, – отмечает автор статьи, – стала жесткая и однозначная реакция СССР, который не только не ограничился словесными осуждениями и угрозами в адрес Пекина, а принял самое активное участие в отражении китайского удара – формируя мощную военную группировку в Приморье и в Монголии» [17, с. 132]. Далее Д.В. Мосяков приводит данные о военной помощи оказанной СССР Вьетнаму: «В период с начала конфликта и до конца марта только морским транспортом было переброшено более 400 танков, боевых машин пехоты и бронетранспортеров, 400 орудий и минометов, 20 самолетов и масса другой военной техники» [17, с. 134]. Эта помощь во многом помогла победе вьетнамского народа в войне против Китая.

Вторая статья принадлежит Е.В. Кобелеву [18]. Она является ответом на статью Хоанг Ти Хиен, профессора Педагогического института города Хюэ (Центральный Вьетнам). Статья называлась «Почему Китай атаковал Вьетнам в 1979 г.?». Автор статьи предложил «сложную

стратагему», по которой Китай боялся окружения своей страны «огромным полукругом в виде буквы С. [18, с. 126].

Е.В. Кобелев, отвечая на поставленный вопрос вьетнамского профессора, пишет: «Как нам представляется, в этой статье, претендующей на «глубокое стратегическое мышление», основные причины войны 1979 г. и позиция Советского Союза поставлены автором, мягко говоря, с ног на голову» [18, с. 126]. Более того, отечественный автор приводит слова профессор Хоанг Ти Хиен: «…На деле степень вмешательства Советского Союза в военные действия, развернутые Китаем, оказалась не такой большой, как ошибочно предполагали китайские правящие круги» [18, с. 128].

Данная позиция вьетнамского профессора не соответствует действительности. Е.В. Кобелев приводит цитату из официального заявления Правительства Советского Союза, опубликованного 19 февраля 1979 года. В нем четко выдвигалось требование «незамедлительного вывода китайских войск с территории Социалистической Республики Вьетнам» и подтверждалось, что Советский Союз «выполнит обязательства, взятые по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ» [19].

В своей статье Е.В. Кобелев приходит к следующему заключению: «Все эти серьезные военные меры, вкупе с протестами международной общественности, в том числе советского народа, вскоре вынудили тогдашнее руководство КНР дать приказ о приостановке наступления на Ханой и приступить к «организованному и планомерному» отводу китайских войск с уже занятых территорий Северного Вьетнама. Таким образом, акция «наказания» Вьетнама закончилась провалом» [18, с. 130].

Третья статья, опубликованная в журнале «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», посвящена оценке мировой печати агрессии Китая против Вьетнама и событий на острове Спратли [20]. Автор статьи Б. Виноградов, детально проанализировав мировую печать, касающуюся вопроса китайской агрессии, пришел к следующему выводу: «Общая тональность выступлений советской прессы и про-вьетнамская направленность резко контрастировали с содержанием статей и оценкой происходящих событий в западных СМИ. Некоторые из них явно злорадствовали по поводу того» [20, с. 138].

Б. Виноградов делает предположение, что газета «Нью-Йорк Таймс» явилась автором термина «социалистические войны» [20, с. 140].

Статья О.И. Боговковой [21] посвящена анализу причин и итогам китайско-вьетнамской войны 1979 года. По мнению автора статьи, эти события еще не до конца получили всестороннего освещения. Причиной этого является различный подход участников конфликта к его объяснению. «Анализ тактики Пекина, – пишет автор, – позволяет сделать вывод, что военные (оперативные цели) Китая сводились к втягиванию в боевые действия основных вьетнамских сил и нанесению им тяжёлых потерь, и в том числе к тому, чтобы вынудить Ханой вывести части из Камбоджи для обеспечения подкрепления» [21, с. 198].

В конце статьи автор отмечает: «Исходя из результатов проведённого анализа на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях можно сделать вывод, что Китай сохраняет верность своей геополитической парадигме, лишь приспосабливая её к конкретным условиям. В таком аспекте китайско-вьетнамская война 1979 года – не случайный акт и не внешнеполитическая ошибка, а лишь один из первых шагов по возвращению Пекином своего регионального и мирового статуса в контексте традиционной китайской геополитики» [21, с. 204].

Заключение

Историографический анализ работ отечественных ученых, посвященных военному конфликту между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, данный конфликт еще не до конца исследован, так как в научный оборот еще не введены архивные материалы Вьетнама и Китая. Во-вторых, требуется дополнительная информация, которая пока еще не доступна исследователям из-за закрытия архивов. В-третьих, все отечественные авторы приходят к выводу о том, что главной причиной конфликта стала неконструктивная позиция Китая.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946–1975 гг.). М.: Изографус: ЭКСМО. 2002. 814 с.

2. The Encyclopedia of the Vietnam War. A Political, Social, and Military History [4 volumes]. Edit. by S. Tucker. ABC-CLIO; 2nd edition. 2011. 2044 p.

3. «Китайцы шли цепями на пулеметы». 40 лет назад началась война главных коммунистических держав Азии. СССР остался не у дел. 17.02.2019 // Лента.Ру: [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2019/02/17/china_vietnam/ (дата обращения: 05.06.2023).
4. Скворцов В.Н. Тридцать дней войны. М.: Политиздат, 1981. 239 с.
5. Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2000. 640 с.
6. Галенович Ю.М. «Войны нового Китая» и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. 640 с.
7. Ильинский М.М. Вьетнамский синдром: Война разведок. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Яуза: Эксмо, 2005. 672 с.
8. Дорожкин А.Г., Переверзев В.В. Первые «Социалистические войны» в отражении советской периодической печати // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1 (35). С. 236–253.
9. Дорожкин А.Г. Начало генезиса китайско-вьетнамского конфликта 1979 г. и советская периодика // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 202–213.
10. Китайская Народная Республика в 1969 году / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1970. 268 с.
11. Самородний О. Пол Пот. Камбоджа – империя на костях? М.: Алгоритм, 2013. 320 с.
12. Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море. М.: Международные отношения, 1980. 158 с.
13. Малый Атлас мира / под ред.: В. Н. Салманова, Л. Н. Колосова. Москва: ГУГК при СМ СССР, 1971. 302 с.
14. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Издание 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 12. Кварнер-Конгур, 1973. 623 с.
15. Глазунов Е.П. К 35-летию китайско-вьетнамского вооруженного конфликта // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 117–125.
16. Пышков Б.М., Старостин Б.С. Пекин: в поисках «пятой колонны». М.: Политиздат, 1981. 176 с.
17. Мосяков Д.В. Роль СССР в отражении агрессии Китая против Вьетнама в 1979 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 128–135.
18. Кобелев Е.В. Причины войны 1979 г. и фактор советской помощи СРВ (ответ вьетнамскому профессору) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 126–130.
19. Правда. 19.02.1979. № 50 (22115) // Библиотека коммунистической литературы marxism-leninism.info: [сайт]. URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1979_50-1121 (дата обращения: 22.06.2023).
20. Виноградов Б. Мировая печать об агрессии КНР против Вьетнама и о событиях на Спратли // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 137–142.
21. Боговкова О.И. Китайско-вьетнамская война 1979 года в контексте китайской геополитики // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 1. С. 196–206.

REFERENCES

1. Davidson F.B. Vojna vo V'etname (1946–1975 gg.) [The Vietnam War (1946–1975)]. M.: Izografus: JeKSMO. 2002. 814 p. (In Russ.).

2. The Encyclopedia of the Vietnam War. A Political, Social, and Military History [4 volumes]. Edit. by S. Tucker. ABC-CLIO; 2nd edition. 2011. 2044 p.
3. «Kitajcy shli cepjami na pulemety». 40 let nazad nachalas' vojna glavnyh kommunisticheskih derzhav Azii. SSSR ostalsja ne u del [“The Chinese Marched in Chains Towards the Machine Guns.” 40 Years Ago, the War between the Main Communist Powers of Asia Began. The USSR was Left out of Business]. 17.02.2019. *Lenta.Ru* Available at https://lenta.ru/articles/2019/02/17/china_vietnam/ (accessed: 05.06.2023). (In Russ.).
4. Skvorcov V.N. Tridcat' dnej vojny [Thirty Days of War]. M.: Politizdat, 1981. 239 p. (In Russ.).
5. Kulik B.T. Sovetsko-kitajskij raskol: prichiny i posledstvija [The Soviet-Chinese Split: Causes and Consequences]. RAN. In-t Dal'nego Vostoka. M., 2000. 640 p. (In Russ.).
6. Galenovich Ju.M. «Vojny novogo Kitaja» i ego diplomaticheskaja sluzhba ["New China's Wars" and its Diplomatic Service]. M.: Vostochnaja kniga, 2012. 640 p. (In Russ.).
7. Il'inskij M.M. V'etnamskij sindrom: Vojna razvedok [The Vietnam Syndrome: The War of Intelligence]. Izd. 2-e, dop. i pererab. M.: Jauza: Jeksmo, 2005. 672 p. (In Russ.).
8. Dorozhkin A.G., Pereverzev V.V. Pervye «Socialisticheskie vojny» v otrazhenii sovetskoj periodicheskoj pechati [The First "Socialist Wars" in the Reflection of the Soviet Periodical Press]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2012. № 1(35). P. 236–253. (In Russ.).
9. Dorozhkin A.G. Nachalo genezisa kitajsko-v'etnamskogo konflikta 1979 g. i sovetskaja periodika [The Beginning of the Genesis of the Sino-Vietnamese Conflict in 1979 and Soviet Periodicals]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014. № 4(46). P. 202–213. (In Russ.).
10. Kitajskaja Narodnaja Respublika v 1969 godu [The People's Republic of China in 1969]. AN SSSR. In-t Dal'nego Vostoka. M., 1970. 268 p. (In Russ.).
11. Samorodnij O. Pol Pot. Kambodzha – imperija na kostjah? [Pol Pot. Cambodia – an Empire on Bones?] M.: Algoritm, 2013. 320 p. (In Russ.).
12. Stepanov E.D. Jekspansija Kitaja na more [China's Maritime Expansion]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. 158 p. (In Russ.).
13. Malyj Atlas mira [Small Atlas of the World]. pod red.: V. N. Salmanova, L. N. Kolosova. Moskva: GUGK pri SM SSSR, 1971. 302 p. (In Russ.).
14. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t. [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. Gl. red. A.M. Prohorov. Izdanie 3-e izd. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969–1978. T. 12. Kvarner-Kongur, 1973. 623 p. (In Russ.).
15. Glazunov E.P. K 35-letiju kitajsko-v'etnamskogo vooruzhennogo konflikta [To the 35th Anniversary of the Sino-Vietnamese Armed Conflict]. *Jugo-Vostochnaja Azija*: *aktual'nye problemy razvitija*. 2014. № 23. P. 117–125. (In Russ.).
16. Pyshkov B.M., Starostin B.S. Pekin: v poiskah «pjatoj kolonny» [Beijing: in Search of the “Fifth Column”]. M.: Politizdat, 1981. 176 p. (In Russ.).
17. Mosjakov D.V. Rol' SSSR v otrazhenii agressii Kitaja protiv V'etnama v 1979 g. [The Role of the USSR in Repelling Chinese Aggression Against Vietnam in 1979]. *Jugo-Vostochnaja Azija*: *aktual'nye problemy razvitija*. 2014. № 22. P. 128–135. (In Russ.).
18. Kobelev E.V. Prichiny vojny 1979 g. i faktor sovetskoj pomoshhi SRV (otvet v'etnamskomu professoru) [The Causes of the 1979 War and the Factor of Soviet Assistance to Vietnam (Response to a Vietnamese Professor)]. *Jugo-Vostochnaja Azija*: *aktual'nye problemy razvitija*. 2014. № 23. P. 126–130. (In Russ.).

19. Pravda [The Truth]. 19.02.1979. № 50 (22115). *Biblioteka kommunisticheskoj literatury marxism-leninism.info*. Available at https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1979_50-1121 (accessed: 22.06.2023). (In Russ.).
20. Vinogradov B. Mirovaja pechat' ob agressii KNR protiv V'etnama i o sobytijah na Spratli [World Press about the Aggression of the PRC Against Vietnam and the Events on the Spratly Islands]. *Jugo-Vostochnaja Azija*: *aktual'nye problemy razvitija*. 2014. № 23. P. 137–142. (In Russ.).
21. Bogovkova O.I. Kitajsko-v'etnamskaja vojna 1979 goda v kontekste kitajskoj geopolitiki [The 1979 Sino-Vietnamese War in the Context of Chinese Geopolitics]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2017. T. 47. № 1. P. 196–206. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Ван Минцзюнь – аспирант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: a1069910470@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6814-1078.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Wang Mingjun – Postgraduate student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: a1069910470@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6814-1078.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023. Одобрена после рецензирования 25.08.2023. Принята 29.08.2023.
Received 02.06.2023. Approved after reviewing 25.08.2023. Accepted 29.08.2023.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
EURASION INTEGRATION

научная статья
УДК: 327.8
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.4

Китайско-российское сотрудничество в Арктике (по материалам российской печати)

Лун Цуй ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ luntsui@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5342-8495

Аннотация. *Роль Арктики в мировой политике и международных отношениях за последние десятилетия существенно возросла. Располагая большими природными ресурсами арктический регион имеет важное геополитическое, стратегическое и экономическое значение, что определяет заинтересованность в нем не только арктических государств, но и государств, находящихся далеко от региона. Одним из таких государств является – Китайская Народная Республика. Отношения между Китаем и Россией в последние десятилетия строятся на основе стратегического партнерства. Важнейшим приоритетным направлением этого партнерства стали совместные проекты в Арктике в транспортной и энергетической областях. Китайско-российскому арктическому сотрудничеству посвящено значительное количество работ российских ученых. Большинство авторов рассматривают сотрудничество как гарант стабильности отношений для Китая и России в условиях глобализированного мира. Однако есть исследователи, считающие наличие отдельных противоречий в отношениях между арктическими и неарктическими странами. По их мнению, Китай иногда выступает конкурентом, а его деятельность становится экспансионистской. В целом, по мнению российских авторов, китайско-российское сотрудничество является взаимовыгодным и находится в стадии развития, обеим странам предстоит долгий путь в вопросе устойчивого развития Арктики. В статье представлены результаты историографического анализа опубликованных материалов*.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Российская Федерация; Арктика; сотрудничество; историография; российские исследователи

***Для цитирования*:** Лун Цуй. Китайско-российское сотрудничество в Арктике (по материалам российской печати) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 43–57. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.4

© Лун Цуй, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 327.8
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.4

Sino-Russian Cooperation in the Arctic (Based on the Materials of the Russian Press)

Long Cui ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ luntsui@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5342-8495

Abstract. *The role of the Arctic in world politics and international relations has increased significantly over the past decades. With its large natural resources, the Arctic region has important geopolitical, strategic and economic significance. All this determines the interest in it not only of the Arctic states, but also of states located far from the Arctic. One of these states is the People's Republic of China. Relations between China and Russia in recent decades have been built on the basis of strategic partnership. Joint projects in the Arctic have become the most important priority area of this partnership. These are projects in the transport and energy fields. A large number of works by Russian scientists are devoted to the Sino-Russian Arctic cooperation. Most authors consider cooperation as a guarantee of stability for China and Russia in a globalized world. However, there are authors who believe that there are separate contradictions in the relations between the Arctic and non-Arctic countries. In their opinion, China sometimes acts as a competitor, and its activities become expansionist. In general, according to the Russian authors, the Sino-Russian cooperation is mutually beneficial and is under development. China and Russia have a long way to go in the issue of sustainable development of the Arctic*.

Keywords: People's Republic of China; Russian Federation; Arctic; cooperation; historiography; Russian press

***For citation*:** Long Cui. Sino-Russian Cooperation in the Arctic (Based on the Materials of the Russian Press). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 43–57. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.4

© Long Cui, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Арктика является регионом богатым природными ресурсами, имеющими важное геополитическое, стратегическое и экономическое значение. В последние десятилетия отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой характеризуются многосторонними партнерскими отношениями. Эти отношения основаны на принципе стратегического сотрудничества. Одним из приоритетных направлений является реализация совместных проектов в Арктике.

Внешнеполитическая деятельность Китайской Народной Республики в Арктике получила широкое освещение в работах отечественных ученых – П.А. Гудева [1], А.А. Забеллы [2], А.В. Загорского [3], В.В. Карлусова [4], М.Ю. Гутенева [5], Е.В. Киенко [6; 7; 8], М.А. Кобзевой [9; 10; 11; 12], И.Н. Комиссиной [13] и других. В этих исследованиях проанализирована политика КНР в Арктике и определены основные ее направления и состояние в XXI веке. Особого внимания заслуживают исследования В.Н. Конышева и М.А. Кобзевой [14; 15]. В частности, в монографии М.А. Кобзевой, дан глубокий системный анализ современной политике Китая посвященной современной китайской политике в Арктике [16].

Данная статья ставит задачу проанализировать китайско-российское сотрудничество в Арктике по опубликованным материалам российских исследователей.

Материалы и результаты исследования

Китайская Народная Республика, не являясь арктическим государством, выдвигает права на освоение Арктики. В.Н. Конышев и А.А. Сергунин в статье «Освоение природных ресурсов Арктики: пути сотрудничества России с Китаем в интересах будущего» [17], отмечают возможности и пути сотрудничества между двумя странами в этом регионе. В частности, они пишут: «Арктическая политика Китая открыта для взаимовыгодного сотрудничества с Россией, но в ней потенциально присутствует и антироссийский вектор» [17, с. 9]. Однако Китай может добиваться некоторых целей: «КНР обладает значительным финансово-экономическим и научно-технологическим потенциалом, который может оказаться полезным России в деле освоения Арктики. Конечно, России необходимо избирательно подходить к использованию этого потенциала и вырабатывать механизмы «тонкой настройки» для взаимодействия с КНР в Арктике, памятуя при этом о необходимости установления определенных пределов для сотрудничества с этим государством» [17, с. 9].

Важным направлением сотрудничества Китая и России в Арктике является освоение Северного морского пути. Для реализации этого направления, по мнению Н.Р. Максимова [18], необходимо: «привлечение китайских инвестиций к инфраструктурному развитию Арктики, освоение и экспорт на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона дефицитных

полезных ископаемых, сосредоточенных в пределах Арктической зоны Российской Федерации» [18, с. 29].

Вопросам российско-китайского сотрудничества в области коммерческого освоения Северного морского пути, посвящена статья А.Л. Вороненко [19]. Автор отмечает: «Для Китая как для ведущего торгового партнёра Европейского союза и США данный маршрут представляет собой отличную альтернативу и дополнение традиционным путям доставки продукции на крупнейшие мировые рынки» [19, с. 42], и далее: «Для России значение СМП [1] трудно переоценить. Именно он является национальной морской транспортной магистралью России в Арктике. От его функционирования во многом зависит жизнеобеспечение полярных регионов Российской Федерации» [19, с. 42]. В заключении статьи отмечается: «Подводя итог, хотелось бы сказать, что существует много мнений о том, что китайская навигация по СМП несёт угрозу интересам России. В частности, что Китай, построив свои ледоколы, не будет нуждаться в российских услугах и выдавит Россию с арктических маршрутов. Однако я полагаю, что это не так. Китайское присутствие на СМП означает его оживление, развитие. А какая же страна может препятствовать развитию своего национального транспортного коридора, коридора жизни для своих северных территорий. Ведь освоение Северного Морского пути, помимо прочего, будет способствовать социально-экономическому развитию арктической зоны РФ, а это одна из заявленных стратегических целей Правительства РФ. Поэтому СМП – это не вопрос конфронтации между Россией и Китаем, это вопрос взаимовыгодного сотрудничества» [19, с. 49].

В статье О.Б. Александрова [20] анализируются санкции Запада в отношении России и в этой связи рассматриваются вопросы стратегического альянса России и Китая. Автор приходит к следующим выводам: «Исходя из вышесказанного, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, можно констатировать, что дальнейшее сплочение западных держав в Арктике на антироссийской основе, то есть продолжение их нынешнего политического курса, способствует сближению геостратегических интересов России и Китая в этом регионе. Во-вторых,

[1] Северный морской путь.

экономические интересы Москвы и Пекина в Арктике в значительной степени пересекаются, но совпадают далеко не по всем вопросам. Однако обе стороны имеют возможность пойти друг другу навстречу и сблизить позиции, особенно если убедятся в том, что альтернативные варианты коалиций не столь надежны в долгосрочном плане и не сочетаются с интересами безопасности. В-третьих, многие инфраструктурные проекты в Арктике Россия не в состоянии осуществить в одиночку. Западные санкции ставят ее перед дилеммой: либо отложить реализацию ряда намеченных программ на отдаленную перспективу, либо привлекать внешнего партнера, который был бы, как и Россия, заинтересован в реализации совместных программ по развитию Арктики, включая проект СМП. Учитывая это, перспективы стратегического альянса с Китаем в Арктике выглядят вполне реалистичными» [20, с. 35].

Китайско-российское научное сотрудничество по освоению и развитию Арктики, развивается успешно и динамично. Этому направлению сотрудничества посвящена статья В.Л. Ерохина [21]. Приоритетными направлениями являются: разработка месторождений природных ресурсов, исследования в вопросах навигации в северных широтах, использование современных видов транспорта и машиностроение для Арктики. Автор приходит к выводу: «Для России и Китая в свете реализации своих арктических стратегий важно увязать участие в международных арктических исследовательских проектов с приоритетными интересами двухстороннего сотрудничества по развитию и освоению Арктики, ее природных ресурсов и транспортных возможностей» [21, с. 49].

Опубликованная в январе 2018 г. «Белая книга КНР по арктической политике», детально анализируется в статье В.Е. Петровского и Л.В. Филипповой [22]. «Ряд положений Белой книги имеют принципиальное значение в контексте развития Арктической зоны Российской Федерации, и на основе их анализа авторы приходят к выводу о том, что, поскольку подход КНР к освоению Арктики отличается особым прагматизмом, то российской стороне в целях качественного углубления российско-китайского регионального взаимодействия необходимо обратить пристальное внимание на повышение конкурентных преимуществ предлагаемых ею кооперационных проектов, особенно в экономической

сфере» [22, с. 171]. И далее авторы отмечают: «Диалог России и Китая по Арктике способен стать примером действительно взаимовыгодного сотрудничества. РФ не только сможет переложить на партнера часть финансовой нагрузки по освоению Арктики, но и получит средства для модернизации существующих и строительства новых международных морских портов на всем протяжении СМП. КНР же обретет новые возможности по оптимизации межконтинентальной транспортировки китайской продукции, общему расширению ее ВЭС и созданию новых объектов своей ресурсной базы за рубежом» [22, с. 180].

В настоящее время Китай становиться главным региональным инвестором в разработку природных ресурсов, строительство портов, развитие судоходства, железных дорог, инфраструктуры Арктики. Этим вопросам регионального развития посвящена работа Т.Л. Савостовой и А.Л. Бирюковой [23]. По мнению авторов, между КНР и РФ и европейскими странами Арктического региона формируется новая политическая система на основе принципа “сдержек и противовесов”» [23, с. 86]. В заключении авторы приходят к выводу: «Управление устойчивым развитием территорий Арктики способствует минимизации возможных рисков, связанных с активизацией техногенной деятельности в арктическом регионе. В современных условиях приоритетом развития региональных систем становится создание высокотехнологичной базы, обеспечивающей рентабельное получение новых продуктов и возможность экономически обоснованной их транспортировки как в внутри страны, так и за ее пределами» [23, с. 90].

Приоритетными направлениями в сотрудничестве Китая и России проявляются в «высокотехнологической сфере, в сфере транспорта, инфраструктуры, сельского хозяйства, финансов и предполагает конкретные проекты, механизмы взаимной защиты инвестиций в евразийском пространстве, включая Арктический регион» [24, с. 69]. Так считают В.Б. Митько и М.В. Минина [24]. Они приходят к выводу: «Объективная оценка геополитической ситуации и реальных процессов позволяют сделать вывод, что российско-китайское сотрудничество в Арктике является важнейшим фактором устойчивого развития региона и обеспечения национальной, региональной и глобальной безопасности. Руководствуясь решениями глав государств и правительств Китайской

Народной Республики и Российской Федерации о перспективных проектах в рамках сопряжения концепции «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза, а также учитывая необходимость сотрудничества в области совместного освоения и использования Северного морского пути и разработки концепции «Ледовой трассы Шелкового пути», других направлений российско-китайского сотрудничества» [24, с. 76].

Председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 г. обнародовал проект «Один пояс, один путь». Этот проект стал самым значимым и перспективным в истории международных проектов. Он включает два проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Их цели, по мнению лидера Китая: «углубление экономической интеграции в регионе, упразднение барьеров в сферах торговли и инвестиций, построение единой транспортной инфраструктуры, усиление значимости национальных валют, повышение уровня сотрудничества в гуманитарной сфере» [25].

Анализу этих проектов посвящены работы К.М. Михайличенко [26], А.Л. Козиной и А.А. Миндубаевой [27], В.Л. Ерохина [28]. К.М. Михайличенко приходит к следующему выводу: «Китайский проект «Ледового Шелкового пути» в рамках инициативы «Один пояс и один путь», учитывая российские и китайские интересы, может дать большой толчок в развитии Арктики и получении выгод Россией и Китаем» [26, с. 342]. К аналогичному выводу приходят и А.Л. Козина и А.А. Миндубаева: «Двусторонние отношения можно назвать самодостаточными. Москва и Пекин будут и дальше углублять сотрудничество как гарант стабильности в мире и для российского, и китайского народов в условиях глобализированного мира» [27, с. 192]. По мнению В.Л. Ерохина, в последние годы проект «Один пояс и один путь» был распространен на северные регионы, что было обусловлено стратегическими партнерскими отношениями между Китаем и Россией в Арктике. Автор статьи пишет: «у российско-китайского политического и экономического сотрудничества в Арктике имеются как хорошая основа, так и значительные перспективы. Выдвинутые Китаем инициативы «Пояса и Пути» и развития арктических транспортно-экономических коридоров в условиях их сопряжения с российскими интересами в регионе имеют многообещающий потенциал реализации в целях устойчивого развития и освоения северных

территорий. Видение Китаем своей роли в Арктике убедительно демонстрирует готовность и открытость страны к развитию сотрудничества с Россией на принципах всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» [28, с. 34].

Проект «Морской Шелковый путь XXI века» предусматривает сотрудничество между двумя странами в области арктического судоходства. Этой проблеме посвящена статья М.А. Кобзевой [29]. Автор отмечает: «Благодаря новым механизмам взаимодействия и совместным политическим решениям, формат предоставляет целый ряд дополнительных возможностей для диалога и реализации проектов. При этом двустороннее сотрудничество постепенно сосредотачивается вокруг созвучных инициатив: развитие Северного морского пути и строительство Ледового Шелкового пути» [29, с. 108].

Перспективам сотрудничества Китая и России в Арктике посвящена статья Г.О. Халовой и Т.А. Жучковой [30]. Авторы считают: «Китай проявляет большой интерес в развитии отношений с Россией, страной, которая владеет СМП и большими запасами арктических углеводородов, Россия в свою очередь проявляет заинтересованность в поддержке Китая, как одного из основных инвесторов и страной, которая владеет передовыми технологиями. Северный морской путь играет ключевую роль в перспективах развития отношений России и Китая в Арктике» [30, с. 109].

Проблемы защиты окружающей среды, и в первую очередь Арктического региона, всегда были в центре внимания Китая и России. Д.Н. Веселова в статье «Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике общее и особенное» [31], приходит к заключению: «Национальные интересы обеих стран в Арктике связаны с экономикой и геополитикой, но завуалированы под интересы решения экологических проблем. Актуальными вопросами в Арктике значатся защита окружающей среды, борьба с изменением климата и развитие международного сотрудничества. Нерешенными проблемами и Китая, и России при осуществлении арктической экологической политики остаются декларативный, программный характер основных документов по вопросам защиты окружающей среды региона, а также отсутствие совместного компетентного органа, осуществляющего совместную деятельность рассматриваемых государств в Арктике» [31, с. 130].

Дискуссия

Российские эксперты О.Б. Александров [20], А.В. Загорский [3], Ю.В. Морозов, А.Ф. Клименко [32] занимающиеся проблемами Арктики, отмечают наличие отдельных противоречий в отношениях между арктическими и неарктическими странами. Они считают Китай конкурентом, а его деятельность экспансионистской.

В своей статье А.В. Загорский рассматривает только два вопроса, вызывающие серьезные противоречия между КНР и РФ и другими арктическими государствами, это общий правовой режим в Арктике и судоходство по Северному морскому пути. Исследуя эти вопросы, автор приходит к следующим выводам: «Во-первых, существующие или мнимые разногласия между Китаем и арктическими государствами не следует обобщать. Там, где такие разногласия существуют, они носят вполне конкретный характер, а не являются отражением каких-то глубинных противоречий между странами. Конкретные же различия в позициях сторон преодолимы на основе рационального диалога» [3, с. 68] и «Во-вторых, подчеркивание каких-то проблемных аспектов и различий в подходах к решению тех или иных вопросов зачастую не столько отражает действительные противоречия в интересах, сколько является естественной реакцией китайских экспертов на подчеркивание арктическими государствами их особых прав в регионе» [3, с. 68].

Негативный взгляд, на арктическую политику Китая, высказал эксперт по морскому праву П.А. Гудев [1]. Он считает, что политика КНР сводиться к максимальной интернационализации Арктического региона, а это затрагивает национальные интересы РФ и арктических государств. Анализируя "Белую книгу по Арктической политике Китая" [1], П. Гудев считает ее в "излишней претенциозности, необоснованных амбициях, непоследовательности, а также ряде правовых ошибок и географических нелепостях" [1]. Далее автор статьи отмечает необоснованность с юридической и географической точек зрения, ввод Китаем понятия "околоарктическое государство" [1], в отношении себя.

Своеобразный итог по вопросу дискуссии о сотрудничестве между Китаем и Россией можно найти в статье В.А. Эпштейн и А.Р. Дагаев «Арктические интересы Российской Федерации и Китайской Народной

Республики: взаимная выгода и стратегические противоречия» [32]. Автор отмечают: «Сотрудничество России и Китая в Арктике носит неизбежный и исторически обусловленный характер. На данном этапе Китай, желающий обеспечить собственную энергетическую безопасность и снизить себестоимость доставки товаров в развитые страны Европы, будет активнее участвовать в арктических делах» [32, с. 98].

Заключение

Проанализировав работы российских исследователей по вопросу сотрудничества Китая и России в Арктике можно сделать следующие выводы. Первое, в основе китайско-российского сотрудничества лежит принцип стратегического партнерства, правительства двух стран прилагают большие усилия для его реализации. Второе, это сотрудничество является взаимовыгодным, так как национальные интересы двух стран совпадают. Третье, потенциал китайско-российского сотрудничества в Арктике еще не до конца использован и находится в стадии развития. Китайской Народной Республики и Российской Федерации предстоит еще долгий путь в вопросе устойчивого развития в Арктике.

В заключении приведем слова из выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова, посвященного 25-летию Арктического Совета, 19 мая 2021 года: «Арктика – наш общий дом, и сберечь его для нынешнего и будущего поколений – наша прямая обязанность» [33]. Российская Федерация и Китайская Народная Республика руководствуются этим принципом в комплексном, совместном освоении Арктики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудев П.А. Арктические амбиции Поднебесной // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16. № 5. С. 174–184.

2. Забелла А.А. Цели и интересы Китая в Арктике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 166–175.

3. Загорский А.В. Китай принимает условия в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 7. С. 76–83.

4. Karlusov, V.V., Yarkov, D.A. Russia and China: Interests, Potential and Prospects of Interaction in the Arctic // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2019. Vol. 10. Iss. 2. P. 1740–1746.

5. Гутенев М.Ю. «Мягкие механизмы» реализации арктической стратегии Китая // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. No. 4. С. 147–154.
6. Киенко Е.В. Международно-правовая характеристика арктической политики Китая // Московский журнал международного права. 2017. № 3. С. 18–30.
7. Киенко Е.В. Китай о применимости к Арктике режима управления «общим наследием человечества» // Право и управление. XXI век. 2018. № 2(47). С. 13–21.
8. Киенко Е.В. Международно-правовые основы сотрудничества Китая с арктическими государствами // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 64–68.
9. Кобзева М.А. Арктический вектор в политике Китая при новом руководстве // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 5. С. 962–974.
10. Кобзева М.А. Противоречия в оценках арктической политики КНР // Конфликтология. 2017. № 2. С. 201–219.
11. Кобзева М.А. Китай как возможный партнер США в Арктике: настоящее и будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. №. 9. С. 1762–1778.
12. Kobzeva M. China's Arctic policy: Present and Future // The Polar Journal. 2019. Vol. 9. Iss. 1. P. 94–112. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1618558.
13. Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1(28). С. 54–73.
14. Конышев В.Н., Кобзева М.А. Шпицберген в арктической политике Китая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 4. С. 48–54.
15. Конышев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77–92.
16. Кобзева М.А. Современная арктическая политика Китая. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. 226 с.
17. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Освоение природных ресурсов Арктики: пути сотрудничества России с Китаем в интересах будущего // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 39. С. 2–9.
18. Максимов Н.Р. Арктика в XXI веке: интересы России и Китая // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2013. № 1(1). С. 22–29.
19. Вороненко А.Л. Перспективы российско-китайского сотрудничества в области коммерческого освоения Северного морского пути // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 2(94). С. 41–50.
20. Александров О.Б. Перспективы стратегического альянса России и Китая в Арктике // Россия XXI. 2015. № 2. С. 24–35.
21. Ерохин В.Л. Международное научное сотрудничество по развитию Арктики: возможности объединения усилий для России и Китая // Маркетинг и логистика. 2018. № 3(17). С. 40–56.
22. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. № 23. С. 171–182.

23. Савостова Т.Л., Бирюкова А.Л. Российско-китайское сотрудничество в Арктике: эффективное управление развитием региональных систем // Инновации и инвестиции. 2019. № 7. С. 86–91.
24. Митько В.Б., Минина М.В. Российско-китайское сотрудничество в Арктике и безопасность морской деятельности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2(28). С. 69–78.
25. Проект «Один пояс, один путь». Досье. 03.07.2017 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: http://tass.ru/info/4383152 (дата обращения: 27.06.2023).
26. Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 333–345.
27. Колзина А.Л., Миндубаева А.А. «Полярный Шелковый путь» как сфера стратегического партнерства Российской Федерации и КНР // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. Вып. 2. С. 186–195.
28. Ерохин В.Л. Арктика в российско-китайских отношениях: от политики к экономике // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 2 (4). С. 26–36.
29. Кобзева М.А. Сотрудничество России и КНР в сфере арктического судоходства: состояние и перспективы // Арктика и Север. 2021. № 43. С. 89–108.
30. Халова Г.О., Жучкова Т.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в освоении Арктики: вызовы и риски // Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2021. № 1. С. 101–110.
31. Веселова Д.Н. Государственная экологическая политика России и Китая в Арктике общее и особенное // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 130–139.
32. Морозов Ю.В. Клименко А.Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «Арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. № 20. С. 173–191.
33. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, посвященное 25-летию Арктического совета. 19.05.2021 // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/arkticeskij-sovet/1422628/ (дата обращения: 17.07.2023).

REFERENCES

1. Gudev P.A. Arkticheskie ambicii Podnebesnoj [Arctic Ambitions of the Celestial Empire] *Rossija v global'noj politike*. 2018. T. 16. № 5. P. 174–184. (In Russ.).
2. Zabella A.A. Celi i interesy Kitaja v Arktike [Goals and interests of China in the Arctic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija*: *Istorija i politicheskie nauki.* 2019. № 4. P. 166–175. (In Russ.).
3. Zagorskiy A.V. Kitay prinimayet usloviya v Arktike [China Accepts Conditions in the Arctic]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2019. T. 63. № 7. P. 76–83. (In Russ.).

4. Karlusov, V.V., Yarkov, D.A. Russia and China: Interests, Potential and Prospects of Interaction in the Arctic. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2019. Vol. 10. Iss. 2. P. 1740–1746.
5. Gutenev M.Ju. «Mjagkie mehanizmy» realizacii arkticheskoj strategii Kitaja [“Soft Mechanisms” for Implementing China’s Arctic Strategy]. *Sravnitel'naja politika*. 2018. T. 9. № 4. P. 147–154. (In Russ.).
6. Kienko E.V. Mezhdunarodno-pravovaja harakteristika arkticheskoj politiki Kitaja [International Legal Framework of the Arctic Policy of the People’s Republic of China]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2017. № 3. P. 18–30. (In Russ.).
7. Kienko E.V. Kitaj o primenimosti k Arktike rezhima upravlenija «obshhim naslediem chelovechestva» [China’s Stance Towards the Applicability of the Common Heritage of Mankind Governance Regime to the Arctic]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2018. № 2(47). P. 13–21. (In Russ.).
8. Kienko E.V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Kitaja s arkticheskimi gosudarstvami [International Legal Framework for Cooperation of China with Arctic States]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija*. 2019. № 2. P. 64–68. (In Russ.).
9. Kobzeva M.A. Arkticheskij vektor v politike Kitaja pri novom rukovodstve [The Arctic Vector in China's Policy under the New Leadership]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*. 2017. Vol. 13. Iss. 5. P. 962–974. (In Russ.).
10. Kobzeva M.A. Protivorechija v ocenkah arkticheskoj politiki KNR [Contradictions in Assessments of China's Arctic Policy]. *Konfliktologija*. 2017. № 2. P. 201–219. (In Russ.).
11. Kobzeva M.A. Kitaj kak vozmozhnyj partner SShA v Arktike: nastojashhee i budushhee [China as a Possible US Partner in the Arctic: Present and Future]. *Nacional'nye interesy*: *prioritety i bezopasnost'*. 2018. T. 14. №. 9. P. 1762–1778. (In Russ.).
12. Kobzeva M. China’s Arctic policy: Present and Future. *The Polar Journal*. 2019. Vol. 9. Iss. 1. P. 94–112. DOI: 10.1080/2154896X.2019.1618558.
13. Komissina I.N. Arkticheskij vektor vneshnej politiki Kitaja [The Arctic Vector of China's Foreign Policy]. *Problemy nacional'noj strategii*. 2015. № 1(28). P. 54–73. (In Russ.).
14. Konyshev V.N., Kobzeva M.A. Shpicbergen v arkticheskoj politike Kitaja [Svalbard in China's Arctic Policy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija*: *Istorija. Politologija. Sociologija*. 2016. № 4. P. 48–54. (In Russ.).
15. Konyshev V.N., Kobzeva M.A. Politika Kitaja v Arktike: tradicii i sovremennost' [China's Arctic Policy: T raditions and Modernity]. *Sravnitel'naja politika*. 2017. T. 8. № 1. P. 77–92. (In Russ.).
16. Kobzeva M.A. Sovremennaja arkticheskaja politika Kitaja [China's Modern Arctic Policy]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2019. 226 p. (In Russ.).
17. Konyshev V.N., Sergunin A.A. Osvoenie prirodnyh resursov Arktiki: puti sotrudnichestva Rossii s Kitaem v interesah budushhego [Development of Natural Resources in the Arctic: Ways of Cooperation between Russia and China in the Interests of the Future]. *Nacional'nye interesy*: *prioritety i bezopasnost'*. 2012. № 39. P. 2–9. (In Russ.).

18. Maksimov N.R. Arktika v XXI veke: interesy Rossii i Kitaja [The Arctic in the XXI Century: the Interests of Russia and China]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2013. № 1(1). P. 22–29. (In Russ.).
19. Voronenko A.L. Perspektivy rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v oblasti kommercheskogo osvoenija Severnogo morskogo puti [Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Field of Commercial Development of the Northern Sea Route]. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava*. 2018. № 2(94). P. 41–50. (In Russ.).
20. Aleksandrov O.B. Perspektivy strategicheskogo al'jansa Rossii i Kitaja v Arktike [Prospects for a Strategic Alliance between Russia and China in the Arctic]. *Rossija XXI*. 2015. № 2. P. 24–35. (In Russ.).
21. Erohin V.L. Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo po razvitiju Arktiki: vozmozhnosti objedinenija usilij dlja Rossii i Kitaja [International Scientific Cooperation on the Development of the Arctic: Opportunities for Russia and China to Integrate Their Efforts]. *Marketing i logistika*. 2018. № 3(17). P. 40–56. (In Russ.).
22. Petrovskij V.E., Filippova L.V. Strategija Kitaja po osvoeniju Arktiki i perspektivy rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v regione [China's Strategy for the Development of the Arctic and Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Region]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. 2018. T. 23. № 23. P. 171–182. (In Russ.).
23. Savostova T.L., Birjukova A.L. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v Arktike: jeffektivnoe upravlenie razvitiem regional'nyh sistem [Russian-Chinese Cooperation in the Arctic: Effective Management of the Development of Regional Systems]. *Innovacii i investicii*. 2019. № 7. P. 86–91. (In Russ.).
24. Mit'ko V.B., Minina M.V. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v Arktike i bezopasnost' morskoj dejatel'nosti [Russian Chinese Cooperation in the Arctic and Maritime Security] *Evrazijskaja integracija*: *jekonomika, pravo, politika*. 2019. № 2(28). P. 69–78. (In Russ.).
25. Proekt «Odin pojas, odin put'». Dos'e. [One Belt, One Road Project. Dossier]. 03.07.2017. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at http://tass.ru/info/4383152 (accessed: 27.06.2023). (In Russ.).
26. Mihajlichenko K.M. Proekt «Ledovyj Shelkovyj put'» v ramkah iniciativy «Odin pojas i odin put'» kak realizacija interesov Rossii i Kitaja v Arkticheskom regione [The Project «Ice Silk Road» within the Framework of the Initiative «One Belt and One Road» as the Realization of the Interests of Russia and China in the Arctic Region]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija*: *Politologija*. 2019. T. 21. № 2. P. 333–345. (In Russ.).
27. Kolzina A.L., Mindubaeva A.A. «Poljarnyj Shelkovyj put'» kak sfera strategicheskogo partnerstva Rossijskoj Federacii i KNR [The Polar Silk Road as a Sphere of Strategic Partnership between the Russian Federation and China]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2020. Vol. 4. Iss. 2. P. 186–195. (In Russ.).
28. Erohin V.L. Arktika v rossijsko-kitajskih otnoshenijah: ot politiki k jekonomike [Arctic in Russia-China Relations: From Politics to Economics]. *Mir russkogovorjashhih stran*. 2020. № 2(4). P. 26–36. (In Russ.).

29. Kobzeva M.A. Sotrudnichestvo Rossii i KNR v sfere arkticheskogo sudohodstva: sostojanie i perspektivy [Cooperation between Russia and China in Arctic Shipping: Current State and Prospects]. *Arktika i Sever*. 2021. № 43. P. 89–108. (In Russ.).
30. Halova G.O., Zhuchkova T.A. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaja v osvoenii Arktiki: vyzovy i riski [Prospects of Cooperation between Russia and China in the Development of the Arctic: Challenges and Risks]. *Vestnik Instituta jekonomiki, upravlenija i prava Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2021. № 1. P. 101–110. (In Russ.).
31. Veselova D.N. Gosudarstvennaja jekologicheskaja politika Rossii i Kitaja v Arktike obshhee i osobennoe [State Environmental Policy of Russia and China in the Arctic: General and Special]. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika*. 2022. Vol. 16. № 2. P. 130–139. (In Russ.).
32. Morozov Ju.V. Klimenko A.F. Kitaj i drugie gosudarstva Severo-Vostochnoj Azii v «Arkticheskoj gonke» [China and Other Northeast Asian States in the “Arctic Race”]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*. 2015. Vol. 20. № 20. P. 173–191. (In Russ.).
33. Vystuplenie Ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S.V. Lavrova, posvjashhennoe 25-letiju Arkticheskogo soveta [Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov, Dedicated to the 25th Anniversary of the Arctic Council]. 19.05.2021. *Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii*. Available at https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/arkticeskij-sovet/1422628/ (accessed: 17.07.2023). (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Лун Цуй – аспирант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Long Cui – Postgraduate student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: luntsui@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5342-8495
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023. Одобрена после рецензирования 29.07.2023. Принята 07.08.2023.
Received 18.07.2023. Approved after reviewing 29.07.2023. Accepted 07.08.2023.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.5

Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс – один путь» (проблемы и перспективы)

Лу Фэн ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ boker809260921@gmail.com

Аннотация. *Исследование направлено на представление характеристики вопроса влияния и перспектив отношений Китая и Казахстана в рамках концепции «Один пояс – один путь». Автором рассмотрены вопросы истории возникновения и развития проекта «Шелкового пути», представлены структурные элементы концепции «Один пояс – один путь» и перспективы ее развития, предложена оценка влияния транснационального экономического пояса на экономику Казахстана. При решении поставленных задач в работе используются следующие методы: исторический анализ, сравнительный анализ, методы анализа и синтеза. В ходе исследования раскрыть проблемы и перспективы развития концепции «Один пояс – один путь». Проведенные исследования представляют актуальные данные и анализ конкретных экономических и социальных последствий реализации инициативы в Казахстане в сочетании с иными геополитическими проектами и стратегиями в регионе, характризуют правовые и институциональные рамки, связанные с реализацией инициативы, а также фокусируются на влиянии инициативы на устойчивое развитие и окружающую среду в регионе Западной и Центральной Азии. Исследования способствуют более глубокому пониманию влияния и содействуют разработке стратегических рекомендаций для развития экономики Казахстана*.

***Ключевые слова*:** инициатива «Один пояс – один путь»; Китай; Казахстан; экономика; геополитика; логистические решения

***Для цитирования*:** Лу Фэн. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс – один путь» (проблемы и перспективы) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 58–77. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.5

© Лу Фэн, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.5

Economic Relations between China and Kazakhstan as Part of the Strategy "One Belt – one Road" (Problems and Prospects)

Lu Feng ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ boker809260921@gmail.com

Abstract. *The study is aimed at presenting the characteristics of the issue of influence and prospects of relations between China and Kazakhstan within the framework of the concept of "One Belt – One Road". The author examined the history of the emergence and development of the Silk Road project, presented the structural elements of the One Belt – One Road concept and the prospects for its development, and proposed an assessment of the impact of the transnational economic belt on the economy of Kazakhstan. When solving the tasks set, the following methods are used in the work: historical analysis, comparative analysis, and methods of analysis and synthesis. In the course of the study, to reveal the problems and prospects for the development of the concept of "One Belt – One Road". The conducted studies provide up-to-date data and analysis of the specific economic and social consequences of the implementation of the initiative in Kazakhstan in combination with other geopolitical projects and strategies in the region, characterize the legal and institutional framework associated with the implementation of the initiative, and also focus on the impact of the initiative on sustainable development and the environment in the region of Western and Central Asia. Research contributes to a deeper understanding of the impact and contributes to the development of strategic recommendations for the development of the economy of Kazakhstan.*

Keywords**:** Initiation "One belt – one road"; China; Kazakhstan; economy; geopolitics; logistic solutions

For citation**:** Lu Feng. Economic Relations between China and Kazakhstan as Part of the Strategy "One Belt – One Road" (Problems and Prospects). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 58–77. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.5

© Lu Feng, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Реализация новой внешнеполитической стратегии «Один пояс – один путь» укрепила торговые обмены между странами, расположенными вдоль маршрута, и оказала благоприятное влияние на финансовые, транспортные и политические аспекэты. В будущем процессе развития Китаю также необходимо воспользоваться возможностями, открывшимися благодаря стратегии «Один пояс – один путь», увеличить научно-техническую составляющую внешнеторговой продукции и изменить режим экономического развития, чтобы способствовать устойчивому развитию страны на этой основе.

Из-за последствий финансового кризиса в Соединенных Штатах мировая экономика постепенно вступила в стадию перестройки, а восстановление экономики и развитие некоторых развитых западных стран протекают медленно. Процесс развития стран с формирующейся

экономикой постепенно замедляется, и темпы экономического роста Китая также снижаются, вступая в новую экономическую норму.

В соответствии с новой нормой экономического развития Китая, внешняя торговля также вошла в стадию стабильного роста и качества. Чтобы улучшить пассивное положение Китая в мировой экономике, страна должна была взять на себя инициативу по созданию и продвижению интеграционных программ для азиатской региональной экономики. Исходя из стремления к достижению прогресса в обеспечении стабильности, китайское правительство предложило стратегию «Один пояс – один путь». Стратегия соединяет Азиатско-Тихоокеанский регион с крупнейшей экономической системой в мировой экономике, открывая больше возможностей для экономического роста стран Евразии, что повлияло на экономические регионы Восточной Азии, Западной Азии и Южной Азии. Стратегия «Один пояс – один путь» является для Китая моделью формирования регионального сотрудничества, важной стратегией для Китая по углублению своей открытости.

В рамках постепенного продвижения инициативы «Один пояс – один путь» внешняя торговля Китая также вступила в новый период развития, что расширило внешнеторговую сеть страны и оказала определенное влияние на структуру внешней торговли страны.

В рамках реализации и продвижения стратегии «Один пояс – один путь», благодаря взаимной торговле между КНР, другими странами и регионами, экономическая открытость страны была направлена на развитие в лучшем и более быстром направлении.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции и положения, изложенные в монографиях и периодической научной экономической литературе; результаты исследований ученых в области экономики и других отраслей знаний. Надеж Роллан, Юкон Хуанг и Эндрю Смолл [1] являются экспертами и исследователями, которые изучили воздействие и улучшения инициативы «Один пояс – один путь»

[1] Надеж Роллан. Влияние Китая в странах Восточной Европы и Южного Кавказа. [эл. доступ]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/vliyanie_kitaya_v_stranah_vostochnoy_evropy_i_yuzhnogo_kavkaza.pdf (дата обращения: 05.07.2023); Юкон Хуанг (Yukon Huang) Chinese-American economist. [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Yukon_Huang (дата обращения: 05.07.2023); Эндрю Смолл // Валдай. Международный дискуссионый клуб: [сайт]. URL: https://ru.valdaiclub.com/about/experts/15030/ (дата обращения: 05.07.2023).

на экономику Западной Азии. Андрей Казанцев, Алексей Маслов, Владимир Попов, Михаил Чекалин и Александр Лукашевич – российские ученые, проводившие исследования влияния и развития инициативы «Один пояс – один путь» на экономику Западной Азии.

В исследовании использованы общенаучные и специальные методы: методы логико-теоретического обобщения и сравнения (для определения составляющих элементов эффективности функционирования торговых предприятий, характера их взаимосвязи и формулирования концепции экономических показателей внешнеторгового предприятия); дедуктивный метод (для детализации и систематизации факторов внешней среды); системный подход (с целью разработки структурной модели комплексной оценки экономических показателей); метод экспертных оценок.

Исследования составили официальные данные международных экономических организаций, статистические и аналитические материалы зарубежных стран, России, Китая, периодические издания, монографии, научные статьи и доклады, материалы научно-практических конференций и семинаров, информационные ресурсы Интернет.

Материалы и их обсуждение

Инициатива «Один пояс – один путь».
Глобальный внешнеполитический проект Китая

Корни идеи «Один пояс – один путь» уходят в идеологию исторически сложившейся древней системы Шелковый путь, который представлял собой сеть торговых путей, связывающих Китай с остальным миром [1]. В 2013 г. президент Китая Си Цзиньпин предложил восстановить Шелковый путь, на основе разработанной инициативы «Один пояс – один путь», чтобы установить связь между Китаем, Центральной и Передней Азией, Европой и Африкой. Шелковый путь сыграл существенную роль в развитии экономики и культуры регионов, которые он соединял.

Инициатива «Один пояс – один путь», включает в себя две основные составляющие: Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI в. Экономический пояс Шелкового пути представляет собой сеть транспортных и инфраструктурных проектов, связывающих Китай с Европой через Среднюю Азию и Ближний Восток. Он включает в

себя строительство железных дорог, автомагистралей, трубопроводов и других инфраструктурных проектов, призванных улучшить связь и облегчить поток товаров, услуг и людей в регионах, охваченных инициативой.

Морской Шелковый путь XXI в. обеспечивает связь Китая с Юго-Восточной Азией, Южной Азией и Африкой, представляет собой сеть портов и другой инфраструктуры, которая соединяет Китай с Юго-Восточной Азией, Южной Азией и Африкой. Он включает в себя строительство портов, судоходных путей и др., предназначенных для улучшения связи и облегчения потока товаров, услуг и людей в регионах.

Инициатива «Один пояс – один путь» была вызвана стремлением Китая содействовать экономической интеграции и сотрудничеству в Азии, Европе и Африке. Китай рассматривает эту инициативу как средство расширения своих рынков, диверсификации торговых отношений и содействия экономическому развитию в регионах, охваченных инициативой.

Например, Китай инвестировал в строительство высокоскоростной железной дороги в Индонезии, порта в Шри-Ланке, газопровода в Центральной Азии [2]. Эти проекты помогли создать рабочие места, стимулировать экономический рост и повысить уровень жизни в странах, где они были реализованы. С момента своего запуска в 2013 г. инициатива «Один пояс – один путь» привела к значительным инвестициям в инфраструктурные проекты по всему миру. Инициативу поддержал ряд стран и международных организаций, в том числе Организация Объединённых Наций (ООН), Всемирный банк и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций [3].

Однако инициатива «Один пояс – один путь» также столкнулась с критикой и опасениями со стороны некоторых стран, особенно в отношении таких вопросов, как устойчивость долга, воздействие на окружающую среду и геополитические последствия. Критики утверждают, что эта инициатива может привести к «долговой ловушке» для развивающихся стран, которые не в состоянии погасить кредиты, взятые для финансирования инфраструктурных проектов. Другие утверждают, что эта инициатива может привести к большему влиянию и контролю Китая над регионами, на которые распространяется инициатива.

Несмотря на эту критику, Китай по-прежнему активно поддерживает проект «Один пояс – один путь» и рассматривает его как ключевую часть своей внешней политики и стратегии экономического развития. Поскольку Китай продолжает инвестировать в инфраструктурные проекты по всему миру, инициатива «Один пояс – один путь», вероятно, останется главной силой в формировании глобального экономического ландшафта в ближайшие годы.

Роль Казахстана в реализации международных транспортных коридоров в Евразии

В июне 2017 г. был подписан документ о создании быстрого трансграничного железнодорожного сообщения между Китаем, Россией и Европой, известного как проект "Евразия". План включал строительство 6,7 тысяч километров новых железных дорог общей протяженностью 9 тысяч километров. По прогнозам экспертов, к 2030 г. пассажирский объем на маршруте "Евразия" может достичь 58 миллионов человек, а к 2050 г. – 90 миллионов человек. Ожидается, что грузопоток достигнет 15 миллионов тонн к 2050 г. [4; 5; 6].

Россия является транзитным государством и получает доходы от транзита, также она является ключевым партнером в проекте [7]. Почти половина протяженности Северного коридора Шелкового пути (49%) принадлежит Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), в который входят Россия, Казахстан и Беларусь.

Россия, благодаря своему географическому положению, контролирует транспортно-экономические связи в северной части Евразии, в то время как Китай контролирует южную часть. Казахстан активно работает над диверсификацией транзитных коридоров для экспорта своей продукции на мировые рынки, не стремясь изолироваться от России. Он уже строит инфраструктуру, включая дороги, железнодорожные линии и переходы на границе с Китаем [8–11].

Власти Казахстана также наращивают усилия по ускорению прохождения товаров через таможенные посты и снижению административных барьеров. Казахстан, будучи страной с небольшим населением, самостоятельно развивает свою инфраструктуру и направляет усилия на снижение затрат, связанных с ее поддержкой.

Актауский международный морской торговый порт играет важную роль в реализации проекта и связи с ЕАЭС, обслуживая экспортно-импортные операции для Уральского и Сибирского регионов. Транспортный коридор ТРАСЕКА [2], проходящий через этот порт, обеспечивает грузопотоки между Западной и Центральной Европой с одной стороны и Центральной и Юго-Восточной Азией с другой. Создание ЕАЭС частично решило проблему обхода России с юга, так как теперь грузопотоки проходят через единую таможенную территорию с Россией. Однако возникает вопрос о развитии "Восточного луча" или Международного транспортного коридора "Великий мост" в Казахстане [8; 9; 12; 13].

Казахстан особенно заинтересован в строительстве судоходного канала. В начале 2000-х годов грузоперевозки через порт Актау составляли около 12 миллионов тонн ежегодно, большую часть которых составляла нефть. Однако из-за различных факторов объем перевозок наливных и нефтеналивных грузов в Актау резко сократился, примерно на 1 миллион тонн грузов в год. В 2017 г. Каспийский мультимодальный хаб, включающий порты Курык и Актау, обработал 5,5 миллионов тонн грузов, из которых 1,5 миллиона тонн приходилось на порт Курык [14].

Еще одним значимым проектом является строительство международного транзитного автомобильного коридора "Западная Европа – Западный Китай". Планируется, что в 2017 г. по этому маршруту будет открыто движение, охватывающее такие города, как Ляньюньган, Чжэнчжоу, Ланьчжоу, Урумчи, Хоргос, Алматы, Кызылорда, Актобе, Оренбург, Казань, Нижний Новгород. Общая протяженность этого коридора составит около 8,5 тысяч километров, из которых 2493 километра проходят по территории России, 2787 километров – по Казахстану и 3425 километров – по Китаю. Китай уже завершил свою часть проекта, а Казахстан практически завершил свою работу. Этот коридор является самым коротким автомобильным маршрутом из Китая в Европу и имеет большое значение для увеличения транзитного потенциала всей Евразии.

[2] ТРАСЕКА (аббревиатура от англ. Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia, TRACECA) – программа международного сотрудничества между Европейским союзом и странами-партнёрами по организации транспортного коридора «Европа – Кавказ – Азия». В организационном плане ТРАСЕКА представляет собой межправительственную комиссию.

Государства-члены Евразийский экономический союз (ЕАЭС) планируют объявить его основным совместным инфраструктурным проектом [14].

Участие Казахстана в проектах «Один пояс – один путь» и связь с ЕАЭС обещают значительные выгоды. Они предоставляют отличные возможности для развития регионов и создания рабочих мест. Кроме того, они способствуют диверсификации транспортных маршрутов для казахстанских товаров и ресурсов, а также увеличению доходов государственного бюджета через взимание специальных транзитных тарифов. Кроме того, это способствует развитию инфраструктуры, включая транспортную систему, электроснабжение и телекоммуникации [10]. Однако, следует обозначить проблемы, связанные с тем, что финансирование проекта Экономического пояса Шелкового пути (далее ЭПШП) может быть сокращено, что создает риски для Казахстана [11; 12; 13].

Современное состояние сотрудничества между Китаем и Казахстаном

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой были установлены 3 января 1992 г. В настоящее время Ш. Нурышев занимает должность Посла РК в КНР, начиная с апреля 2022 г., а Чжан Сяо является Послом КНР в РК с августа 2018 г [1].

В политическом сотрудничестве между двумя странами особую роль играют Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 23 декабря 2002 г. и Совместная декларация об установлении и развитии стратегического партнерства от 4 июля 2005 г. Взаимодействие на высшем уровне, включая диалог между главами государств, способствует укреплению долгосрочного сотрудничества.

В сфере торгово-экономического сотрудничества наблюдается положительная динамика роста двустороннего товарооборота между Казахстаном и Китаем (см. табл. 1). В 2021 г. объем двусторонней торговли составил 18,2 млрд. долларов, причем Китай является одним из крупнейших внешнеторговых партнеров Казахстана с долей в общем товарообороте страны, составляющей 24,1% [15]. Казахстан экспортирует минеральные продукты, металлы и продукцию химической

промышленности, а импортирует машины, оборудование, транспортные средства, приборы, аппараты, продукцию химической промышленности и металлы.

Китай также является одним из ведущих иностранных инвесторов в Казахстане, занимая 4-е место по объему привлеченных иностранных инвестиций. Для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между двумя странами создан Казахстанско-китайский Комитет по сотрудничеству и Казахстанско-китайский Деловой совет.

Важным фактором в развитии экономических связей является сопряжение новой экономической политики Казахстана "Нурлы Жол" с инициативой Китая «Один пояс – один путь».

В настоящее время перевозка грузов между Казахстаном и Китаем осуществляется через пограничные переходы "Достык–Алашанькоу" и "Алтынколь–Хоргос" для железнодорожного транспорта, а также через пункты пропуска казахстанско-китайской границы, такие как "Достык–Алашанькоу", "Нур Жолы–Хоргос", "Кольжат–Дулаты", "Бахты–Покиту" и "Майкапчагай–Зимунай" для автомобильных перевозок.

Таблица 1.

Товарооборот Казахстана и Китая за 2022 г [15].

	2022/12	**2021/12**	**Рост за год**	**Доля в структуре товарооборота РК**
Всего	24,1	18,0	34,1%	18,0%
Экспорт	13,2	9.8	34,7%	15,6%
Импорт	11,0	8,2	33,5%	21,9%

Сотрудничество регулируется обширной договорно-правовой базой, включающей более 250 межправительственных и межведомственных соглашений в различных областях. Среди ключевых политических документов стоит отметить Совместную Декларацию об основах дружественных взаимоотношений между Казахстаном и Китаем (1993 г.), Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2002 г.), Стратегию Сотрудничества в XXI в. (2006 г.) и Совместное Заявление (2019 г.)

Китай является главным получателем экспорта из Казахстана в нескольких ключевых категориях. Наиболее значимыми экспортными

товарами являются сырая нефть и нефтепродукты, которые составляют 4,1 млрд долларов и увеличились в 2,2 раза по сравнению с предыдущим годом. Вторым важным товаром является рафинированная медь и медные сплавы, общей стоимостью 2,3 млрд долларов, что означает рост на 15,2%. Кроме того, Казахстан экспортирует в Китай природный газ на сумму 1,2 млрд долларов, что является увеличением на 13,6% [16].

Среди основных товарных групп, экспортируемых из Казахстана в Китай, также присутствуют продукты неорганической химии и ферросплавы. Одновременно Казахстан является активным импортером из Китая, при этом лидирующую позицию среди импортируемых товаров занимают телефоны и смартфоны на сумму 910,7 млн долларов, что составляет увеличение на 29,6% по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, важными товарами в импорте из Китая в Казахстан являются вычислительные машины, одежда, шины и автозапчасти [15].

Китайские предприниматели активно инвестируют в экономику Казахстана, и общие обязательства китайских инвесторов относительно казахстанских резидентов составляют 13,4 млрд долларов по состоянию на сентябрь 2022 г. Этот показатель остается стабильным на протяжении длительного времени.

Основная часть инвестиций китайских предпринимателей направлена в секторы транспорта и складирования, которые привлекли вложения на сумму 2,9 млрд долларов (рис. 1). Также значительные объемы инвестиций приходят в обрабатывающую промышленность, где вложено 2,7 млрд долларов, и в строительство, где инвестиции достигают 2 млрд долларов [1; 4].

	2022/09	2021/09	Рост за год
Всего	13,42	13,49	-0,5%
Транспорт и складирование	2,85	2,59	9,9%
Обрабатывающая промышленность	2,75	2,85	-3,5%
Строительство	2,03	1,97	3,1%
Финансовая и страховая деятельность	1,77	1,58	11,8%
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	1,64	2,07	-20,9%
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	1,25	1,32	-5,4%
Прочие	1,13	1,10	3,0%

Рис 1. Обязательства резидентов Казахстана перед инвесторами из Китая [15]

В течение января–сентября 2022 года прямые китайские инвестиции в Казахстан составили почти 1 млрд долларов, а за три квартала 2021 года этот показатель достигал 1,5 млрд долларов (рис. 2).

Рис. 2. Валовый приток прямых иностранных инвестиций в РК из Китая [15]

Весной была проведена встреча премьер-министра Казахстана Алихана Смаилова и посла Китая в Казахстане Чжан Сяо. Они обсудили широкий спектр вопросов в области торговли, инвестиций, промышленности, энергетики, сельского хозяйства, транспорта, логистики, цифровых технологий, использования границы, и других сфер сотрудничества между двумя странами. Премьер-министр отметил, что Китай является одним из крупнейших торговых партнеров и одной из пяти стран, инвестирующих в экономику Казахстана. Он также подчеркнул готовность правительства активно работать над достижением цели увеличения взаимной торговли до 35 млрд долларов к 2030 году, установленной главами двух стран.

В культурно-гуманитарной сфере взаимодействие между Казахстаном и Китаем координируется Подкомитетом по культурно-гуманитарному сотрудничеству Казахстана и Китая. В течение времени, прошедшего с установления дипломатических отношений между двумя странами, было издано более 10 книг Президента Казахстана Касыма-Жомарта Токаева на китайском языке, включая работы, такие как "Свет и Тень" и "Дипломатическая стратегия Центральной Азии". Кроме того, на основе китайских архивных материалов и летописей были изданы книги, такие как "Древняя Страна Усуней" (2005 г.) и "Великий Тюркский Каганат" (2007 г.). Также были выпущены два тома сборника факсимильных копий документов, касающихся казахско-китайских отношений в период династии Цин (1644–1911 гг.) [17; 18].

Несмотря на геополитические кризисы, пандемию коронавируса, которые затронули обе страны, отношения Казахстана с Китаем будут расширяться и укрепляться. В планах возобновить работу Китайско-казахстанского международного центра приграничного сотрудничества (МЦПС) "Хоргос", открыть третий железнодорожный переход в районе пункта пропуска "Бахты–Покиту", развивать Транскаспийский международный транспортный маршрут, строить крупные автомагистрали и создавать новые производства в машиностроении. Также ожидается скорое возобновление авиасообщения между Астаной и Пекином с частотой три рейса в неделю и упрощение процедур для путешествий граждан.

Посол КНР в РК Чжан Сяо выразил заинтересованность китайской стороны в импорте сельхозпродукции из Казахстана, увеличении объёмов железнодорожных перевозок, укреплении межрегионального взаимодействия и партнёрства в IT-секторе. По его словам, в настоящее время казахстанским компаниям оказывается активное содействие в выходе на крупные китайские торговые платформы и рынок КНР в целом.

Вызовы и угрозы реализации проектов в Казахстане

Однако есть вызовы и угрозы, связанные с реализацией этих проектов в Казахстане и других странах Центральной Азии. Важно учитывать ментальные и культурные различия между Китаем и странами Центральной Азии. Китай в настоящее время предоставляет экономическую поддержку и кредитование, но не является консолидирующей силой для всего региона. Также необходимо обеспечить взаимную выгоду и справедливость в концепции проектов, чтобы избежать опасений относительно "китайской экспансии".

Казахстан сталкивается с рядом вызовов и угроз в связи с реализацией проекта Экономического пояса Шелкового пути (далее – ЭПШП) и его влиянием на регион Центральной Азии. Один из вызовов связан с увеличением потока трудовой миграции из Китая, которое может возникнуть вследствие переноса избыточных производственных мощностей в Казахстан. Это может вызвать проблемы и антикитайские настроения в Казахстане и других странах региона.

Другой вызов заключается в возможности создания зоны свободной торговли Китая в Центральной Азии, что может противоречить интересам России и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Казахстан, как член ЕАЭС, должен стремиться к гармонизации этих интересов.

Реализация проектов по ЭПШП может вызвать антикитайские настроения в Казахстане и других странах региона, особенно в связи с выводом китайских производственных мощностей и освоением сельскохозяйственных угодий.

Проблемы, связанные с развитием Китая, представляют еще один вызов. В случае экономического спада в Китае финансирование проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) может быть сокращено, что создает риски для Казахстана, рассчитывающего на эти инвестиции.

Кроме того, существует потенциальная конкуренция между Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и ЭПШП. Взаимодействие между этими проектами пока недостаточно разработано, и конкурентоспособность ЭПШП превышает уровень ЕАЭС. Требуется ясная концептуальная база для ЕАЭС.

Решение всех этих вызовов и угроз требует внимательного обсуждения и учета интересов компаний и стран региона в целях достижения взаимовыгодного сотрудничества.

Реализация проекта Экономического пояса Шелкового пути открывает новое геоэкономическое и геополитическое пространство в Евразии, где Казахстан может играть важную роль. Благодаря своему геополитическому положению, Казахстан может стать ключевым транзитным пунктом для транспортировки китайских товаров как в страны ЕАЭС, так и в соседние регионы, включая Среднюю Азию, Кавказ, Турцию и Иран.

Китай является важным торговым партнером Казахстана, и двусторонние связи между этими странами стабильны. Проект ЭПШП соответствует стратегии Казахстана по развитию инфраструктуры и индустриализации. В совокупности, эти инициативы могут оказать синергетический эффект на экономическое развитие Казахстана, что особенно важно в условиях снижения мировых цен на нефть.

Реализация проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) предоставляет Казахстану ряд преимуществ и связей с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Во-первых, это обеспечивает доступ к морским портам, которые являются частью проекта ЭПШП. Во-вторых, это позволяет ускорить и снизить затраты на доставку казахстанских товаров на мировые рынки. В-третьих, проект способствует увеличению объема внешней и взаимной торговли со странами-участницами. В-четвертых, он способствует модернизации экономики и инфраструктуры Казахстана. Китайская инициатива помогает региону преодолеть транспортную изоляцию, сокращая затраты и количество транзитных стран для транспортировки ресурсов Центральной Азии к потребителям.

Следует заметить, что в отношениях между Казахстаном и Китаем существуют определенные проблемы. Несмотря на динамичное развитие

экономических связей, объем двусторонней торговли за последние годы сократился вдвое. Это объясняется социально-экономическими проблемами, снижением покупательной способности казахстанцев и уменьшением производства товаров, экспортируемых в Китай. Китай остается крупнейшим торговым партнером Казахстана, но проблема заключается в доминировании китайских товаров на казахстанских рынках.

Важным вопросом является согласованность планов Китая и Казахстана в контексте реиндустриализации в рамках Евразийского экономического союза. Также необходимо найти способы расширения экономического сотрудничества с Китаем без конфликтов с Россией, которая также имеет интересы в связи проекта ЭПШП с инициативой "Нурлы жол".

Третий аспект связан с готовностью Казахстана реализовать данную программу с учетом наличия необходимых человеческих и технологических ресурсов. Казахстану не хватает ресурсов и квалифицированной рабочей силы для такого производства, а также недостаточно знаний и технологий. Эти аспекты требуют внимательного рассмотрения и разработки соответствующих стратегий.

На данный момент конкретные проекты в этой сфере еще не согласованы, и информации о них пока нет. Однако можно предположить, что они будут приоритетными направлениями, определенными Китаем в своем 13-летнем плане и представляющими интересы для Казахстана. Основным вопросом является наличие достаточного человеческого потенциала для будущих предприятий.

Дискуссия

Выводы указывают на ряд важных аспектов и проблем, связанных с реализацией проекта "Экономический пояс Шелкового пути" и инициативы "Нұрлы жол" между Китаем и Казахстаном:

Преимущества для Казахстана: Реализация проекта ЭПШП предоставляет Казахстану ряд значительных преимуществ, таких как доступ к морским портам, сокращение затрат на доставку товаров на мировые рынки, увеличение объема торговли со странами-участницами и

модернизация экономики и инфраструктуры. Это может способствовать развитию региона и привлечению инвестиций.

Проблемы с двусторонними отношениями: однако существуют некоторые проблемы в отношениях между Казахстаном и Китаем. Объем двусторонней торговли сократился в последние годы, что связано с социально-экономическими проблемами и доминированием китайских товаров на казахстанских рынках. Эти проблемы требуют внимания и поиска решений для укрепления экономического сотрудничества.

Важность наукоемких отраслей и высоких технологий: Сотрудничество в области науки и технологий является важным аспектом связи между проектом ЭПШП и инициативой "Нұрлы жол". Китай и Казахстан обсуждают возможности сотрудничества на уровне научных учреждений, университетов и создания совместных предприятий. Однако требуется наличие достаточного человеческого и технологического потенциала для успешной реализации этих проектов [18].

Одной из основных опасностей является приток китайских рабочих вместе с инвестициями, что может негативно повлиять на уже существующий избыток рабочей силы в регионе. Это может негативно повлиять на регион, который и так имеет избыток своей рабочей силы, особенно в Центральной Азии. В сфере наукоемких отраслей и высоких технологий, что является третьим аспектом связи между проектом "Экономический пояс Шелкового пути" и инициативой "Нұрлы жол", Китай и Казахстан обсуждают возможность выбора одного или нескольких направлений сотрудничества на уровне научных учреждений, университетов и создания совместных предприятий [7].

Также следует тщательно оценивать каждый конкретный проект и его соответствие национальным интересам Казахстана, особенно в отношении окружающей среды и планов по реиндустриализации в рамках Евразийского экономического союза. Кроме того, необходимо учитывать взаимодействие с Россией и найти пути расширения экономического сотрудничества с Китаем без конфликтов.

В целом, реализация проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и инициативы "Нұрлы жол" предоставляет Казахстану потенциал для развития и расширения экономических связей. Однако необходимо активно решать возникающие проблемы, обеспечивать устойчивое

сотрудничество и гарантировать соответствие проектов национальным интересам, учитывая опасности и вызовы, связанные с ними.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Китай является одним из ключевых партнеров Казахстана в сфере экономики, торговли и инвестиций. Объем экспорта Казахстана в Китай значительно вырос, включая поставки сырой нефти, нефтепродуктов, рафинированной меди, медных сплавов и природного газа.

2. Китай также является одним из основных инвесторов в экономику Казахстана. Китайские предприниматели активно вкладывают свои средства в различные отрасли, такие как транспорт и складирование, обрабатывающая промышленность и строительство.

3. Взаимные инвестиции и экономическое сотрудничество между Казахстаном и Китаем продолжают укрепляться. Обе стороны выражают готовность развивать отношения в различных сферах, включая торговлю, инвестиции, энергетику, транспорт, цифровые технологии и другие [10].

4. Несмотря на различные кризисы, влияющие на обе страны, отношения между Казахстаном и Китаем остаются стабильными и стремятся к дальнейшему расширению. Планируются различные проекты и инициативы, такие как развитие транспортных маршрутов, строительство автомагистралей и упрощение процедур для путешествий граждан, развитие гуманитарного сотрудничества.

5. Однако, сотрудничество в рамках этой стратегии также сопряжено с вызовами и рисками. Возможные проблемы включают зависимость от китайских инвестиций и ресурсов, неравномерное распределение выгод, а также потенциальные проблемы с экологией, социальными вопросами и устойчивым развитием.

В целом, сотрудничество между Китаем и Казахстаном в рамках стратегии «Один пояс – Один путь» обладает значительными перспективами и может принести взаимную выгоду обеим странам. Однако для успешной реализации проектов необходимо учитывать социально-экономические и экологические аспекты, а также обеспечивать справедливое распределение выгод и прозрачность в сотрудничестве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лю Вэйдун 刘卫东. И дай и лу чжань люэ дэ жэнь ши у цюй “一带一路”战略的认识误区 [Непонимание стратегии «Один пояс, один путь»] // Го цзя син чжэн сюэ юань сюэ бао 国家行政学院学报 [Журнал Национальной академии управления]. [эл. доступ]. URL: http://theory.people.com.cn/n1/2016/0126/c217905-28086612.html (дата обращения: 23.06.2023).
2. Economic Watch: Boao Forum to Rally Support for Globalization. 23.03.2017. Available at http://news.xinhuanet.com/english/2017-03/23/c_136152630.htm (accessed: 20.06.2023).
3. Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // Философские науки. 2015. № 1. С. 116–134.
4. Гельбрас В.Г. Геоэкономическая стратегия Китая (опыт реконструкции) // Азия и Африка сегодня. 2016. №1. С. 15–25. [эл. доступ]. URL: https://elibrary.az/docs/jurnal/jrn2016_83.pdf (дата обращения: 27.06.2023).
5. Зонн И.С, Тянь Юй-чжао. Новое прочтение Великого Шелкового пути // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 3. С. 5–18. [эл. доступ]. URL: https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/44/45 (дата обращения: 27.06.2023).
6. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. 130 с. [эл. доступ]. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf (дата обращения: 17.06.2023).
7. Лукьянов С.А., Драпкин И.М. Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 16–25.
8. Кондратьев В.Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 5–17. [эл. доступ]. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/03_2015/5-17(Kondratev).pdf (дата обращения: 22.06.2023).
9. Курылев К.П. Украинско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» // Роль и место России в Азиатско-тихоокеанском регионе. Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей. Отв. ред. Д. А. Сидоров. Москва, 2016. С. 53–66.
10. Курылев К.П., Серикбаева А.Г. Дипломатия Великого шелкового пути: Казахстан – Япония // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Вып. 1(40). С. 132–140.
11. Bair, J. Commodity Chains in and of the World-System” (Editor’s introduction to peer-reviewed special issue, “The Political Economy of Commodity Chains”) // Journal of World-Systems Research. 2014. Vol. 20. №. 1. P. 1–10. Available at https://jwsr.pitt.edu/ojs/jwsr/article/view/574/586 (accessed: 02.07.2023).
12. Девятов А.П. Практическое китаеведение. Базовый учебник. М.: Восточная книга, 2007. 544(+32) с.
13. Ноздрев С. Китай в системе мировых финансов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 10. С. 29–40. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-10-29-40.
14. Ghiasy, R.; Zhou, J. The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU-China Cooperation Prospects Available at https://www.sipri.org/sites/default/files/The-Silk-Road-Economic-Belt.pdf (accessed: 29.06.2023).

15. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://stat.gov.kz/ru/ (дата обращения: 20.06.2023).
16. Members of the Silk Road Caucus. *Congressional Silk Road Caucus*. Available at https://www.house.gov. (accessed: 20.03.2023).
17. Zhang, L., Huo, J. One Belt, One Road and Investment Risk in the Context of Institutional Change // Economic Integration and Development in Asia. 2020. P. 137–157.
18. OECD-WTO Database on Trade in Value added. Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at http://www.oecd.org/sti/ind/TIVA_stats%20flyer_ENG.pdf (accessed: 20.03.2023).

REFERENCES

1. Liu Weidong 刘卫东. I daj i lu chzhan' ljuje dje zhjen' shi u “一带一路”战略的认识误区 [Misunderstanding of the “One Belt, One Road” strategy]. *Go czja sin chzhjen sjuje juan' sjuje bao* 国家行政学院学报 [*Journal of Chinese Academy of Governmen*]. Available at http://theory.people.com.cn/n1/2016/0126/c217905-28086612.html (accessed: 23.06.2023). (In Chin.).
2. Economic Watch: Boao Forum to Rally Support for Globalization. 23.03.2017. Available at http://news.xinhuanet.com/english/2017-03/23/c_136152630.htm (accessed: 20.06.2023).
3. Vinogradov A.O. Asimmetrichnyj otvet, ili strategija Kitaja v global'nom mire [Asymmetric Response, or China's Strategy in the Global World]. *Filosofskie nauki*. 2015. № 1. P. 116–134. (In Russ.).
4. Gel'bras V.G. Geojekonomicheskaja strategija Kitaja (opyt rekonstrukcii) [Geoeconomic Strategy of China (Reconstruction Experience)]. *Azija i Afrika segodnja*. 2016. №1. P. 15–25. Available at https://elibrary.az/docs/jurnal/jrn2016_83.pdf (accessed: 27.06.2023). (In Russ.).
5. Zonn I.S, Tjan' Juj-chzhao. Novoe prochtenie Velikogo Shelkovogo puti [A New Reading of the Great Silk Road]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 2015. № 3. P. 5–18. Available at https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/44/45 (accessed: 27.06.2023). (In Russ.).
6. Kitajskij global'nyj proekt dlja Evrazii: postanovka zadachi (analiticheskij doklad) [Chinese Global Project for Eurasia: Statement of the Problem (Analytical Report)]. M.: Nauchnyj jekspert, 2016. 130 c. Available at https://mgimo.ru/upload/iblock/8b8/111-avtor-logo-CHINA2-01.pdf (accessed: 17.06.2023). (In Russ.).
7. Luk'janov S.A., Drapkin I.M. Global'nye cepochki sozdanija stoimosti: jeffekty dlja integrirujushhejsja jekonomiki [Global Value Chains: Effects for Integrating Economy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2017. Vol. 61. № 4. P. 16–25. (In Russ.).
8. Kondrat'ev V.B. Mirovaja jekonomika kak sistema global'nyh cepochek stoimosti [The World Economy as a System of Global Value Chains]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2015. № 3. P. 5–17. Available at https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/03_2015/5-17(Kondratev).pdf (accessed: 22.06.2023). (In Russ.).
9. Kurylev K.P. Ukrainsko-kitajskie otnoshenija v kontekste realizacii Pekinom proekta «Shelkovogo puti» [Ucrain-Chinese Relations in the Context of Beijing’s Implementation of the Silk Road Project]. *Rol' i mesto Rossii v Aziatsko-tihookeanskom regione. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola molodyh uchenyh*: Sbornik statej. Otv. red. D. A. Sidorov. Moskva, 2016. P. 53–65. (In Russ.).

10. Kurylev K.P., Serikbaeva A.G. Diplomatija Velikogo shelkovogo puti: Kazahstan – Japonija [Diplomacy of the Great Silk Road: Kazakhstan – Japan]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2018. Vol. 1(40). P. 132–140. (In Russ.).
11. Bair, J. Commodity Chains in and of the World-System" (Editor's introduction to peer-reviewed special issue, "The Political Economy of Commodity Chains"). *Journal of World-Systems Research*. 2014. Vol. 20. №. 1. P. 1–10. Available at https://jwsr.pitt.edu/ojs/jwsr/article/view/574/586 (accessed: 02.07.2023).
12. Devjatov A.P. Prakticheskoe kitaevedenie [Practical Sinology]. Bazovyj uchebnik M.: Vostochnaja kniga, 2007. 544(+32) p. (In Russ.).
13. Nozdrev S. Kitaj v sisteme mirovyh finansov [China in the System of World Finance]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2016. Vol. 60. № 10. P. 29–40. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-10-29-40. (In Russ.).
14. Ghiasy, R.; Zhou, J. The Silk Road Economic Belt. Considering Security Implications and EU-China Cooperation Prospects Available at https://www.sipri.org/sites/default/files/The-Silk-Road-Economic-Belt.pdf (accessed: 29.06.2023).
15. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan [Bureau of National Statistics of Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. Available at https://stat.gov.kz/ru/ (accessed: 20.06.2023). (In Russ.).
16. Members of the Silk Road Caucus. *Congressional Silk Road Caucus*. Available at https://www.house.gov. (accessed: 20.03.2023).
17. Zhang, L., Huo, J. One Belt, One Road and Investment Risk in the Context of Institutional Change // Economic Integration and Development in Asia. 2020. P. 137–157.
18. OECD-WTO Database on Trade in Value added. Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at http://www.oecd.org/sti/ind/TIVA_stats%20flyer_ENG.pdf (accessed: 20.03.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Лу Фэн – магистрант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: boker809260921@gmail.com
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Lu Feng – master student, the higher school of international relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: boker809260921@gmail.com
The author declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023. Одобрена после рецензирования 28.08.2023. Принята 02.09.2023.
Received 24.07.2023. Approved after reviewing 28.08.2023. Accepted 02.09. 2023.

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ
STATES, NATIONS AND CULTURES

научная статья
УДК: 903+7.046+398
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.6

Следы древнекитайского влияния в традиционной культуре лесных юкагиров верхней Колымы

Жукова Людмила Николаевна ✉
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия
✉ zjukova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1645-8043

Аннотация. *Одним из немногих народов Северной Евразии, до настоящего времени сохраняющих присваивающее хозяйство, являются лесные юкагиры верхней Колымы – охотники на лося, пушных зверей, боровую и перелетную птицу, рыболовы. Архаический тип хозяйства обуславливает функционирование в юкагирской культуре элементов миропонимания и фольклорного наследия ушедших эпох. В фольклоре различают древние, новые и новейшие пласты. Пока не ясно, к какому пласту и с какими этническими влияниями связано появление в юкагирском фольклоре древнекитайских сюжетов. В Восточной Сибири самые ранние предполагаемые древнекитайские следы определяются эпохой неолита; бронзовый век характеризуют отдельные предметы материальной культуры и наскальные пиктограммы. В средние века непосредственное южное влияние было ослаблено заселением Восточной Сибири тунгусскими, тюрко-монгольскими племенами. Пришлые племена могли выступать трансляторами древнекитайских традиций, наличие которых отмечено исследователями в образцах одежды, фольклоре юкагиров, генофонде. При исследовании предполагаемых контактов будут иметь значение данные не только продвижения каких-то древнекитайских групп в северном направлении, но и миграции древнеюкагирских племен, ранее усвоивших иноэтнические элементы, из южной и центральной Якутии в северные широты под давлением пришлых тунгусов и предков якутов. Начальный этап исследований обнаружил некоторые общие структурные единицы и образы в серии древних мифов о сотворения человека, версии о всемирном потопе и погоне богатыря за восьминогим лосем, зооморфном образе Неба*.

***Ключевые слова*:** Северо-Восточная Азия; история Якутии; юкагиры; древний Китай; археология; фольклор; культурные параллели; перспективы изучения

***Для цитирования*:** Жукова Л.Н. Следы древнекитайского влияния в традиционной культуре лесных юкагиров верхней Колымы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 78–92. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.6

© Жукова Л.Н., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 903+7.046+398
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.6

Traces of Ancient Chinese Influence in the Traditional Culture of the Forest Yukagirs of the Upper Kolyma

Ludmila N. Zhukova ✉
Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
✉ zjukova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1645-8043

Abstract. *One of the few peoples of Northern Eurasia who still retain their appropriating economy are the forest Yukaghirs of the upper Kolyma, hunters of elk, fur-bearing animals, upland and migratory birds, and fishermen. The archaic type of economy determines the functioning in the Yukagir culture of the elements of the world outlook and the folklore heritage of bygone eras. In folklore, ancient, new and latest layers are distinguished. It is not yet clear to what stratum and with what ethnic influences the appearance of ancient Chinese stories in the Yukaghir folklore is associated. In Eastern Siberia, the earliest alleged ethno-cultural ancient Chinese traces are determined by the Neolithic; the Bronze Age is characterized by individual objects of material culture and rock pictograms. In the Middle Ages, the direct southern influence was weakened by the settlement of Eastern Siberia by the Tungus, Turkic-Mongolian tribes. The alien tribes could act as translators of ancient Chinese traditions, the presence of which was noted by researchers in clothing samples, Yukaghir folklore, and the gene pool. In the study of alleged contacts, not only the data of the advancement of some ancient Chinese groups in the northern direction, but also the migration of the ancient Yukaghir tribes, who had previously assimilated ethnic elements from southern and central Yakutia to northern latitudes under pressure from the newcomer Tungus and ancestors of the Yakuts, will be of importance. The initial stage of research discovered some common structural units and images in a series of ancient myths about the creation of man, versions of the global flood and the hero's pursuit of an eight-legged elk, a zoomorphic image of Heaven.*

***Keywords*:** Northeast Asia; history of Yakutia; Yukagirs; Ancient China; archeology; folklore; cultural parallels; prospects for studying

***For citation*:** Zhukova, L.N. Traces of Ancient Chinese Influence in the Traditional Culture of the Forest Yukagirs of the Upper Kolyma. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 78–92. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.6

© Zhukova, L.N., 2023. Publisher: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В Восточной Сибири одним из древнейших и до настоящего времени малоизученных народов являются юкагиры. Предполагается, что в языковом отношении юкагиры представляют самую восточную ветвь расселения народов уральской языковой семьи. В неолите, бронзовом и раннем железном веке, и в эпоху средневековья уралоязычные племена Восточной Сибири включили в свой состав многие иноэтнические компоненты, присутствие которых выявляется в разных сферах традиционной юкагирской культуры.

Одним из немногих сохранившихся до настоящего времени аборигенных племен / народов являются юкагиры-охотники и рыболовы верхней Колымы, называющие себя *одул* «сильный, могучий». Среди «культурных окаменелостей» одулов архаическим блоком выделяются элементы древнекитайского влияния. В исследованиях по истории и культуре народов северо-востока Сибири встречаются отдельные указания на присутствие элементов, общих с культурами, существовавшими и существующими на территории Китая. Хронологический диапазон этого присутствия охватывает период от неолита до позднего средневековья.

Автором статьи осуществлена работа по выявлению юкагирско-китайских мифологических параллелей в рамках программы НИР Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН в 2013–2016 гг. Результаты исследований публиковались в научных изданиях в течение ряда лет и в окончательном виде сформулированы в монографии [1][1]. Стартовым явился блок фольклорных текстов со специфическими сюжетами и мифопоэтическими воззрениями малочисленной территориальной верхнеколымской группы одулов. Нашими основными информантами были преимущественно мужчины преклонного возраста, периодически выезжавшие на места летнего и зимнего промыслов. Большая часть полевых работ автора среди юкагиров с. Нелемное и пос. Зырянка Верхнеколымского улуса / района Республики Саха (Якутия) приходилась на период рыбного промысла в теплое время

[1] Автор выражает слова искренней благодарности ответственному редактору, кандидату исторических наук Александру Аркадьевичу Немировскому, старшему научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, старшему научному сотруднику национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

года (1986–2007 гг.). В собирательские задачи входила фиксация как можно большего числа сюжетов, в результате многие тексты не имеют вариантов, отсутствие которых, безусловно, накладывает отпечаток на полноту исследования.

Цель работы заключалась в демонстрации наличия специфических общих элементов в мифологических представлениях верхнеколымских (или лесных, в отличие от нижнеколымских, тундровых оленеводов) юкагиров, с одной стороны, и древнейшего населения северного Китая и этноса китайцев, с другой стороны. В задачи не входили поиски возможных контактных зон и хронологические варианты происходивших событий, тем не менее, высказаны некоторые гипотетические предположения, которые могут быть учтены и уточнены в ходе дальнейших исследований. Привлечение внимания научной общественности к поставленным вопросам является целью настоящей статьи.

Для сравнительных сопоставлений привлеклись опубликованные мифы и сказания древнего Китая. Опорными явились труды китайских авторов [2; 3], российских и зарубежных китаеведов [4–11]. Исследование опирается на методы сравнительно-сопоставительного и структурного анализов.

Результаты исследования и их обсуждение

О наличии китайских элементов в украшении одежды одулов писали в начале XX в. В.И. Иохельсон – пионер юкагироведения, политический ссыльный в Якутскую область, участник нескольких научных экспедиций на северо-восток Азии, и Н.И. Спиридонов (лит. псевдоним Тэки Одулок) – первый кандидат экономических наук из числа малочисленных народов севера, юкагирский писатель.

В.И. Иохельсон, касаясь вопроса появления в обиходе юкагиров первых железных изделий, предположил, что предметы из железа они могли получать через тунгусов из Китая. Описывая бронзовые пластины круглой формы с изображением лошади (рис. 1), которыми были украшены женские передники, ученый высказался об их китайском или западно-тюркском древнем происхождении [12, с. 631–632].

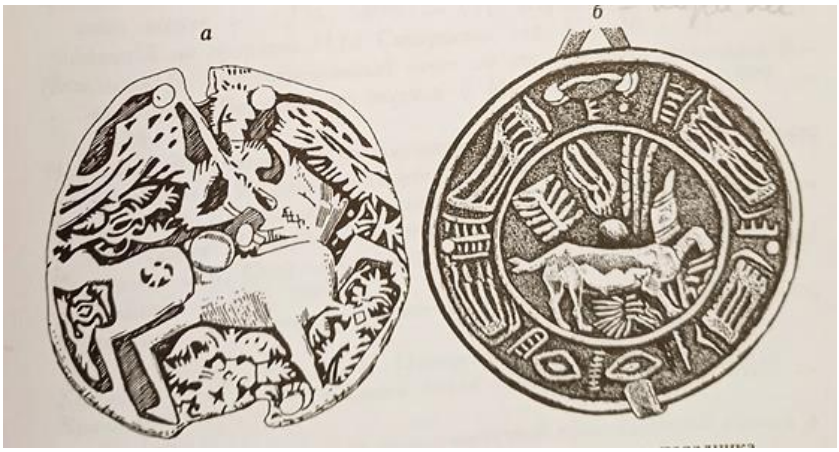

Рис. 1. Бронзовые украшения женского передника [12, с. 631].

О роли тунгусов в истории юкагирской культуры и получении через них из районов Дальнего Востока металлических изделий писал Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок). «Ламуты [эвены] принесли в этот край культуру Дальнего Востока, китайскую, которая до этого подверглась изменению и преломлению у маньчжуров, удэ, гольдов, гиляков и др… Те побрякушки, украшения и амулеты, которые находили у одулов (у ламутов) всевозможной формы – развильчатые, лапистые, хвостовые – не что иное, как изображения морских обитателей (крабы, спруты) и "обитателей" земли – драконов, тигров и т.д… Орнамент из бисера, из разноцветных лоскутков и страсть одулов к ярким цветам – все это явление или влияние Д[альнего] В[остока]… многие явления материальной и духовной культуры указывают нам на перенятую, но неизвестную до сих пор культуру, берущую начало с Д[альнего] В[остока]» [13, с. 16]. «На одежде лесных юкагиров…», далее продолжает Н.И. Спиридонов, «пришиваются металлические (медные) кружки различной формы, снабженные рожками, поясками и т.д., очевидно пришедшие с Дальнего Востока, символизировавшие некогда лики китайских драконов и демонов» [13, с. 32]. К сожалению, возможностей для проверки таких высказываний мало, так как, по сравнению со временами В.И. Иохельсона и Н.И. Спиридонова, утрачены многие элементы традиционной материальной культуры одулов. Очевидно только одно: предметный мир импорта, поступавшего с Дальнего Востока, был разнообразен.

В середине XX в. исследователь древних культур Якутии, археолог А.П. Окладников предположил, что поздненеолитическая традиция покрывать керамические сосуды вафельным или шашечным техническим штампом могла впервые появиться «в Китае, у первых земледельцев Дальнего Востока» [14, с. 129]. Он же сопоставил бронзовые мечи, найденные в Якутии на рр. Вилюй и Алдан, с древнекитайскими [14, с. 150].

Рис. 2. Сопоставление графем на писаницах Якутии (А) и древнекитайских пиктограмм (Б) [16, с. 16].

Вопросы древнекитайского влияния поднимали в своих работах якутские ученые в начале XXI в. «Корни сложной технологии восстановительного обжига усть-мильской керамики [распространена в бронзовом веке Якутии] связаны, вероятно, с районами восточно-китайских культур Луншань и Лянчжоу» [15, с. 11]. Выяснено, что древние китайские пиктограммы (рис. 2) обнаруживают близкие параллели в наскальных рисунках бронзового века южной и центральной Якутии [16], а предметы

китайского происхождения присутствуют в атрибутике якутских шаманов [17]. Оказалось, что якутские трехногие сосуды *чорон* из дерева близки по форме древнекитайским неолитическим сосудам, изготовленным из глины [7, с. 72, 74].

С древних времен выходцы из южных регионов проникали на территорию Якутии и оказывали влияние на ее насельников, о чем свидетельствуют грунтовые захоронения. Погребальный комплекс на горе Туой-Хая периода среднего неолита, обнаруженный на р. Вилюй [18, с. 39], включает два специфических жертвенных захоронения. Это типичный жертвенный погребальный обряд, носивший в древнем Китае различные названия (в том числе «поясничная яма», «собачья яма») с кремацией и отдельным захоронением голов и останков человека и собаки [7, с. 116, 172; 19, с. 315–318]. В фольклоре лесных юкагиров находим намек на древнекитайский способ захоронения детей в котле: [старичок] «трех детей девушек в котел положил, корытцем прикрыл» [19, с. 319–323; 20, с. 24–25; 7, с. 63]. Приведенные отдельные соответствия пока мало исследованы, в частности, антропологические останки основного грунтового могильника на горе Туой-Хая могут характеризовать представителей пришлой группы населения, а останки принесенного в жертву человека с признаками каннибализма принадлежат представителю аборигенов.

Особый интерес имеют исследования генетиков. Результаты анализа генетических взаимоотношений демонстрируют, что «по спектру материнских линий юкагиры ближе к урало- и алтаеязычным этносам, чем к палеоазиатам… Y-генофонд юкагиров [содержит] достаточно редкую для Якутии гаплогруппу O, характерную для популяций Китая и Дальнего Востока» [21, с. 170–171]. Y-хромосомная гаплогруппа N, распространенная по всей Северной Азии и на севере Европы, представлена в широком ареале в районе стыка Южного – Юго-Западного Китая, Индокитая и Тибета. Французским генетикам удалось обнаружить, что у саха (якутов) по 4-м субкладам мтДНК совпадение имеется только с китайцами, при этом отсутствуют совпадения с бурятами, монголами и тувинцами [22, 2010]. Все это лишний раз говорит о том, что популяции Северной Азии, и, в частности, Восточной Сибири – в некоторой части потомки групп южных мигрантов.

Высказывания ученых подтверждают результаты сопоставлений в

области фольклора. Впервые значительный объем фольклорных текстов лесных юкагиров – охотников и рыболовов верхней Колымы собрал В.И. Иохельсон в конце XIX – начале XX вв. [12; 20]. Ученому не удалось записать одульские мифы космогонического характера, за исключением адаптированного библейского сказания о потопе [12, с. 425] и «Юкагирской сказки о происхождении чукчей» [12, с. 411–413], при этом информанты ссылались на то, что космогонические тексты «знали древние люди» [20, с. XII]. Почти через столетие, в конце XX в. в с. Нелемное на р. Ясачной – центре компактного расселения лесных юкагиров (в 2010 г. в селе проживало юкагиров 177 чел.) был записан цикл космогонических мифов о создании земли, ее ландшафта, человека и животных, о вторичном переустройстве мира, происхождении луны и пятен на ней [23, ч. 1, с. 20–25, 35–46, 48–49; 24, с. 146–147; 25, с. 25; 26, с. 31–44].

По-видимому, тексты аналогичного содержания пересказывались юкагирами и ранее, о чем свидетельствуют записи юкагира-чуванца А.Е. Дьячкова в конце XIX в. На западе Чукотки у смешанного населения р. Анадырь (юкагиры разных групп, чукчи, коряки, эвены, русские) бытовали мифы о том, как безымянные добрый и злой духи создавали сушу и человека [27, с. 231–232]. В материалах комплексной экспедицией СО АН СССР, собранных у тундровых юкагиров в 1959 г., имеются два текста о создании земли Христом [28, с. 239].

При изучении мифологических текстов лесных юкагиров, записанных в период с конца XIX по конец XX вв., внимание привлекают наличие определенных сюжетных и структурных параллелей с мифами древних китайцев и народов Юго-Восточной Азии. Так, один из одульских лунарных мифов «Почему Рысь Зайца съедает» повествует о том, как Рысь не стала женой Зайца, потому что изготовленные Зайцем и стариком-кузнецом обручальные кольца ей не подошли. Недовольный этим событием «весь заячий народ… начал шаманить. От [их] шаманства Зайчика вместе со стариком-кузнецом и наковальней на Луну унесло. Сразу же там прилипли, виднеются» [23, ч. 1, с. 25]. На время возникновения мифа указывают шаманские и кузнеческие способности старика- мастера.

Заяц-посредник между людьми и Луной-божеством в связи с концептом бессмертия известен с древности в традиционных воззрениях и

фольклоре народов Юго-Восточной Азии и у некоторых африканских племен [29, с. 101; 30, с. 34–37]. Японцы в лунных пятнах видят фигуры двух зайцев, толкущих в ступе зерна фасоли, а олицетворением Луны в древнем Китае является заяц, толкущий в ступе эликсир бессмертия [11, с. 230]. Сравнительно-сопоставительный анализ лунарных мифов юкагиров и названных народов еще не предпринимался, между тем, исследователи полагают, что в Сибири встречается целый ряд мотивов, «имеющих параллели на юге и юго-востоке Азии, что может свидетельствовать об участии южных популяций в заселении сибирского региона как до, так и после ледникового максимума» [29, с. 40–41].

Одульские космогонические и этиологические мифы конца XX в. стали основой нашего исследования. В серии мифов действующими персонажами выступают демиурги-антагонисты Христос и Сатана / черт, что однозначно свидетельствует о влиянии библейского сказания на картину мира и мифологические представления одулов. Надо отметить, что этиологические тексты о Христе известны народам Якутии (тундровые юкагиры, эвены, эвенки, якуты, русские старожилы р. Индигирки) [31], но значительный по объему цикл записан только у лесных юкагиров. Мифы о двух демиургах имеют широкое распространение среди народов Сибири, Восточной Европы, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки и Северной Америки [32]. Большинство китайских мифов и сказаний записывались на протяжении более двух тысяч лет, они известны во многих списках и вариантах. В то время как юкагирский фольклор стал предметом научного изучения только с конца XIX в., а объемный блок этиологических текстов с включением христианских образов собран лишь в конце XX в. Тем не менее, под толщей временных напластований и выветриваний удалось обнаружить некоторые общие структурные единицы и образы в серии древних мифов о сотворения человека, версии о всемирном потопе и погоне богатыря за восьминогим лосем, также сопоставить мифологемы зооморфного образа Неба и червя-личинки в сибирской и древнекитайской традициях [1]. Древнекитайские элементы присутствуют у лесных юкагиров не только в фольклоре, но также предположительно их наличие в прошлом в предметах материальной культуры, на что обратили внимание В.И. Иохельсон и Н.И Спиридонов (Тэки Одулок).

Заключение

В ранний период государственности с конца III тыс. до н.э. до 220 в. н.э. Китай периодически сотрясали военные события различного масштаба, возможными следами проникновения в северные территории являются, например, раритеты древнекитайской культуры в Якутии, датированные бронзовым веком (3400–2000 кал. л.н.). Хронологически близки им наскальные рисунки южной и центральной Якутии, обнаруживающие параллели в китайских пиктограммах иньского периода (пиктографические «тексты», исследованные А.Н. Алексеевым и А.В. Пеньковым). Источниками для реконструкций могут быть предполагаемые общие технологические приемы изготовления и обжига глиняных сосудов. Отдельные формы глиняной посуды древних китайцев находят точные копии в якутских ритуальных сосудах из дерева *чорон*.

Не исключено, что трансляторами инокультурных традиций являлись значительные юкагирские группы, прибывшие из бассейна средней Лены в Арктику и Субарктику в конце I – начале II тыс. н.э. Переселенцы на своей родине впитали и затем вынесли на север некие исследуемые нарративы. Привнесение элементов южной культуры на северо-восток Азии опосредованно происходило в разные хронологические периоды также через кочевые иноэтнические группы. Такими посредниками рассматриваются кочевые тунгусы, доставлявшие на север предметы китайского импорта в обмен на пушнину и мамонтовую кость.

Гипотетические цепочки с разной долей вероятности возможны в силу слабой разработанности вопросов истории Якутии в периоды раннего металла и средневековья. Китайская экспансия в Восточную Сибирь и Центральную Азию имела, по-видимому, разную степень интенсивности. Так, «в памятниках Алтая предтюркского времени [до V в. н.э.] количество привозных изделий из Поднебесной империи весьма незначительно и ограничивается единичными находками» [33, с. 181].

Дальнейшее изучение древнего коренного народа Якутии – юкагиров – может открыть новые, еще неизвестные страницы истории и культуры пеших номадов-собаководов Северо-Восточной Азии. Очевидна перспективность изысканий с привлечением смежных наук – археологии, этнологии, фольклористики, лингвистики, генетики, исторической

географии и политической истории древних сообществ. Объединенные в своей совокупности результаты междисциплинарных исследований послужат конкретизации наших представлений о материальном и духовном мире населения древней и средневековой Якутии, находящегося, без сомнения, в постоянных адаптационных процессах конвергентного и дивергентного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса) / Отв. ред. А.А. Немировский. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2022. 76 с.
2. Древнекитайская философия. Эпоха Хань / сост. Ян Хиншун. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 523 с.
3. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Изд. 2-е. М.: Наука, 1987. 528 с.
4. История древнего Востока: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Под ред. В.И. Кузищина. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2003. 462 с.
5. Крюгер Р. Китай. Полная история Поднебесной. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 448 с.
6. Крюков В.М. Дары небесные и земные // Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Наука, 1988. С. 56–84.
7. Кучера С. Китайская археология. 1965–1974 гг.: Палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М.: Наука, 1977. 270 с.
8. Рифтин Б.Л. Общие темы и сюжеты в фольклоре народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: материалы Всесоюзной конференции фольклористов. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1978. С. 34–39.
9. Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М: Советская энциклопедия, 1980. С. 652–662.
10. Рифтин Б.Л. О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 378–477.
11. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984. 248 с.
12. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
13. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Изд. 2. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
14. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.
15. Федорова С.А., Алексеев А.Н. Генетическая история народов Республики Саха (Якутия): учебное пособие. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2017. 92 с.
16. Алексеев А.Н., Пеньков А.В. Новые подходы к познанию духовной культуры таежных племен древней Якутии: пиктографические «тексты» на ленских писаницах бронзового века // Древности Якутии: искусство и материальная культура. Новосибирск: Наука, 2006. С. 12–56.

17. Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Масумото Т. Предметы китайского происхождения в атрибутике якутских шаманов // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. 2015. Вып. 3. С. 1327–1334. [эл. доступ]. URL: https://www.researchgate.net/publication/285577197_CHINESE_FEATURES_OF_YAKUT_SHAMANISM_Predmety_kitajskogo_proishozdenia_v_atributike_akutskih_samanov (дата обращения: 25.05.2023).
18. Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 170 с.
19. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
20. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 270 с.
21. Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНД и Y-хромосомы. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. 234 с.
22. Crubezy, E., Sylvain Amori, S., Keyser, Ch., Bouakaze, C., Bodner, M., Gibert, M., RÖck, Al., Parson, W., Alexeev, A., Ludes, L. Human Evolution in Siberia: from Frozen Bodies to Ancient DNA. *BMC Evolutionary Biology*. 2010. Available at https://bmcecolevol.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2148-10-25 (accessed: 29.05.2023).
23. Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.
24. Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1991. Вып. 2. С. 146–167.
25. Заветный фольклор народов Якутии: юкагиры, якуты, эвенки, русские / сост. Л.Н. Жукова. Вып. 1. Якутск: Якутский край, 2008. 83 с.
26. Лунное лицо: сказки юкагиров / сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. Якутск: Кн. изд-во, 1992. 124 с.
27. Дьячков А.Е. Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове. Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 160–270.
28. Юкагиры: историко-этнографический очерк / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.
29. Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология: ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.
30. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1984. 703 с.
31. Хазанкович Ю.Г. Миссионерство и православные мотивы в литературах малочисленных народов Севера. Якутск: Бичик, 2007. 48 с.
32. Березкин Ю.Е. Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология Евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4(52). С. 144–155.
33. Серегин Н.Н., Чен А. Китайский импорт из памятников тюрок Центральной Азии (VI–XI вв. н.э.): динамика распространения, историко-культурный контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 181–189.

REFERENCES

1. Zhukova L.N. Jukagirsko-kitajskie fol'klorno-mifologicheskie paralleli (k postanovke voprosa) [Yukagir-Chinese Folklore-Mythological Parallels (to the Question)]. Otv. red. A.A. Nemirovskij. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2022. 76 p. (In Russ.).

2. Drevnekitajskaja filosofija. Jepoha Han' [Ancient Chinese Philosophy. The Han Era]. Sost. Jan Hinshun. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1990. 523 p. (In Russ.).
3. Juan' Kje. Mify drevnego Kitaja [Myths of Ancient China]. Izd. 2-e. M.: Nauka, 1987. 528 p. (In Russ.).
4. Istorija drevnego Vostoka [History of the Ancient East]: u chebnoe posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti «Istorija». Pod red. V.I. Kuzishhina. Izd. 3-e pererab. i dop. M.: Vysshaja shkola, 2003. 462 p. (In Russ.).
5. Krjuger R. Kitaj. Polnaja istorija Podnebesnoj [China. The Complete History of the Celestial Empire]. M.: Izd-vo Jeksmo, 2006. 448 p. (In Russ.).
6. Krjukov V.M. Dary nebesnye i zemnye [Heavenly and Earthly Gifts]. *Jetika i ritual v tradicionnom Kitae*. M.: Nauka, 1988. P. 56–84. (In Russ.).
7. Kuchera S. Kitajskaja arheologija. 1965–1974 gg.: Paleolit – jepoha In'. Nahodki i problemy [Chinese Archeology. 1965–1974: Paleolithic – Yin Era. Findings and Problems]. M.: Nauka, 1977. 270 p. (In Russ.).
8. Riftin B.L. Obshhie temy i sjuzhety v fol'klore narodov Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka [Common Themes and Plots in the Folklore of the Peoples of Siberia, Central Asia and the Far East]. *Jepicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*: *materialy Vsesojuznoj konferencii fol'kloristov*. Jakutsk: Izd-vo JaF SO AN SSSR, 1978. P. 34–39. (In Russ.).
9. Riftin B.L. Kitajskaja mifologija [Chinese Mythology]. *Mify narodov mira*. T. 1. M: Sovetskaja jenciklopedija, 1980. P. 652–662. (In Russ.).
10. Riftin B.L. O kitajskoj mifologii v svjazi s knigoj professora Juan' Kje [About Chinese Mythology in Connection with the Book of Professor Yuan Ke]. *Juan' Kje*. *Mify drevnego Kitaja*. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1987. P. 378–477. (In Russ.).
11. Janshina Je.M. Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii [Formation and Development of Ancient Chinese Mythology]. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1984. 248 p. (In Russ.).
12. Iohel'son V.I. Jukagiry i jukagirizirovannye tungusy [Yukaghirs and Yukagirized Tunguses]. Per. s angl. V.H. Ivanova i Z.I. Ivanovoj-Unarovoj. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russ.).
13. Spiridonov N.I. (Tjeki Odulok). Oduly (jukagiry) Kolymskogo okruga [Oduls (Yukaghirs) of the Kolyma District]. Izd. 2-e. Jakutsk: Severoved, 1996. 80 p. (In Russ.).
14. Okladnikov A.P. Istorija Jakutskoj ASSR [History of the Yakut ASSR]. T. I. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. 432 p. (In Russ.).
15. Fedorova S.A., Alekseev A.N. Geneticheskaja istorija narodov Respubliki Saha (Jakutija) [Genetic History of the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)]: uchebnoe posobie. Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2017. 92 p. (In Russ.).
16. Alekseev A.N., Pen'kov A.V. Novye podhody k poznaniju duhovnoj kul'tury taezhnyh plemen drevnej Jakutii: piktograficheskie «teksty» na lenskih pisanicah bronzovogo veka [New Approaches to the Knowledge of the Spiritual Culture of the Taiga Tribes of Ancient Yakutia: Pictographic "Texts" on the Lena Petroglyphs of the Bronze Age]. *Drevnosti Jakutii*: *iskusstvo i material'naja kul'tura*. Novosibirsk: Nauka, 2006. P. 12–56. (In Russ.).
17. Bravina R.I., D'jakonov V.M., Stepanov A.D., Masumoto T. Predmety kitajskogo proishozhdenija v atributike jakutskih shamanov [Objects of Chinese Origin in the

Attributes of Yakut Shamans]. Drevnie kul'tury Severnogo Kitaja, Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. 2015. Vol. 3. P. 1327–1334. Available at https://www.researchgate.net/publication/285577197_CHINESE_FEATURES_OF_YAKUT_SHAMANISM_Predmety_kitajskogo_proishozdenia_v_atributike_akutskih_samanov (accessed: 25.05.2023). (In Russ.).

18. Fedoseeva S.A. Drevnie kul'tury Verhnego Viljuja [Ancient Cultures of the Upper Vilyui]. M.: Nauka, 1968. 170 p. (In Russ.).

19. Zhukova L.N. Ocherki po jukagirskoj kul'ture [Essays on the Yukaghir Culture]. Ch. 2. *Mifologicheskaja model' mira*. Novosibirsk: Nauka, 2012. 360 p. (In Russ.).

20. Iohel'son V.I. Materialy po izucheniju jukagirskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on the Study of the Yukagir Language and Folklore, Collected in the Kolyma District]. Jakutsk: Bichik, 2005. 270 p. (In Russ.).

21. Fedorova S.A. Geneticheskie portrety narodov Respubliki Saha (Jakutija): analiz linij mitohondrial'noj DND i Y-hromosomy [Genetic Portraits of the Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia): Analysis of Mitochondrial DND and Y-Chromosome Lines]. Jakutsk: Izd-vo JaNC SO RAN, 2008. 234 p. (In Russ.).

22. Crubezy, E., Sylvain Amori, S., Keyser, Ch., Bouakaze, C., Bodner, M., Gibert, M., RÖck, Al., Parson, W., Alexeev, A., Ludes, L. Human Evolution in Siberia: from Frozen Bodies to Ancient DNA. *BMC Evolutionary Biology*. 2010. Available at https://bmcecolevol.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2148-10-25 (accessed: 29.05.2023).

23. Zhukova L.N., Nikolaeva I.A., Demina L.N. Fol'klor jukagirov verhnej Kolymy [Folklore of the Yukagirs of the Upper Kolyma]. Jakutsk: Izd-vo Jakut. un-ta, 1989. Ch. 1. 161 p.; Ch. 2. 89 p. (In Russ.).

24. Zhukova L.N., Prokop'eva P.E. Fol'klornye teksty jukagirov verhnej Kolymy [Folklore Texts of the Yukaghirs of the Upper Kolyma]. *Jazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri*. Jakutsk: Izd-vo Jakut. un-ta, 1991. Vol. 2. P. 146–167. (In Russ.).

25. Zavetnyj fol'klor narodov Jakutii: jukagiry, jakuty, jevenki, russkie [Cherished Folklore of the Peoples of Yakutia: Yukagirs, Yakuts, Evenks, Russians]. Sost. L.N. Zhukova. Vyp. 1. Jakutsk: Jakutskij kraj, 2008. 83 p. (In Russ.).

26. Lunnoe lico: skazki jukagirov [Lunar Face: Tales of the Yukagirs]. Sost. i obrab. L.N. Zhukovoj, O.S. Chernecova. Jakutsk: Kn. izd-vo, 1992. 124 p. (In Russ.).

27. D'jachkov A.E. Anadyrskij kraj [Anadyr Territory]. Zhiharev N.A. *Povest' ob Afanasii D'jachkove*. Magadan: Kn. izd-vo, 1992. P. 160–270. (In Russ.).

28. Jukagiry: istoriko-jetnograficheskij ocherk [Yukaghirs: Historical and Ethnographic Essay]. Otv. red. A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Nauka, 1975. 244 p. (In Russ.).

29. Berezkin Ju.E. Afrika, migracii, mifologija: arealy rasprostranenija fol'klornyh motivov v istoricheskoj perspective [Africa, Migrations, Mythology: Distribution Areas of Folklore Motifs in a Historical Perspective]. SPb.: Nauka, 2013. 320 p. (In Russ.).

30. Frjezer D.D. Zolotaja vetv' [The Golden Bough]. M.: Politizdat, 1984. 703 p. (In Russ.).

31. Hazankovich Ju.G. Missionerstvo i pravoslavnye motivy v literaturah malochislennyh narodov Severa [Missionary Work and Orthodox Motives in the Literatures of the Small Peoples of the North]. Jakutsk: Bichik, 2007. 48 p. (In Russ.).

32. Berezkin Ju.E. Sibirsko-juzhnoaziatskie fol'klornye paralleli i mifologija Evrazijskoj stepi [Siberian-South Asian Folklore Parallels and Mythology of the Eurasian Steppe]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii*. 2012. № 4(52). P. 144–155. (In Russ.).

33. Seregin N.N., Chen A. Kitajskij import iz pamjatnikov tjurok Central'noj Azii (VI–XI vv. n.je.): dinamika rasprostranenija, istoriko-kul'turnyj kontekst [Chinese Imports from the Sites of Central Asian Turks (VI–XI centuries ad): Dynamics of Distribution, Historical and Cultural Context]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istorija*. 2020. № 66. P. 181–189. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Жукова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.
E-mail: zjukova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1645-8043.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Zhukova Ludmila N. – PhD in History, Senior Researcher at the archeology laboratories. Institute for Humanitarian Studies and Problems of the Small Peoples of the North Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: zjukova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1645-8043.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023. Одобрена после рецензирования 18.07.2023. Принята 18.07.2023.
Received 08.07.2023. Approved after reviewing 18.07.2023. Accepted 18.07.2023.

научная статья
УДК: 32.019.52
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.7

АЛЖИР: детские судьбы политических репрессий (фрагменты архивных материалов и устных историй)

Арсланова Юлия Рафаиловна ✉
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
✉ arslanova@qkelisim.kz

Калашникова Наталья Павловна
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
nerush50@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7667-0383

Аннотация. *Политические изменения в конце 1980-х гг. в СССР вызвали большой интерес к изучению и объективному освещению в отечественной истории XX в. проблем сталинизма, тоталитаризма, политических репрессий. Появились информационно-правовые возможности для исследования данной проблематики в последние годы, когда по запросу общественности стали открываться засекреченные ранее данные специальных архивов. После обретения Независимости, Республика Казахстан продолжила работу по исследованию и поиску архивных материалов о депортированных и репрессированных, их реабилитации. Новые страницы тех трагических дней открываются учеными, в том числе казахстанскими, благодаря архивным исследованиям, публикациям документов, воспоминаниям, биографическим изданиям. В этом плане стали популярным исследования ученых и экспертов разных стран, реализующих свои проекты, в том числе и на коллаборационной основе.*

Проблематика, рассмотренная в данной статье, является малоизученной, поскольку, несмотря на то, что в последние годы возросла исследовательская активность, направленная на освещение, изучение, оценку исторических событий XX века, многие страницы истории воспринимаются в постсоветских социумах очень неоднозначно, а зачастую – болезненно.

Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР) был крупнейшим тюремным лагерем в СССР для жен репрессированных. Долгое время проблема репрессий в отношении жен, детей и членов семей «врагов народа», «изменников Родины» не обсуждалась в обществе, а многие жертвы трагедии до сих предпочитают не рассказывать о своей жизни, включая родных. В результате вышеперечисленных обстоятельств, а также трудностей в процессе рассекречивания архивных источников по истории политического террора, жертвы политических репрессий, особенно дети, как самостоятельный объект изучения наукой не выделялись. Монографические исследования по проблемам политического насилия, репрессиям к детям, подросткам, молодежи, практически отсутствуют.

Распространенным явлением, начиная с конца XX века, стали публикации воспоминаний жертв репрессий на страницах газет и журналов. В статье использовались воспоминания жертв политических репрессий, этот вид источника

помогает проследить реализацию репрессивной политики в жизни людей, отдельной семьи, восполняет информационные пробелы.

История политических репрессий в отношении детей сегодня нуждается в специальном исследовании. Детская тематика вызывает еще большую боль и скорбь и зачастую исследуется в привязке к женской проблематике репрессий. Однако в ряде работ, в том числе и казахстанских ученых, экспертов, стал активнее подниматься вопрос освещения последствий массовых политических репрессий глазами детей, в отношении их, воспоминаний очевидцев событий XX века.

***Ключевые слова*:** Акмолинский лагерь жен изменников родины; «26-ая точка»; лагерь; узницы АЛЖИРа; дети узниц; «враг народа»; «изменник Родины»; архивы; историческая память

***Финансирование*:** Данное исследование осуществлено при поддержке Комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP14870265).

***Для цитирования*:** Арсланова Ю.Р., Калашникова Н.П. АЛЖИР: детские судьбы политических репрессий (фрагменты архивных материалов и устных историй) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 93–114. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.7

© Арсланова Ю.Р., Калашникова Н.П., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 32.019.52
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.7

ALZHIR: Children's Fate of Political Repression (Fragments of Archival Materials and Oral Histories)

Yuliya R. Arslanova ✉
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
✉ arslanova@qkelisim.kz

Natalia P. Kalashnikova
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
nerush50@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7667-0383

Abstract. *Political changes in the late 1980s in the USSR aroused great interest in the study and objective coverage of the problems of Stalinism, totalitarianism, and political repression in the national history of the XX century. Information and legal opportunities have appeared for the study of this issue in recent years, when previously classified data from special archives began to be opened at the request of the public. After gaining Independence, the Republic of Kazakhstan continued to work on research and search for archival materials about the deported and repressed, their rehabilitation. New pages of those tragic days are being opened by scientists, including Kazakhstani ones, thanks to archival research, publications of documents, memoirs, biographical publications. In this regard, research by scientists and experts from different countries implementing their projects, including on a collaborative basis, has become popular.*

The problems considered in this article are poorly studied, because, despite the fact that in recent years public and research activity has increased, aimed at covering, studying, evaluating historical events of the XX century, many pages of history are perceived in post–Soviet societies very ambiguously, and often painfully.

Akmola camp of the wives of traitors to the motherland (ALZHIR) was the largest prison camp in the USSR for the wives of the repressed. For a long time, the problem of repression against children and family members of «enemies of the people», «traitors to the Motherland» has not been discussed in society, and many victims of the tragedy still prefer not to talk about their lives, including relatives. As a result of the above circumstances, as well as difficulties in the process of declassifying archival sources on the history of political terror, victims of political repression, especially children, were not singled out as an independent object of study by science. There are practically no monographic studies on the problems of political violence, repression of children, adolescents, and youth.

The publication of memoirs of victims of repression on the pages of newspapers and magazines has become a common phenomenon since the end of the XX century. The article used the memories of victims of political repression, this type of source helps to trace the implementation of repressive policies in the lives of people, an individual family, fills in information gaps.

The history of political repression against children today needs special research. Children's themes cause even greater pain and sorrow and are often explored in relation to the women's issues of repression. However, in a number of works, including by Kazakhstani scientists and experts, the issue of highlighting the consequences of mass political repression through the eyes of children, in relation to them, the memories of eyewitnesses of the events of the XX century has become more actively raised.

***Keywords*:** Akmola camp of the wives of traitors to the motherland; «26th point»; camp; prisoners of ALZHIR; children of prisoners; «enemy of the people»; «traitor to the Motherland»; archives; historical memory

Funding: This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant № AP14870265).

For citation: Arslanova, Yu.R., Kalashnikova, N.P. ALZHIR: Children's Fate of Political Repression (Fragments of Archival Materials and Oral Histories). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 93–114. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.7

© Arslanova, Yu.R., Kalashnikova, N.P., 2023. Publisher: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Тема политических репрессий, в том числе в отношении детей и подростков, рассматривается на основе архивных материалов бывших лагерей ГУЛАГа. На территории Казахстана их насчитывается пятнадцать. Одним из лагерей был Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, называемый государством в государстве, который был одним из крупнейших на территории СССР. В его структуру входило 29 отделений,

которые по своей площади были сопоставимы с территорией Словении. Одно из его отделений – Лагерь жен изменников родины (АЛЖИР) – предмет особого внимания в рамках исследования трагедий КарЛага. Следует отметить, что список узниц был значительно больше – репрессиям подвергались матери, сестры и даже дети.

Основная цель предлагаемого исследования заключается в изучении репрессивных мер, принятых советским правительством в отношении детей, с фокусом на материалах лагеря АЛЖИР (на основе воспоминаний очевидцев, узниц и их детей, а также потомков репрессированных) и тех мер, которые принимают государства по сохранению общей исторической памяти в настоящее время.

Для достижения этой цели были использованы общие методы научного исследования (сравнение, обобщение, описание событий и контент-анализ), специфические исторические методы (историко-системный, метод исторической периодизации), которые позволяют выделить особенности этапов детских репрессий в советское время на основании архивных данных, материалов «устных историй».

Поскольку рассекречивание архивов проводится постепенно, источниковая база долгое время не позволяла изучить и объективно раскрыть предпосылки и историю репрессий детей. На сегодняшний день, сложности в предоставлении и изучении характера и статистики репрессий продолжают оставаться актуальной проблемой, требующей детального анализа.

По предложенной теме значительный вклад внесли такие российские ученые, как Г.М. Иванова [1], В.Д. Ермаков и Н.Н. Крюкова [2], А.Ю. Горчева [3] и другие. Их работы посвящены законодательной правовой базе репрессий в отношении детей, методам работы карательных институтов с родственниками и членами семей «изменников Родины».

Статистические данные (численность женщин, беременных, новорожденных детей, рождаемость и смертность женщин и детей соответственно), описания психологической обстановки в связи с беременностью, родами репрессированных, отношение работников карательных структур к женщинам, беременным, новорожденным детям исследовали В.Н. Земсков [4; 5; 6], В. Попов [7], А. Дугин [8], Л.И. Гинцберг [9], Б.А. Нахапетов [10]. Публикации, в которых приводятся

статистические сведения, вызывает ряд дискуссий в научных и общественных кругах и по настоящее время.

Особую значимость в контексте рассматриваемой тематики представляет книга «Дети ГУЛАГа. 1918-1956» [11] – один из немногих на сегодняшний момент сборник документов с информацией о судьбах миллионов детей, превращенных, вопреки утверждениям советской пропаганды, в «изгоев общества». В данном труде ученые представили возможный вариант периодизации государственного террора в отношении детей (1918–1936 гг., 1937–1941 гг., 1942–1945 гг., 1946–1956 гг.).

Материалы и их обсуждение

АЛЖИР: «ад на земле»

Датой основания АЛЖИРа, который был «26-й точкой» КарЛага, считается 3 декабря 1937 года. Первых узниц привезли сюда в начале 1938-го. В основном это были жены государственных деятелей, видных политиков, представителей научной и творческой интеллигенции: А. Рыскулова и ее мать А. Есенгулова, Д. Жургенева, Р. Асфендиярова; певица Л. Русланова, писательница Г. Серебрякова; жены писателей Б. Пильняка К.Андронникошвили, Ю. Трифонова, Е. Лурье, матери Б. Окуджавы и М. Плисецкой и другие. Некоторые из них отбывали наказание в лагерях вместе с детьми [12].

Согласно научным и архивным документам, которые все больше становятся открытыми для изучения, система не делала исключений даже для беременных и женщин с грудными детьми. Эти женщины передвигались вместе с другими заключёнными в узких неотапливаемых товарных вагонах.

Детей размещали в отдельных бараках лагеря, известных как «детские сады», здесь же находились специальные люльки для них (рис. 1). За детьми смотрели няни и так называемые бытовички – женщины, отбывавшие срок за бытовые преступления. Время, когда матери могли посещать своих детей, было строго определено администрацией: два-три раза в день, по 15–30 минут только во время кормления. Женщин приводили и уводили под конвоем. Когда заканчивалось молоко, прекращались и свидания [13].

Рис. 1. Дети в детских домах при учреждениях ГУЛАГа[1]

Одна из узниц АЛЖИРа Хава Волович в своих мемуарах писала: «В лагере няням было все равно на детей. Я видела, как в семь часов утра няньки делали побудку малышам. Тычками, пинками поднимали их из ненагретых постелей. Толкая детей в спинки кулаками и осыпая грубой бранью, меняли распашонки, подмывали ледяной водой... На 17 детей приходилась одна няня, которая должна была кормить, мыть, одевать детей и содержать палату в чистоте. Она старалась облегчить себе задачу: из кухни няня принесла пылающую жаром кашу. Разложив ее по мискам, она выхватила из кроватки первого попавшегося ребенка, загнула ему руки назад, привязала их полотенцем к туловищу и стала, как индюка, напихивать горячей кашей, ложку за ложкой, не оставляя ему времени глотать».

Инженер-химик Галина Семенова, которая шесть лет провела в АЛЖИРе, сказала: «Судьбе таких детей не позавидуешь. Ни ласки, ни тепла, ни тем более любви они не видали. Большинство из них болели, не вылечивались и погибали. Бытовички обслуживали их кое-как, например, кормили малышей так: запихнут рот до отказа кашей, так что ребенок чуть не задохнется и не может ее проглотить, и остается, таким образом, голодным» [14].

[1] Я родился в ГУЛАГе. Сын «врага народа» – о ненависти к советскому гимну, предательстве отца и своей реабилитации. 11.01.2023 // Сибирь. Реалии: [сайт]. URL: https://www.currenttime.tv/a/ya-rodilsya-v-gulage-syn-vraga-naroda-o-nenavisti-k-sovetskomu-gimnu/32217109.html (дата обращения: 07.05.2023).

Но как только ребенок достигал возраста 3-х лет, его из лагеря забирали в детский дом. В этот момент женщины старались удержать слезы, потому что плач одной из них вызывал панику и плач всех 300 узниц в бараке.

Некоторым женщинам удавалось спрятать детей. Грузинская актриса Кира Андроникашвили знала, что идут аресты, и чувствовала, что не долог час, когда придут за ней. Она успела оставить своего годовалого сына у дальней родственницы. Ашхен Налбандян, мать Булата Окуджавы, бежала с детьми в Москву – ее вскоре задержали, а сыновей взяли на воспитание родственники.

Из воспоминаний узницы АЛЖИРа Галины Колдомасовой: «Когда в 5 утра раздался звонок, я поняла, что это за мной. Двое военных, предъявив ордер на мой арест, сообщили, что детей забирают в детдом, затем один из них подошел к кроваткам, где спали дети, и стал срывать со стены коврики. Я поспешила вынуть из шкатулки документ, по которому брат моего мужа брал в случае чего опекунство над детьми. Заготовить такой документ мне посоветовала женщина, стоявшая со мной однажды в тюремной очереди на передачу» [13, с. 158].

Но не в каждой семье были родственники, готовые воспитать сына или дочь «врага народа». Да и власти не всегда шли на этот компромисс. В таких случаях детей отправляли в школы-интернаты, причем зачастую братьев и сестер специально разлучали.

Для детей старшего возраста вопрос решался индивидуально, однако нередки случаи, когда детей-подростков отправляли в лагерь вместе с матерями.

Разлучившись со своими детьми, женщины по пути в тюремные лагеря сходили с ума, некоторые не выдерживали и заканчивали жизнь самоубийством, а те, кто смог справиться с этой душераздирающей болью, на клочках бумаги кровью писали точку назначения и адрес родных. Перепачканные записки они бросали через дыры в полу на рельсы, надеясь, что прохожие сжалятся над ними и передадут новость родным.

«Нет ничего страшнее горя матери, которую лишают ребенка. За одной из женщин пришли вечером. Она решила не бросать сына. Собрав чемоданы для себя и ребенка, она надеялась, что они будут вместе. Но когда в тюрьме у нее отобрали сына, мать в шоке перепутала чемоданы и

отдала ему свои вещи. Потом, в камере, громко разговаривая сама с собой, она перебирала детские вещи и плакала. В горе эта женщина сошла с ума, а мальчик умер в детском доме» – вспоминает узница АЛЖИРа Галина Степанова-Ключникова, супруга репрессированного доцента кафедры математики академии имени Жуковского Андрея Ключникова.

Детей в колониях и детских домах воспитывали с ненавистью к «изменникам Родины» и учили, что их родители – враги Сталина и коммунистической партии. Некоторые так и вырастали – если не в ненависти, то в неприязни к ним. Родителей считали виновными за искалеченную жизнь.

АЛЖИР был особенным лагерем. Первые два года режим и условия лагеря были строго регламентированы – территория была обнесена двойной колючей проволокой, любая переписка была запрещена, поэтому женщины были в неведении о судьбе своих близких. Считалось, что заключенные особо опасны для общества и должны быть максимально изолированы. В течение января и февраля непрерывным этапом стали прибывать заключенные. Только из Бутырской тюрьмы прибыло 1600 женщин. Женщин привозили в АЛЖИР со всех концов страны: России, Грузии,Украины, Армении, стран Средней Азии [15].

В данном контексте особый интерес представляет авторская Карта лагерной миграции казахстанок – узниц Акмолинского лагеря жен изменников Родины, разработанная исследователем Калашниковой Н.П. на материалах мемориально-музейного комплекса «АЛЖИР» (рис. 2). Она показывает разветвленную сеть женских лагерей, действующую в период тоталитарного режима, или как называют некоторые эксперты «века-волкодава». Этапы реабилитации и судьбы женщин-алжирок показывают, насколько чувствительна данная проблематика и сколько в ней еще «белых» пятен. Представленный данный материал, свидетельствует о том, что в силу недостаточной изученности архивных данных, нет полных данных о реабилитации узниц АЛЖИРа. В процессе исследования выяснилось, что около 200 женщин-узниц еще не имеют нормативных правовых актов об их полной реабилитации. Данным вопросом и занялась Государственная комиссия Республики Казахстан по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий (2020 г.). Подготовлен ряд документов соответствующими специальными органами на их реабилитацию.

Рис. 2. Карта лагерной миграции казахстанок – узниц (из архива Калашниковой Н.П.)

Попав в концлагерь, человек лишался фамилии, национальности, профессии. Звание на всех одно – враг народа, изменник Родины. Различали заключенных только по личным лагерным номерам на спецнашивках – на спине, рукавах, коленях.

Каторжный труд заключенных вскоре превратил АЛЖИР в прибыльный сельскохозяйственный и промышленный комплекс. Женщины работали на полях, выращивали овощи и фрукты, занимались селекцией, но при этом все продукты шли на поставку, а узницы изо дня в день умирали от голода. Также были построены коровники и курятники, но заключенные никогда не ели мясо выращенных здесь животных. На территории лагеря находилась швейная фабрика, поставлявшая форму солдатам во время Второй мировой войны.

В 1940 г. власти установили, что осужденные женщины не представляют опасности, и перевели лагерь на общий режим. Даже в таких ужасных условиях некоторые люди оставались людьми: заключенные с теплотой вспоминали одного из руководителей АЛЖИРа – Сергея Баринова. Именно он, будучи главой одного из управлений НКВД, позволил себе усомниться в справедливости задержания жен «врагов народа». Наказали его довольно странно – отправили начальником в АЛЖИР. Женщины называли

его в своих кругах «Валерьян Валерьянович» – за то, что он всегда мог успокоить, при необходимости – даже пожалеть. В конце 1980-х годов С. Баринов заявил, что никогда не считал осужденных женщин виновными в каком-либо преступлении. В период его руководства женщинам разрешили переписываться с родными (рис. 3), а иногда даже встречаться.

Рис. 3. Письма детей матерям в лагерь [2]

Одна из заключенных, врач-педиатр Хана Мартинсон, подала С. Баринову идею выделить в лагере три отдельных барака: под детский сад-ясли, под молочную кухню для грудных детей и под детскую поликлинику. Получив от Баринова одобрение, матери остались рядом с детьми, множество детских жизней было спасено. (рис. 4).

В период своего руководства С. Баринов получил резолюцию Пленума ЦК ВКП (б), где было принято решение не считать детей, рожденных в АЛЖИРЕ, «врагами народа». Таким образом, выжившие дети получили возможность ходить в школу и учиться в одних классах с детьми надзирателей.

[2] Шла на свидание – попала в АЛЖИР. Судьбы женщин акмолинского лагеря. 29.11.2018 // TengriNews.kz: [сайт]. URL: https://tengrinews.kz/fotoarchive/shla-svidanie-popala-aljir-sudbyi-jenschin-akmolinskogo-1110/ (дата обращения: 05.06.2023).

Фактически, только во второй половине 1940-х гг. государством, работниками некоторых мест заключения были предприняты профилактические меры по улучшению положения младенцев и беременных женщин в ГУЛАГе. Этим был частично приостановлен рост высокой смертности младенцев в местах полного и частичного лишения свободы, которая составляла от 50 до 90 % от общей численности детей до 1 года.

Рис. 4. Фото детей в лагере [3]

По данным санитарного отдела ГУЛАГа, только за 1939 г. Из 350 детей КарЛага, которому подчинялся АЛЖИР, умерли 114, с 1941 по 1944-й умерли 924 ребенка, с 1950 по 1952-й – 1130 детей. Детей хоронили недалеко от села Долинка, на поле, которое прозвали «Мамочкино кладбище». Зимой детей не хоронили – земля была слишком замерзшей. Тела малышей хранили в деревянной бочке до наступления весны. Закапывали умерших, как правило, в общих могилах [16].

Санитарка Валентина, служащая НКВД, проходя мимо бочек, увидела: чья-то ручонка вроде шевелится. Вытащила крошечную девочку-казашечку, отнесла домой. Восемь лет растила ее как свою дочь, а когда срок матери вышел, вернула ей ребенка [14].

[3] Репортаж из лагеря смерти АЛЖИР // Память о Гулаге на Вятке. 2019, март. № 40. С. 4.

22 августа 1950 г. издан Указ Правительства СССР «Об освобождении от наказания осуждённых женщин при беременности и женщин, имеющих малолетних детей». После этого указа были освобождены 785 беременных женщин и 706 женщин, имеющих малолетних детей вне лагеря. Всего было освобождено 2 886 женщин [19].

Официальных данных о погибших на территории АЛЖИРа нет, однако считается, что их было порядка 500 человек. В списке расстрелянных: 8 женщин, все они были повторно осуждены в АЛЖИРе за «контрреволюционную деятельность».

АЛЖИР просуществовал до 1953 г., но стоит отметить, что репрессии не прекращались ни в военное время, ни после войны – вплоть до смерти Сталина.

За это время этапом через АЛЖИР прошло свыше 18 тысяч женщин, более 8 тысяч отбыли срок «от звонка до звонка». На территории лагеря родилось 1 500 детей (условно 100 грудничков в год), изъятых впоследствии у матерей. В эту статистику вошли только выжившие. Многие из них рождались в результате насилия, или, зачастую женщины иногда шли на беременность добровольно и осознанно, поскольку будущим мамам в лагере давали отсрочку от тяжелых работ.

Список 1 507 детей, а также данными о матери (ФИО, год и место рождения) сформирован в алфавитном порядке на интернет платформе Единой базы данных жертв политических репрессий – «Бессмертный барак» [17].

Как свидетельствуют архивные материалы, репрессии не заканчивались после освобождения. У женщин в паспорте стояла отметка, которая запрещала им пересекать границу в крупные города, затрудняла поиск достойной работы. Многие женщины так и остались жить и работать в Казахстане, все имущество у них отняли еще при аресте. О том, что их мужья были приговорены к расстрелу, многие узницы узнали только после освобождения. Они до последнего надеялись, что супругов также держат в лагерях.

Детям тоже приходилось непросто: имея статус «сын (дочь) врага народа» было невозможно учиться и работать. Только после реабилитации родственники смогли вернуть себе честное имя, но должной компенсации

никто так и не получил. Многие из узниц, несмотря на свою образованность и наличие творческих навыков, умерли в глубокой нищете.

Достоверная информация о тех страшных страницах истории была озвучена только в конце 1980-х годов. Председатель местного колхоза Иван Шарф настоял на том, чтобы здесь появился памятник жертвам репрессий и музей. Судьба этого человека заслуживает отдельной истории: отца Ивана Шарфа расстреляли, мать умерла в лагерях на лесоповале. Немецкого мальчика вырастила казахская семья. Иван получил 2 высших образования, поднялся по карьерной лестнице от директора школы до директора совхоза «Акмолинский», удостоился высших наград и званий.

Его инициативу поддержали на государственном уровне. 31 мая 2007 года состоялось открытие мемориального комплекса и музея на территории бывшего лагеря АЛЖИР, которое было проведено в День памяти жертв политических репрессий, отмечаемый в Казахстане 31 мая, а также приурочено к 70-летию с начала массовых репрессий в СССР. Музей содержит различные экспозиции, воспроизводящие быт заключенных: заборы колючей проволоки, сторожевые вышки, бараки, здесь можно ознакомиться с различными документами и фотографиями.

Выставка начинается с инсталляции «Оковы», которая представляет тюремную камеру, где содержали женщин во время арестов. Инсталляция сопровождается звуками приближающегося поезда, что символизирует прибытие очередного этапа женщин – узниц АЛЖИРа, ещё слышны детский плач и лай собак. Крик малыша раздается из детской кроватки, которая является частью экспозиции фрагмента лагерного барака.

На территории комплекса расположены памятные плиты от государств, чьи соотечественницы были незаконно арестованы и отправлены в АЛЖИР: Армении, Белоруссии, Грузии, Украины и стран Центральной Азии. На памятных плитах нанесены фамилии всех узниц, которые прошли через АЛЖИР, на сайте собраны их короткие биографии.

Материалы собирали из архивов областей Казахстана и стран СНГ. Архивные документы, фотографии и личные вещи передавали потомки узниц АЛЖИРа.

Истории и воспоминания узниц АЛЖИРа и их детей

Одна из главных причин появления термина «память» в приложении к истории стало повышенное, и во многом оправданное внимание к воспоминаниям участников и, главным образом, жертв трагедий XX века. Об этом свидетельствуют воспоминания очевидцев и потомков массовых политических репрессий, которые обобщили авторы данной статьи. Некоторые из них опубликованы исследователями в формате «устных историй» – интервью. Это дает представление о реальных событиях тоталитарного режима и лагерной психологии узниц. И хотя данные воспоминания овеяны больше эмоциональностью, для исследования исторической правды они представляют бесценный материал.

«Тяготы лагерной жизни немного скрашивало присутствие наших детей. Но матери с ужасом ожидали, что придет время разлуки с ребятишками. Настал и для меня такой страшный день. Женю забрали в Осакаровский детский дом. Через неделю узнала, что он сильно заболел. Оказывается, он пытался бежать ко мне из детдома, но его поймали и посадили в карцер – в холодный подвал. Там Женя обморозил ноги» – вспоминает трагические годы своей жизни осужденная Калерия Мальцева [18].

Супруга белорусского поэта, приговоренного к расстрелу, Т. Кляшторного была направлена в АЛЖИР вместе с новорожденной дочкой Майей. Многие десятилетия спустя, Майя вспоминает: «Нас стали грузить в грузовики, мы кричали. Грузовик тронулся, и мамы бегут. А мы криком кричим. И тогда остановили машину, видимо, распоряжение директора было, и мамы оказались с нами в грузовике. Каждая своему ребенку что-то должна была сказать, что-то ему подарить, и вот они нам дарили сшитые игрушки. Мама мне подарила зайчика и морячка маленького, сказала: «Он тебя будет защищать». Я была очень счастлива, что у меня такие игрушки».

В детском доме Майя спала рядом с Ритой Рыскуловой. Старшую сестру Риты, четырехлетнюю Сауле, отправили в детский дом на Украину, потом в Челябинск. «Стоит ли говорить о детдомовских голодных годах, о том, как я умирала от малярии и воспаления легких, о своем экзематозном тельце, о дикой завшивленности с вечно лысой, стриженной под машинку головой. Со своей мамой и сестрой я встретилась в 1948 году. Можно ли

вообще возместить или воскресить утраченное детство, прошедшее без материнской ласки и заботы?» – поделилась о жизни в интернате Сауле [19].

Условия в детдомах были ужасными: дети умирали от голода и от холода. «В детдоме все делалось по команде: ставили на стол раскаленный борщ, к которому дети не могли притронуться, через несколько минут убирали и ставили такую же раскаленную кашу, к которой дети тоже не успевали притронуться, как звучала команда, и ее убирали. Оставалась только пайка хлеба, ее нужно было успеть съесть, потому что при выходе проверяли и отбирали всё, что оставалось у детей» – вспоминает трагедию своей жизни Искра Шубрикова, отец которой был партийным деятелем в Новосибирске.

Пианистка Ольга Гальперина попала в АЛЖИР будучи беременной. Ее сын, Георгий Каретников, стал первым ребенком, родившимся в этом лагере. В детском бараке он провел первые семь лет жизни. 9 февраля 1946 года Ольга Гальперина отбыла 8-летнее заключение и смогла забрать сына.

Лагерных детских воспоминаний у Георгия сохранилось немного. «Наш мир был ограничен рвом и колючей проволокой за ним. Каждый день в детском бараке начинался одинаково: в 6 часов утра малышей поднимали из постелей, чтобы они выслушали гимн Советского Союза, звучавший по радио. Я возненавидел этот гимн, потому что все время, пока он звучал, нужно было стоять... После гимна нас кормили. Чем именно, не помню – какими-то кашами, манной на воде, еще чем-то. Помню только, что вся пища была несладкой. Чувства голода не было, но сладкого хотелось постоянно. Бывало, что Сима Моисеевна приносила нам гостинцы из лагеря – «от старших», как она говорила. И вот эти гостинцы были очень сладкими. Собирали их всем миром, чтобы порадовать нас, детей. Солидарность женщин-заключенных – это очень мощная вещь, она помогала перенести то, что перенести невозможно» [20].

Несмотря на все трудности лагерной жизни, узницы АЛЖИРа после освобождения не озлобились, они старались найти в себе физические и душевные силы жить дальше: работать, воспитывать детей и внуков, любить семью, заниматься любимым делом. Примером тому являются их достойные дети такие, как Булат Окуджава или Майя Плисецкая.

Майя Плисецкая в 12 лет избежала детского дома, потому что ее забрала к себе на воспитание тетя – балерина Большого театра Суламифь

Мессерер. Младшего брата Майи, Азария, восьмимесячным ребенком отправили в АЛЖИР – вместе с мамой, киноактрисой Рахиль Мессерер. В фильме Дарьи Виолиной и Сергея Павловского «Дольше жизни» Азарий Плисецкий рассказывает: «Трудно поверить, что это я там был… Пришел момент, когда тетка, Суламифь Михайловна Мессерер, добилась разрешения перевести нас на вольное поселение. И она рассказывает, как приехала за нами. И как распахнулись ворота. И я побежал. Хотя я никогда не видел тетю, но она вот так раскинула руки, и я побежал к ней. И вдруг раздался рев. Рев этих сотен или тысяч женщин, которые наблюдали за этой картиной бегущего мальчика… Потому что у каждой или был ребенок, или был отнят. Во всяком случае, я представляю, что они могли чувствовать. И она мне рассказывала, тетя: «Я взяла тебя на руки, и ты весь шуршал. Я отнесла тебя куда-то и поняла: твоя курточка была забита письмами» [21].

Большинство узниц вплоть до разоблачения культа личности Сталина старались не вспоминать о жизни в АЛЖИРе. Но все же часть воспоминаний они смогли передать через потомков, которые приезжают в музейно-мемориальный комплекс, чтоб в очередной раз почтить память о каждой невинно осужденной женщине, волею судьбы оказавшейся в стенах лагеря.

Выводы

Последствия советского террора, политических репрессий в отношении детей – это большая исследовательская проблема, которая нуждается в качественном детальном анализе.

АЛЖИР был одним из крупнейших, если не самый крупный советский женский лагерь. И чтобы сохранить память о женщинах и детях, испытавших на себе действие сталинских репрессий в 1989 г. в Малиновке был создан комплекс «Мемориал» – расколотая красная звезда, опоясанная колючей проволокой, которая по замыслу архитектора И.Н. Юрашевича символизирует разорванную человеческую душу.

«В осмыслении истории мы должны быть мудрыми, и не допускать политизации этой темы. Причиной голода, депортаций и массовой гибели людей стала жестокая политика советского режима. Главный виновник репрессий – это бесчеловечная тоталитарная система. В то же время, мы должны помнить и о другой стороне нашей общей истории. Несмотря на

все трудности, благодаря гостеприимству казахского народа все депортированные обрели в Казахстане новую жизнь» – сказал первый президент Казахстана Н. Назарбаев, выступая в День памяти жертв политических репрессий.

Устные истории потомков сформировали свой дискурс, воспоминания которых все чаще вводятся в научный оборот, формируют свою особую историографию. Изучая воспоминания узниц, мы видим силу человеческого духа и веры до последнего вздоха.

Виолина Дарья, внучка Лидии Френкель, узницы «АЛЖИРа»: «Волею судьбы в XX веке Казахстан принял миллионы людей в горе и отчаянии, тысячам и тысячам безвинных жертв тоталитаризма эта страна и её народ протянул руку, спас жизни, наконец, позволил обрести свободу. В XXI веке сотни людей приезжают сюда добровольно, чтобы внести свой профессиональный, научный, творческий вклад в общее благородное и столь важное дело – увековечивание истинной исторической памяти. И нет для нас сегодня границ национальных, политических, религиозных, социальных. Как некогда все мы были скованы одной цепью, так сегодня мы неразрывно связаны одной целью – никогда более не повторить трагического опыта прошлого, а для этого мы должны знать о нем всё, говорить о нём только правду и помнить» [22].

Благодаря большой работе потомков репрессированных стала возможна реабилитация. Исследование периода советского террора сегодня является свидетельством того, что государство твердо настроено всесторонне проанализировать и изучить ранее закрытые архивы, реабилитировать те категории жертв, которые остались до сегодняшних дней без должного внимания. Есть необходимость в целом осмыслить масштабы трагедии. С целью завершения работы по восстановлению исторической памяти 24 ноября 2020 г. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев подписал Указ «О создании Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» [23], перед которой стоит задача по полной реабилитации всех категорий жертв политических репрессий. Силами Госкомиссии работы ведутся в более 60 архивах по всему Казахстану, сотрудничество с историками и архивистами разных стран способствует наполнению новыми фактами, в том числе и по детским репрессиям. По итогам работы уже рассекречено более 2 млн. 400

тыс. документов по репрессиям, реабилитированы более 311 тыс. жертв. В 2022 г. под общей редакцией Государственного советника – Председателя Госкомиссии Е.Т. Карина издан 31 сборник в серии «Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. 20–50 годы XX века» [24], где собраны новые архивные документы о политических репрессиях казахстанцев.

Отличительной чертой политики сохранения общей исторической памяти Казахстана является факт создания на месте лагерей ГУЛАГа музейно-мемориальных комплексов и домов-музеев. И таких учреждений скорби и памяти открыто – 15, все они финансируются из государственного бюджета. Посредством научно-исследовательской и поисковой работы, открытия архивов специальных органов, создания общественных сайтов и баз данных о репрессированных, взаимодействия с архивистами и историками разных государств, в науке сформирован соответствующий тезаурус, раскрывающий основные понятия тоталитарного режима, усиливается научная активность, тем самым в научный оборот вводятся новые исследования, формируется отечественная историография.

Заключение

Резюмируя изложенное в данное статье, можно отметить, что в Казахстане в рамках политики исторической памяти проводится большое количество историко-просветительских и духовно-нравственных мероприятий, направленных на увековечение памяти жертв репрессий, воспитание молодого поколения в духе патриотизма, солидарности и справедливости. Для построения демократического государства необходимо во главу угла ставить ценность гражданских прав и свобод человека, что является по сути возможным только в преодолении тяжелых страниц совместной истории. История помнит о «26 точке» Карлага – это место и поныне является немым свидетелем масштабной человеческой трагедии XX века.

В череде таких важных мер политики государства по сохранению исторической памяти, встает вопрос изучения репрессий в отношении детей, подростков, судьбы которых до конца не изучены, не выявлена их роль в пострепрессивный период, и вклад в процессы своей реабилитации и их родителей, с некоторых так и не снятых клейма «враг народа».

Авторы продолжают обобщать международный опыт нормативного правового регулирования государственных мер странами постсоветского пространства по детской реабилитации, предоставления социальной поддержки, гарантий и социализации бывших узников лагерей ГУЛАГА, а также научных материалов по данной чувствительной теме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М.: МОНФ, 1997. 227 с.
2. Ермаков В.Д., Крюкова Н.Н. Несовершеннолетние преступники в России. М.: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1999. 256 с.
3. Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа (1918–1955). М.: Изд.-во Моск. унив-та, 1996. 152 с.
4. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 118–127.
5. Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6–7. С. 69–70.
6. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1945 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.
7. Попов В. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–32.
8. Дугин А. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. №7. С. 90–101.
9. Гинцберг Л.И. Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условиях их существования в Северных краях // Отечественная история. 1998. № 2. С. 190–196.
10. Нахапетов Б.А. К истории санитарной службы ГУЛАГа // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 126–136.
11. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. Сб. документов / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Международный Фонд «Демократия», 2002. 631 с.
12. Смаилова Ш. Знаменитые имена «АЛЖИРа» // Мысль. 2014. № 1. С. 85–92.
13. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: история и судьбы. Караганда, 2008. 82 с.
14. Дулатбеков Н. «Мамочкино кладбище»: колыбельная над степью // Газета «30 октября». 2017. №139. С. 9. [эл. доступ]. URL: https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/30%20Oktabrja/139_light_30oct.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
15. Гульбаршин С. Террора страшные страницы… 28.05.2021 // Акмолинская правда. № 58. [эл. доступ]. URL: https://apgazeta.kz/2021/05/28/terrora-strashnye-straniczy/ (дата обращения: 27.06.2023).
16. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
17. Список детей исправительно-трудового лагеря КАРлаг НКВД-МВД СССР (Караганда, п/я 246). 21.02.2016 // Бессмертный барак: [сайт]. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/spisok_detey_karlag/ (дата обращения: 27.06.2023).
18. Смагулова Г. Не утихающая боль // Целиноградская правда. 26 апреля 1989 г.
19. Рыскулова С.Т. Азиза – жена Турара Рыскулова // Страницы трагических судеб: Сб. воспоминаний жертв полит. репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. / сост.: Е. М. Грибанова, Е. С. Зулкашева, А. Н. Ипмагамбетова [и др.]. Алматы: Жеті жаргы, 2002. С. 222–227.

20. Я родился в ГУЛАГе. Сын «врага народа» – о ненависти к советскому гимну, предательстве отца и своей реабилитации. 11.01.2023 // Сибирь. Реалии: [сайт]. URL: https://www.currenttime.tv/a/ya-rodilsya-v-gulage-syn-vraga-naroda-o-nenavisti-k-sovetskomu-gimnu/32217109.html (дата обращения: 23.06.2023).
21. Баймухаметов С. «Ты не верь, дитя, в измену твоего отца…». 05.04.2023. // Московская правда: [сайт]. URL: https://mospravda.ru/2023/04/05/680504/ (дата обращения: 25.06.2023).
22. Виолина Д. Память длится дольше жизни… // Сборник материалов международной online-конференции «Казахстан: политика исторической памяти». Павлодар, 2020. С. 22–24.
23. О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/u2000000456 (дата обращения: 21.06.2023).
24. Материалы Государственной комиссии по полным жертвам репрессий 20–50 лет XX века. Т. 1 // Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова; под общ. ред. Е.Т. Карина; ред. кол.: А.К. Аймагамбетов, Б. Әбдіғалиұлы, Е.А. Әбіл и др. Нур-Султан: Дәуір, 2022. 622 с.

REFERENCES

1. Ivanova G.M. GULAG v sisteme totalitarnogo gosudarstva [GULAG in the Totalitarian State System]. M.: MONF, 1997. 227 p. (In Russ.).
2. Yermakov V.D., Kryukova N.N. Nesovershennoletniye prestupniki v Rossii. [Juvenile Delinquents in Russia.] M.: *Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki im. A.S. Griboyedova*, 1999. 256 p. (In Russ.).
3. Gorcheva A.Yu. Pressa GULAGa (1918–1955) [Gulag Press (1918–1955)]. M.: Izd.-vo Mosk. univ-ta, 1996.152 p. (In Russ.).
4. Zemskov V.N. K voprosu o masshtabakh repressiy v SSSR [On the Issue of the Scale of Repression in the USSR]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1995. № 9. P. 118–127. (In Russ.).
5. Zemskov V.N. GULAG, gde kovalas pobeda. [GULAG, where Victory was Forged] *Rodina.* 1991. № 6–7. P. 69–70. (In Russ.).
6. Zemskov V.N. Sudba «kulatskoy ssylki» (1930–1945 gg.) [Fate of the "Kulac Exile" (1930–1945)]. *Otechestvennaya istoriya*. 1994. № 1. P. 118–147 (In Russ.).
7. Popov V. Gosudarstvennyy terror v Sovetskoy Rossii. 1923–1953 gg. (istochniki i ikh interpretatsiya) [State Terror in Soviet Russia. 1923–1953. (Sources and Their Interpretation)]. *Otechestvennyye arkhivy*. 1992. № 2. P. 20–32. (In Russ.).
8. Dugin A. Govoryat arkhivy: neizvestnyye stranitsy GULAGa [Archives Say: Unknown Pages of GULAG]. *Sotsialno-politicheskiye nauki*. 1990. № 7. P. 90–101. (In Russ.).
9. Gintsberg L.I. Massovyye deportatsii krestyan v 1930–1931 godakh i usloviyakh ikh sushchestvovaniya v Severnykh krayakh [Mass Deportations of Peasants in 1930–1931 and Conditions of Their Existence in the Northern Regions]. *Otechestvennaya istoriya*. 1998. № 2. P. 190–196. (In Russ.).
10. Nakhapetov B.A. K istorii sanitarnoy sluzhby GULAGa. [To the History of the sanItary Service of the GULAG]. *Voprosy istorii.* 2001. № 6. P. 126–136. (In Russ.).
11. *Deti GULAGa. 1918–1956.* Sb. Dokumentov [Children of the GULAG. 1918–1956. Collection of Documents]. Pod red. akad. A.N. Yakovleva. M.: *Mezhdunarodnyy Fond* «*Demokratiya*», 2002. 631 p. (In Russ.).

12. Smailova Sh. Znamenityye imena «ALZhIRa» [The Famous Names "ALZhIR"]. *Mysl*. 2014. № 1. P. 85–92. (In Russ.).
13. Akmolinskiy lager zhen «izmennikov Rodiny»: istoriya i sudby [Akmola's Camp of Wives of "Traitors of the Motherland": History and Destiny]. Karaganda, 2008. 82 p. (In Russ.).
14. Dulatbekov N. «Mamochkino kladbishche»: kolybelnaya nad stepyu ["Mom's Cemetery": a Lullaby over the Steppe]. Gazeta "30 oktyabrya". 2017. № 139. P. 9. Available at https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/30%20Oktabrja/139_light_30oct.pdf **(**accessed: 28.06.2023). (In Russ.).
15. Gulbarshin S. Terrora strashnyye stranitsy… [Terror's Dark Pages…]. 28.05.2021. *Akmolinskaya pravda.* № 58. Available at https://apgazeta.kz/2021/05/28/terrora-strashnye-straniczy/ (accessed: 27.06.2023). (In Russ.).
16. Reabilitatsiya. Politicheskiye protsessy 30–50-h godov. [Rehabilitation. Political Processes of the 30–50]. M.: Politizdat, 1991. 461 p. (In Russ.).
17. Spisok detey ispravitelno-trudovogo lagerya KARlag NKVD-MVD SSSR (Karaganda, p/ya 246) [List of Children of the Forced Labor Camp KARlag NKVD-MVD USSR (Karaganda, Post Office Box 246)]. 21.02.2016. *Bessmertnyy barak.* Available at https://bessmertnybarak.ru/article/spisok_detey_karlag/ **(**accessed: 27.06.2023). (In Russ.).
18. Smagulova G. Ne utikhayushchaya bol [Unrelenting Pain]. *Tselinogradskaya Pravda,* 26 aprelya 1989. (In Russ.).
19. Ryskulova S. T. Aziza – zhena Turara Ryskulova [Aziza – Wife of Turar Ryskulov]. *Stranitsy tragicheskikh sudeb: Sb. vospominaniy zhertv polit. repressiy v SSSR v 1920–1950-ye gg*. Sost.: Ye. M. Gribanova, Ye. S. Zulkasheva, A. N. Ipmagambe. Almaty: Zheti zhargy, 2002. P. 222–227. (In Russ.).
20. Ya rodilsya v GULAGe. Syn «vraga naroda» – o nenavisti k sovetskomu gimnu, predatelstve ottsa i svoyey reabilitatsii [I was Born in the Gulag. The Son of an "Enemy of the People" – About Hatred of the Soviet Anthem, Betrayal of His Father and His Rehabilitation]. 11.01.2023. *Sibir. Realii*. Available at https://www.currenttime.tv/a/ya-rodilsya-v-gulage-syn-vraga-naroda-o-nenavisti-k-sovetskomu-gimnu/32217109.html (accessed: 23.06.2023). (In Russ.).
21. Baymukhametov S. «Ty ne ver, ditya, v izmenu tvoyego ottsa…» ["Don't Believe, Child, in Your Father's Betrayal..."]. 05.04.2023. *Moskovskaya pravda*. Available at https://mospravda.ru/2023/04/05/680504/ (accessed: 25.06.2023). (In Russ.).
22. Violina D. Pamyat dlitsya dolshe zhizni… [Memory Lasts Longer than Life...]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy online-konferentsii «Kazakhstan*: *politika istoricheskoy pamyati».* Pavlodar, 2020. P. 22–24. (In Russ.).
23. O Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskih repressij. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 24 nojabrja 2020 goda № 456 [About the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repression. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan Dated November 24, 2020 № 456]. *Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan*. Available at https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456 (accessed: 21.06.2023). (In Russ.).
24. Materialy Gosudarstvennoy komissii po polnym zhertvam repressiy 20–50 let XX veka [Materials of the State Commission on Full Victims of Repression 20–50 Years of the 20th Century]. T. 1. *Institut istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova*; pod obshch. red. Ye.T. Karina; red. kol.: A.K. Aymagambetov, B. Әbdiғaliұly, Ye.A. Әbil i dr. Nur-Sultan: Dәuir, 2022. 622 p. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Арсланова Юлия Рафаиловна– магистрант по направлению «Этнополитология». Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
E-mail: arslanova@qkelisim.kz
Калашникова Наталья Павловна – заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана, доктор политических наук, профессор. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Arslanova Yuliya R. – master's degree in the direction of «Ethnopolitology». L.N. Gumilyov Eurasian National University.
E-mail: arslanova@qkelisim.kz
Kalashnikova Natalia P. – head of the Department of the Assembly of people of Kazakhstan, Doctor of Political Sciences, Professor. L.N. Gumilyov Eurasian National University.
E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383
The authors declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023. Одобрена после рецензирования 20.08.2023. Принята 23.08.2023.
Received 27.07.2023. Approved after reviewing 20.08.2023. Accepted 23.08.2023.

Научная статья
УДК: 821.511.111
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.8

Отражение финской национальной идентичности в творчестве Й. Л. Рунеберга

Корчагин Василий Леонидович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ korchagin198014@mail.ru

Колесников Дмитрий Евгеньевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
opettaja555@gmail.com

Аннотация. *Национальная идентичность, как самостоятельная концепция, представляет совокупность социокультурных символических значений, относящихся к определенной нации. Актуальность исследования обусловлена историческим значением периода формирования финской национальной идентичности, который в значительной степени повлиял на образование финской нации и привел к появлению государства Финляндия. Необходимость изучения финской национальной идентичности обусловлена высокой степенью значимости данного феномена для всего финского народа. Национальный вопрос занимает важное место в развитии и функционировании государства. В период «национального пробуждения» финского народа (1810–1840-е гг.) основное внимание уделялось именно поиску и формированию национальной идентичности как базису для появления осознающей себя нации. В данной работе проанализировано отражение финской национальной идентичности в художественных произведениях выдающегося поэта Финляндии, одного из ключевых деятелей фенноманского движения – Й.Л. Рунеберга. Творчество поэта представляет собой яркий образец внимательного и бережного отношения к особенностям национального характера и психологии в целях их распространения и закрепления в массовом сознании финнов. Одновременно с этим поэт своим творчеством способствовал формированию финской национальной идентичности и созданию культурных архетипов, на которых она будет базироваться впоследствии. В результате исследования было выявлено каким образом в работах Й.Л. Рунеберга отражались отдельные аспекты финской национальной идентичности; проанализированы особенности национального характера героев произведений писателя, ставших впоследствии культурными архетипами для Финляндии; определена степень важности творчества поэта в общем процессе формирования идентичности финского народа; выявлена специфика финской национальной литературы в первой половине XIX в.*

***Ключевые слова*:** Финляндия; национальная идентичность; литература Финляндии; Рунеберг; национальный романтизм

***Для цитирования*:** Корчагин В.Л., Колесников Д.Е. Отражение финской национальной идентичности в творчестве Й.Л. Рунеберга // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 115–130. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.8

© Корчагин В.Л., Колесников Д.Е., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 821.511.111
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.8

Reflection of Finnish National Identity in the Works of J. L. Runeberg

Vasiliy L. Korchagin ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ korchagin198014@mail.ru

Dmitriy E. Kolesnikov
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
opettaja555@gmail.com

Abstract. *As an independent concept, national identity represents a set of sociocultural symbolic meanings related to a particular nation. The relevance of the study is determined by the historical significance of the period of formation of the Finnish national identity, which largely influenced the formation of the Finnish nation and led to the emergence of the state of Finland. The need to study the Finnish national identity is conditioned by the high degree of significance of this phenomenon for the entire Finnish people. The national question has an important place in the development and functioning of the state. During the so-called period of "national awakening" of the Finnish people (1810–1840s), the main attention was paid to the search and formation of national identity as the basis for the emergence of a self-aware nation. The article has analyzed the reflection of the Finnish national identity in the works of art of the outstanding poet of Finland, one of the key figures of the Fennomaniac movement – J. L. Runeberg. The work of this poet is a vivid example of attentive and careful attitude to the peculiarities of national character and psychology in order to spread and consolidate them in the mass consciousness of Finns. At the same time, the poet, through his work, contributed to the formation of the Finnish national identity and the creation of cultural archetypes on which it will be based later. As a result of the research, it was revealed exactly how certain aspects of Finnish national identity were reflected in the works of J. L. Runeberg; the peculiarities of the national character of the heroes of the writer's works, which later became cultural archetypes for Finland, were analyzed; the degree of importance of the poet's cultural activity in the overall process of forming the identity of the Finnish people was determined; the specifics of Finnish national literature in the first half of the XIX century were revealed.*

***Keywords*:** Finland; national identity; Finnish literature; Runeberg; national romantism

***For citation*:** Korchagin, V.L., Kolesnikov, D.E. Reflection of Finnish National Identity in the Works of J. L. Runeberg. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 115–130. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.8

© Korchagin, V.L., Kolesnikov, D.E., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Проблематика национальной идентичности исторически занимает важнейшее место в жизни финского общества. Именно на основе национальной идентичности были сформированы финский этнос и государство. В условиях современных глобализационных процессов вопросы национальной идентичности, культуры и прошлого обретают дополнительную актуальность. Изучение того, как формировалась и отражалась в культуре финская национальная идентичность, позволяет определить степень важности данного феномена на различных этапах развития страны и общества, а также значительно глубже понять специфику формирования финской нации.

Актуальность исследования обусловлена историческим значением периода формирования финской национальной идентичности, который в значительной степени повлиял на образование финской нации и привел к появлению государства Финляндия. Необходимость изучения финской национальной идентичности обусловлена высокой степенью значимости данного феномена для всего финского народа. Национальный вопрос занимает важное место в развитии и функционировании финляндского государства. Процесс формирования финской нации и её идентичности начался в XIX в. и вылился в так называемый период «национального пробуждения» финского народа (1810–1840-е гг.), когда основное внимание уделялось именно поиску и формированию национальной идентичности как базиса для появления осознающей себя нации. Одним из важнейших этапов этого процесса было создание национальной литературы, в которой впоследствии находили отражение иные аспекты национальной идентичности. Изучение данных аспектов через призму национальной литературы предоставляет возможность исследовать, как себе представляли финский народ ключевые деятели культуры Финляндии той эпохи. Созданные финляндскими писателями XIX в. художественные образы продолжают сохранять свои влияние и значимость для финского общества до сих пор, так как несут в себе общенациональные ценности и являются символами исторического наследия.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей отражения финской национальной идентичности в творчестве Йохана Людвига Рунеберга (1804–1877).

В работе были использованы методы описания, объяснения и индукции. Метод описания предполагает изложение сюжетов и художественных особенностей литературных произведений Й.Л. Рунеберга с целью выявления того, как в них отражаются те, или иные аспекты национальной идентичности. Метод объяснения предполагает раскрытие и описание того, каким образом финская национальная идентичность проявлялась в творчестве Рунеберга. Метод индукции предполагает восхождение от единичных фактов к общим тенденциям, в данном случае – восхождение от определенных сюжетных ходов или стандартных персонажей в отдельно взятых художественных произведениях к общим тенденциям отражения финской национальной идентичности в литературе Финляндии.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Человеческое самоопределение состоит из личной и социальной идентичностей. Личная идентичность содержит описательные характеристики, которые свойственны конкретному индивиду. Социальная же придаёт индивиду те характеристики, которые происходят из его принадлежности к определенной социальной категории [1, s. 7]. Разновидностью ~~именно~~ социальной идентичности является национальная. В социальной психологии национальную идентичность относят к уровню коллективной идентичности, где она представляет собой систему социокультурных «символических значений», относящихся к определенной нации [2, s. 8]. С национальной идентичностью, как правило, связаны такие понятия, как национальные характер и менталитет. Национальный характер представляет собой составную часть ментальности народа и включает в себя общие психофизиологические черты жизнедеятельности, которые определяются системой ценностей, присущей нации [3, с. 46]. Между национальным менталитетом и характером существует тесная связь, и их взаимодействие играет важную роль в формировании национальной психологии: менталитет является фактором формирования культурного содержания психологии, в то время

как характер влияет на то, в какой форме менталитет проявляется в поведении представителей этноса [4, с. 16].

В зависимости от литературного направления, исторического контекста и целей самого автора национальная идентичность (а также те, или иные её составляющие) может находить различного вида и степени отражение в национальной литературе. Иными словами, в модернистских течениях национальная идентичность будет отражена слабее, чем в реализме, характерной чертой которого является воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах. Рассматривая исторический контекст, необходимо учитывать факт того, что национальная литература выполняет, в том числе, идеологические функции [5, с. 91]. Следовательно, можно сделать вывод, что в случае необходимости развития или создания идентичности нового этноса (в этом случае писатели могут, как с нуля, так и на основе уже существующих образов, создавать «иконы нации», и уже затем нация сама узнает себя в них) [2, s. 139–140]. Либо, напротив, в целях унификации народонаселения, роль национальной идентичности в литературе на определенных этапах может возрастать, либо убывать. Схожее действие оказывают и личные взгляды, а также мировоззрение самого автора. Позиция писателя по политическим, религиозным, социальным вопросам накладывает значительный отпечаток на содержание его творчества, что, с одной стороны, несколько снижает степень объективности и достоверности художественного воплощения национальной идентичности, но с другой, предоставляет уникальную интерпретацию этого феномена [6, с. 45–46]. Вариативность литературных сюжетов также предполагает различную степень присутствия в них тех или иных атрибутов, составных частей национальной идентичности.

Однако, если в иных ситуациях рассуждения о практическом отражении национальной идентичности в литературе могут подвергаться сомнению, то ситуация в финской национальной литературе первой половины XIX в. имеет свою специфику. Уникальность ситуации состоит в том, что финская национальная идентичность в значительной степени формировалась через собственное отражение в национальной литературе, в то же время являясь фундаментом для становления самой литературы. По сути, речь идёт о замкнутой, закольцованной системе, в которой субъекты

взаимосвязаны и являются одними из основных факторов одновременного создания и развития друг друга. Предпосылкой к появлению такой системы являлось то, что до XIX в. финской национальной идентичности и литературы как феноменов не существовало; их формирование началось одновременно и осуществлялось во многом одними и теми же деятелями.

Глобальные процессы в мировой литературе обеспечили зарождающейся письменной художественной литературе Финляндии прохождение этапа созревания в духе романтизма – господствовавшего направления на тот момент в Европе. Согласно принципам романтизма, каждый народ обладает характерными свойствами (в том числе, очевидно, и чертами характера), которые отражены в его истории, народной поэзии и языке [7, с. 187]. Применительно к Финляндии первой половины XIX в. это можно считать удачным стечением обстоятельств в контексте необходимости формирования привлекательного образа национальной идентичности. Основа для данного процесса была заложена представителями так называемого туркуского романтизма, которые считали необходимым изучать и отражать в своих произведениях отдельные исторические события и народную поэзию Финляндии, но при этом уделяли недостаточное внимание непосредственно жизни и характеру финского народа, выступавшего лишь в качестве объекта их «будительских действий» [8, с. 140]. Последовавший за туркуским, период хельсинкского (или национального) романтизма стал ключевым в создании финской национальной идентичности.

Как концепция, национальный романтизм предполагает идеализацию национального прошлого и культуры [4, с. 32]. Финляндские представители этого направления, основываясь на личном опыте и представлениях, в своем творчестве формировали как образ целой нации, так и отдельных ее представителей, в свою очередь выступавших в качестве олицетворения собственного народа. Персонажами произведений зачастую являлись мужественные, терпеливые, скромные и трудолюбивые люди, как правило крестьяне [9, с. 9]. Эпоха национального романтизма в финской литературе в значительной степени повлияла на формирование образа «идеального финна», некой ролевой модели поведения, характера и ценностей жителя Финляндии.

Из всех представителей хельсинкского романтизма, в числе которых находятся такие значимые литературные деятели, как Э. Лённрот, С. Топелиус и М. Кастрен, наиболее полно к раскрытию финской национальной идентичности и её специфики в своем творчестве подошел Й. Л. Рунеберг. Через создание идеализированного образа финского народа и отдельных его представителей писатель одновременно отражал и формировал национальную идентичность [10, с. 71–72]. В первую очередь поэт уделял внимание психологическим характеристикам и образу поведения, иными словами – делал основной упор на раскрытие положительных черт финского национального характера [9, с. 8], который в свою очередь, как говорилось выше, является составной частью национальной идентичности.

Подробный анализ таких феноменов, как финская национальная идентичность и характер, с определением их типичных черт, требует отдельного масштабного исследования. В данной работе необходимо исследовать то, как интерпретировал финскую национальную идентичность и её специфику сам Рунеберг.

Значительная часть произведений поэта была посвящена жизни и быту финского крестьянства, которые автор был склонен идеализировать [8, с. 186]. Традиционным для многих творцов способом выразить своё представление о некой социальной группе является не общая её характеристика, а создание конкретного художественного образа человека, наделенного чертами, свойственными, по мнению автора, этой группе [5, с. 92]. Данный художественный прием зачастую использовал и Рунеберг. Так, одно из наиболее известных его стихотворений «Saarijärven Paavo» рассказывает о крестьянине Пааво, который борется с суровой финской природой, заморозками, голодом и неурожаем. Поэт акцентирует внимание на том, что все трудности и неприятности Пааво принимает спокойно и с достоинством. Образ Пааво несет в себе ярко выраженные положительные черты характера – он крайне трудолюбив, работает терпеливо и с упорством. При этом сложности жизни не влияют на его моральный облик – Пааво на протяжении всего повествования остается благочестивым и набожным человеком. Каждый раз после очередной потери урожая он, в ответ на причитания жены о том, что Господь их покинул, повторяет «Нет,

Господь только испытывает, но не оставляет <…> я надеюсь на рост от Бога» [11, s. 92]. Более того, Рунеберг наделяет Пааво еще одной добродетелью – заботой о ближнем, а именно о соседе, урожай которого погиб. Герой отдает излишки собственного, с трудом добытого урожая. Таким образом, писатель в данном произведении сумел создать практически идеальный образ финского крестьянина [12, с. 28] и одновременно человека с цельным набором самых значимых и положительных черт финского национального характера. Также сам автор отмечал, что Пааво, олицетворяющий финский народ, был «сформирован великой природой» [2, s. 137]. Здесь можно увидеть одну из типичных особенностей формирования финской национальной идентичности – тесную связь, практически единение представителей народа с природой. Для Финляндии в принципе характерна практика изучения национальной идентичности через призму природы и национальной географии – еще в XVIII в. были попытки сформулировать основу финской «национально-географической идентичности» [13, с. 30]. Рунеберг часто проводил параллели между «величественными и благородными» финскими пейзажами и чертами характера местных жителей, очевидно видя между ними прямую связь [1, s. 15]. Пааво стал национальным идеалом и олицетворением таких характерных черт финского крестьянства, как трудолюбие, скромность, упорство и терпеливость [9, с. 10]. Более того, крестьянин Пааво обрел статус культурного архетипа для финского народа [7, с. 189].

Следующим значимым произведением Рунеберга является эпическая поэма «Охотники на лосей» («Hirvenhiihtäjät», 1832), в которой поэт вновь обращается к описанию жизни финского крестьянства. Поэт определяет те черты характера, которые ему удалось обнаружить в финнах и он постарался передать их в поэме, следующим образом: «Патриархальная простота, глубоко мужественное терпение, врожденный ясный взгляд на глубинные жизненные отношения» [14, с. 209]. Кроме того, персонажи поэмы неторопливы, сдержаны в чувствах [15, с. 318], строят уклад жизни на уважении к предкам и самим себе. Данная поэма может рассматриваться как один из первых достоверных и наиболее значимых источников о жизни, быте и проявлениях национального характера

простых финнов, сохранявших на тот момент первозданную, ещё не подвергнутую внешнему воздействию, самобытность [2, s. 136]. Также, по мнению исследователей, произведение повлияло на деятельность других писателей, мотивируя их обращаться к теме описания жизни простого народа и созданию национально-самобытных характеров [8, с. 192].

Однако в своем творчестве Рунеберг не ограничивался исключительно тематикой крестьянской жизни. Так, цикл патриотических баллад «Сказания прапорщика Столя», повествующих о событиях русско-шведской войны 1808-1809 гг., содержит идеализированные образы героев, доблестно сражающихся за свободу своей родины. Изначальной задачей произведения было формирование культовой фигуры национального героя, национального символа, с которым не только легко, но и почетно себя идентифицировать [16, s. 202]. Основной мотив произведения, и одновременно главная черта его персонажей – патриотическая любовь к своей стране. В лице главного героя произведения – финского солдата Свена Дуфвы – заключен собирательный образ храбрых, патриотичных воинов, причем именно простых солдат, главной целью которых является защита своей любимой Родины, ради чего они готовы пожертвовать всем [7, с. 189]. Через этот образ Рунеберг демонстрирует наиболее устойчивые черты всего финского народа – храбрость, верность и отвагу [17, s. 181].

Имеет смысл более подробно проанализировать этот образ, чтобы понять, как видел его создатель идеал финского солдата. Крестьянин по происхождению, Свен, разумеется, был крайне трудолюбив: «Трудился, как раб, в поле или в лесу с неослабевающим энтузиазмом» [18, s. 235]. Однако, у него ничего не получалось делать правильно, поэтому он решил пойти в солдаты, объясняя: «возможно, мне будет легче умереть за землю и короля» [18, s. 236]. Из дальнейшего повествования можно узнать, что отряд Свена получил приказ разрушить или оборонять мост от русских солдат. Однако, при появлении противника большинство финских солдат отступило – все, кроме Свена Дуфвы. Он в одиночку взошел на мост и вступил в сражение с превосходящим его по численности врагом. Рунеберг описывает своего героя в данной схватке как «медведя, которого вручную не побороть» [18, s. 238]. Наконец, финский командир, видя это, восклицает: «Вот как сражается финн!». Финский отряд, вдохновившись

подвигом Свена, приходит на помощь и побеждает противника, но уже слишком поздно: Свен погиб в бою, «его грудь была пронзена, и через рану его жизнь теперь унеслась» [18, s. 239]. Герой без малейших колебаний пожертвовал собственной жизнью ради своей родины.

По степени влияния, оказанного на формирование финской национальной идентичности, Свена Дуфву можно считать практически равноценным Пааво из Саариярви. Таким образом, Рунеберг в своих произведениях сумел создать персонажей, которые, будучи идеализированными, обладали типичными характерными чертами, и впоследствии стали безусловными культурными архетипами для финского народа [7, с. 189]. «Сказания прапорщика Столя» выступили важным фактором для объединения финского народа, поскольку показали его общую историю, героику и образ единой родины [9, с. 12]. Это было особенно важно в контексте продолжающегося формирования финской национальной идентичности и роста финского национального самосознания.

Стоит также уделить отдельное внимание вступительному стихотворению «Сказаний прапорщика Столя», а именно «Maamme» («Наша земля»), ставшему впоследствии национальным гимном Финляндии. В нём Рунеберг, и ранее уделявший значение природе, считая её важнейшим элементом в структуре национальной идентичности финского народа, фактически возводит «северный пейзаж с его этическими и эстетическими ценностями» [2, s. 138] в статус главной национальной скрепы, основного связующего элемента с историей и предками. И тот факт, что именно это произведение стало впоследствии национальным гимном, доказывает его важность и правдивость в восприятии народа Финляндии. Интересно также, что, так как Рунеберг был шведоязычным поэтом, и оригинал «Maamme», следовательно, был написан на шведском языке, более полувека продолжались попытки создать «правильную финскую версию» стихотворения. Это еще больше повысило его статус национальной песни среди народа: очень многие, вплоть до уборщика ратуши Й. Лемана, либо пытались составить свой вариант перевода, либо, основываясь на заложенных в оригинале идеях, сочиняли собственные адаптации [19, s. 91-95]. Таким образом, «Maamme» не только укрепляло

национальную идентичность и привязанность к родной земле в сознании финского народа, но и побуждало финнов к собственному культурному развитию.

Идеи и мысли, заложенные в «Maamme», Рунеберг продолжает в другом своем стихотворении «Heinäkuun viides päivä», также входящем в «Сказания прапорщика Столя». В этом произведении поэт уже более детально описывает конкретные места, леса и озера, типичные для природы Финляндии. Классический образ Финляндии как «страны тысячи озер» именно в художественном плане был в значительной степени сформирован творчеством Рунеберга [20, s. 45]. Основным лейтмотивом является ценность национального пейзажа как признака патриотизма и важной составляющей идентичности [21].

К проблеме национальной идентичности Рунеберг обращался не только в художественных произведениях. Так, в 1832 г. им был опубликован очерк «Несколько слов о природе, народном характере и образе жизни в волости Саариярви». Сразу необходимо отметить, что, во-первых, жителем описываемой местности был лирический герой изданного за два года до очерка стихотворения «Пааво из Саариярви»; во-вторых, сам поэт проживал там в течение нескольких лет, мог лично наблюдать за жизнью и характерами простых людей, и, следовательно, представленные в лишенном идеализации очерке тезисы можно считать достоверными и основанными на собственных впечатлениях. Очерк содержал в себе, помимо прочего, подробную характеристику местных жителей. Важно отметить, что в ней практически нет места идеализации, взгляд автора скорее близок к реалистичному. Представителей крестьянства Рунеберг характеризует как «ленивых, бесстрастных и скупых на слова», а их нрав определяет как «кроткий, терпеливый и уступчивый [13, с. 188]. В целом, за исключением разве что лености, все названые черты, как минимум, соответствуют большинству стереотипных представлений о финнах. Здесь стоит отметить, что стереотипы могут формироваться только на основе «доминантных» черт национального характера, которые присутствуют у представителей разных групп определенного этноса и проявляются ими в различных жизненных ситуациях [22, с. 68], поэтому в контексте изучения

национальной идентичности пренебрегать существованием национальных стереотипов не стоит.

Помимо описаний «народного характера», упомянутый выше очерк также содержит в себе попытку автора сравнить в какой из частей Финляндии у народонаселения в большей степени сохраняются такие атрибуты национальной идентичности, как национальный характер, типичный психологический склад и «финский дух» [15, с. 318]. Части страны, практически «две Финляндии» [15], Рунеберг разделил по географическому признаку: на прибрежную (более подверженную влиянию «буржуазного развития»), где сам поэт родился и вырос [23, с. 71], и внутреннюю (за образец которой и была взята волость Сааариярви). И именно вторую часть писатель считал оплотом первозданного «финского духа», местом средоточия основных составляющих национальной идентичности. Саму местность Саариярви автор называет «верным представителем внутренней Финляндии, как относительно природы, так и в рассуждении характера жителей» [14, с. 181].

Заключение

В своих произведениях, посвященных финским крестьянам, Рунеберг создает образ простого человека, который, даже живя в условиях «гордой бедности» [15, с. 317], сохраняет моральные ценности, проявляет исключительно положительные черты национального характера, не падает духом перед трудностями. Подобное противопоставление материальной нищеты и нравственного богатства простых людей занимает важное место в творчестве Рунеберга как способ построения художественного образа [8, с. 182]. В «Сказаниях прапорщика Столя» Рунеберг в схожем ключе создает образ финского солдата, но уже добавляя ему такие качества, как храбрость и любовь к Родине, настоящий патриотизм.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Й. Л. Рунеберг своим творчеством оказал значительное влияние на формирование финской национальной идентичности. Писателю удалось выполнить это через идеализированное изображение черт национального характера в своих произведениях.

2. Узнаваемые, близкие как простому народу, так и имевшей о нём идеализированное представление интеллигенции, персонажи произведений Рунеберга способствовали появлению в общественном сознании четкой концепции национальной идентичности, «финскости», с характерными чертами, среди которых особо выделялись мужество, трудолюбие, скромность и упорство.

3. Отдельные, наиболее глубоко прописанные герои, вобравшие в себя полный спектр положительных черт национального характера, обрели статус культурных архетипов и превратились в олицетворение национальной идентичности.

4. Частое обращение поэта к теме единения финнов с природой также заложило основу для укоренения этого аспекта в массовом восприятии финской национальной идентичности. Именно Рунебергу удалось впервые в литературе Финляндии настолько ярко выразить чувства любви и уважения к национальной природе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Finell, E. Kansallista identiteettiä kartoittamassa: Kansalliset symbolit ja niihin liittyvät muistot ja tunteet. Pro gradu tutkielmä. Helsinki, 2013. 111 s.
2. Anttila, J. Kansallinen identiteetti ja suomalaiseksi samastuminen. Yliopistopaino, Helsinki, 2007. 358 s.
3. Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 45–55.
4. Корчагин В.Л. Отражение финского национального характера в литературе и кинематографе Финляндии. Вып. квал. раб. бак. СПб, 2021. 90 с. [эл. доступ]. URL: https://elib.spbstu.ru/dl/3/2021/vr/vr21-5421.pdf (дата обращения: 31.01.2023).
5. Песоцкий В.А. Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 1. С. 184–210.
6. Попова М.К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 45–48.
7. Колесников Д.Е. Формирование национальной и исторической идентичности Финляндии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2011. № 4 (136). С. 186–191.
8. Карху Э.Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX века. Л.: Наука, 1979. 510 с.
9. Братчикова Н.С. Скромный гений финляндской литературы Юхан Людвиг Рунеберг // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 7–16.
10. Колесников Д.Е. Становление фенноманского движения в Великом княжестве Финляндском (1810-е – начало 1860-х гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. к. ист. н. СПб, 2021. 179 с.

11. Runeberg, J.L. 25 [Saarijärven Paavo] 1830 // Suomen kansalliskirjallisuus: valikoima suomen kirjallisuuden huomattavimpia tuotteita. O. IX / Toim. E.N. Setälä. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1941. S. 50–52.
12. Дорофеева Е. Последний романтик Европы // Рунеберг Й. Л. Избранное. СПб.: Издательский дом «Коло». 2004. С. 5–52.
13. Mutanen, A. II. Regional identity under transformation: About the notion of identity // LIMES. 2010. №. 1. P. 28–38.
14. Рунеберг Й.Л. О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края // Рунеберг Й. Л. Избранное. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. С. 179–193.
15. Братчикова Н.С. Национальный финский характер в произведениях финских писателей XIX века // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 313–326.
16. Tarasti, E. Johdatusta semiotiikkaan: esseitä taiteen ja kulttuurin merkkijärjestelmistä. Helsinki: Gaudeamus, 1990. 317 s.
17. Laitinen, K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki: Otava, 1981. 676 s.
18. Runeberg, J.L. Vänrikki Stoolin tarinat // Suomen kansalliskirjallisuus: valikoima suomen kirjallisuuden huomattavimpia tuotteita / Toim. E.N. Setälä. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1941. O. IX. S. 199–361.
19. Laitinen, L. Maamme-meidän maa-Maamme-laulun versioita: suomennoksia ja muunnelmia // Virittäjä. 2008. № 1. S. 84–112.
20. Paasi, A. Geographical perspectives on Finnish national identity // GeoJournal № 43, 1997. P. 41–50. [эл. доступ]. URL: https://doi.org/10.1023/A:1006885503314 (дата обращения: 24.05.2023).
21. Kolbe, L. Heinäkuun viides päivä. 05.07.2011 // Kaleva.fi [эл. доступ]. URL: https://www.kaleva.fi/heinakuun-viides-paiva/2428738 (дата обращения: 10.04.2023).
22. Ноженко Е.В. Лингвокультурология как методология изучения стереотипов национального характера // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 23. С. 67–69.
23. Алёшин А.С. Рецепция творчества Й.Л. Рунеберга в Финляндии, Швеции и России // Вестник гуманитарного факультета СПбГУТ. СПб, СПбГУТ, 2017. С. 70–75.

REFERENCES

1. Finell, E. Kansallista identiteettiä kartoittamassa: Kansalliset symbolit ja niihin liittyvät muistot ja tunteet [Mapping National Identity: National Symbols and Related Memories and Feelings]. *Pro gradu tutkielmä*. Helsinki, 2013. 111 s. (In Finn.).
2. Anttila, J. Kansallinen identiteetti ja suomalaiseksi samastuminen [National Identity and Identifying as a Finn]. Yliopistopaino, Helsinki, 2007. 358 s. (In Finn.).
3. Moiseyeva N.A., Sorokovikova V.I. Mentalitet i natsionalnyy kharakter [Mentality and National Character]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2003. № 2. P. 45–55. (In Russ.).
4. Korchagin V.L. Otrazheniye finskogo natsionalnogo kharaktera v literature i kinematografe Finlyandii [Reflection of the Finnish National Character in the Literature and Cinema of Finland] Fin. qual. work of bach. SPb, 2021. 90 s. Available at https://elib.spbstu.ru/dl/3/2021/vr/vr21-5421.pdf (accessed: 31.01.2023). (In Russ.).
5. Pesotskiy V.A. Osnovnyye funktsii khudozhestvennoy literatury v ikh filosofskom predstavlenii [The Main Functions of Fiction Writing in Their Philosophical Representation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2011. № 1. P. 184–210. (In Russ.).

6. Popova M.K. Problema natsionalnoy identichnosti i literatura [The Problem of National Identity and Literature]. *Vestnik VGU. Seriya*: *Gumanitarnyye nauki*. 2001. № 2. P. 45–48. (In Russ.).
7. Kolesnikov D.Ye. Formirovaniye natsionalnoy i istoricheskoy identichnosti Finlyandii [Formation of National and Historical Identity of Finland]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta.* 2011. № 4 (136). P. 186–191. (In Russ.).
8. Karkhu E.G. Istoriya literatury Finlyandii ot istokov do kontsa XIX veka [History of Finnish Literature from the Beginning to the End of the 19th Century]. L.: Nauka, 1979. 510 p. (In Russ.).
9. Bratchikova N.S. Skromnyy geniy finlyandskoy literatury Yukhan Lyudvig Runeberg [Modest Genius of Finnish Literature Johan Ludwig Runeberg]. *Vestnik ugrovedeniya.* 2015. № 2 (21). P. 7–16. (In Russ.).
10. Kolesnikov D.Ye. Stanovleniye fennomanskogo dvizheniya v Velikom knyazhestve Finlyandskom (1810-ye – nachalo 1860-kh gg.) [The Formation of the Phenomanian Movement in the Grand Duchy of Finland (1810s – early 1860s)]. Diss. na soisk. uch. st. k. ist. n. SPb, 2021. 179 p. (In Russ.).
11. Runeberg J.L. 25 [Saarijärven Paavo] 1830. *Suomen kansalliskirjallisuus*: *valikoima suomen kirjallisuuden huomattavimpia tuotteita*. O. IX. Toim. E.N. Setälä. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1941. S. 50–52. (In Finn.).
12. Dorofeyeva Ye. Posledniy romantik Yevropy [Europe's Last Romantic]. Runeberg Y. L. Izbrannoye. SPb.: Izdatelskiy dom «Kolo». 2004. P. 5–52. (In Russ.).
13. Mutanen A. II. Regional identity under transformation: About the notion of identity. *LIMES*. 2010. №. 1. P. 28–38.
14. Runeberg Y.L. O prirode finlyandskoy, o nravakh i obraze zhizni naroda vo vnutrennosti kraya [About Finnish Nature, about the Customs and Way of Life of the People in the Interior of the Region]. Runeberg Y. L. Izbrannoye. SPb.: Izdatelskiy dom «Kolo», 2004. P. 179–193. (In Russ.).
15. Bratchikova N.S. Natsionalnyy finskiy kharakter v proizvedeniyakh finskikh pisateley XIX veka [National Finnish Character in the Works of Finnish Writers of the 19th Century]. *Baltiyskiy filologicheskiy kuryer*. 2003. № 3. P. 313–326. (In Russ.).
16. Tarasti, E. Johdatusta semiotiikkaan: esseitä taiteen ja kulttuurin merkkijärjestelmistä [An Introduction to Semiotics: Essays on Sign Systems in Art and Culture]. Helsinki: Gaudeamus, 1990. 317 s. (In Finn.).
17. Laitinen, K. Suomen kirjallisuuden historia [History of Finnish Literature]. Helsinki: Otava, 1981. 676 s. (In Finn.).
18. Runeberg, J.L. Vänrikki Stoolin tarinat [The Stories of Vänrikki Stoolin]. *Suomen kansalliskirjallisuus*: *valikoima suomen kirjallisuuden huomattavimpia tuotteita*. Toim. E.N. Setälä. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1941. O. IX. S. 199–361. (In Finn.).
19. Laitinen, L. Maamme-meidän maa-Maamme-laulun versioita: suomennoksia ja muunnelmia [Versions of the Song Maamme-Ours Maa-Maamme: Translations and Variations]. *Virittäjä*. 2008. № 1. S. 84–112. (In Finn.).
20. Paasi, A. Geographical perspectives on Finnish national identity. GeoJournal № 43, 1997. P. 41–50. Available at https://doi.org/10.1023/A:1006885503314 (accessed: 24.05.2023).
21. Kolbe, L. Heinäkuun viides päivä [Fifth Day of July]. 05.07.2011. *Kaleva.fi* Available at https://www.kaleva.fi/heinakuun-viides-paiva/2428738 (accessed: 10.04.2023). (In Finn.).

22. Nozhenko Ye.V. Lingvokulturologiya kak metodologiya izucheniya stereotipov natsionalnogo kharaktera [Linguoculturology as a Methodology for Studying National character Stereotypes]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 2006. № 23. P. 67–69. (In Russ.).
23. Aleshin A.S. Retseptsiya tvorchestva Y.L. Runeberga v Finlyandii, Shvetsii i Rossii [Reception of J.L. Runeberg in Finland, Sweden and Russia]. *Vestnik gumanitarnogo fakulteta SPbGUT*, 2017. P. 70–75. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Корчагин Василий Леонидович – студент Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: korchagin198014@mail.ru
Колесников Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: opettaja555@gmail.com
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Korchagin Vasiliy L – Student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: korchagin198014@mail.ru
Kolesnikov Dmitriy E. – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
The authors declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.03.2023. Одобрена после рецензирования 16.07.2023. Принята 20.07.2023.
Received 23.03.2023. Approved after reviewing 16.07.2023. Accepted 20.07.2023.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА
SOCIETY AND POLITICS

research article
UDC: 332.1; 338
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.9

Modern Trends in the Formation of Human Resources in China (to the Formulation of the Question)

Li Yuanxin ✉
Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, Xuanwu District, China
✉ yuanxin.li@njust.edu.cn

Abstract. *Human resource management, in modern conditions, is a defining tool. They act as an indicator of the level of development in the country. The human resources of the People's Republic of China are unique and have no analogues in the world, both in terms of population and composition. In modern conditions, China is the leader in terms of population in the world and in terms of its share of GDP in the global economy. However, this situation may change in the near future since there are a number of demographic problems in the country associated with the introduction of the "One Family, – One Child" policy. Therefore, the assessment of China's human resources needs to be investigated on the market using a comprehensive system analysis covering all aspects of the lives of the populations of the countries, using both qualitative and quantitative criteria. Only such an analysis of human resources will contribute to its truly predictable composition and structure. China's human resources need to be subjected to a qualitative scientific analysis that will make it possible to predict their further development. For a long time, China's economy has been growing at a rapid pace due to the use of a large amount of labor and large capital investments. In recent years, the growth rate has started to decline significantly. One of the reasons for this phenomenon was not an improved human resource management system. Therefore, there is an urgent need in China to identify and subsequently solve human resource management problems. The leading role in this direction belongs to the state*.

Keywords**:** human resources; human capital; human resource management; economic development; demographic situation in China; urbanization; economic development; One Family – One Child policy

For citation**:** Li Yuanxin. Modern Trends in the Formation of Human Resources in China (to the Formulation of the Question). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 131–148. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.9

© Li Yuanxin, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК 332.1; 338
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.3.9

Современные тенденции формирования человеческих ресурсов в Китае (к постановке вопроса)

Ли Юаньсинь ✉
Нанкинский университет наук и технологий, Нанкин, Провинция Цзянсу, Китай
✉ yuanxin.li@njust.edu.cn

Аннотация. *Управление человеческими ресурсами в современных условиях является определяющим инструментом. Они выступают индикатором уровня развития страны. Человеческие ресурсы Китайской Народной Республики уникальны и не имеют аналогов в мире как по численности, так и по составу. В современных условиях Китай является лидером по численности населения в мире и по доле ВВП в мировой экономике. Однако в ближайшее время эта ситуация может измениться, так как в стране существует ряд демографических проблем, связанных с введением политики «Одна семья, один ребенок». Поэтому оценку человеческих ресурсов Китая необходимо исследовать на рынке с помощью комплексного системного анализа, охватывающего все стороны жизни населения стран с использованием как качественных, так и количественных критериев. Только такой анализ человеческого ресурса будет способствовать его действительно предсказуемому составу и структуре. Человеческие ресурсы Китая необходимо подвергнуть качественному научному анализу, который позволит прогнозировать их дальнейшее развитие. В течение длительного времени экономика Китая росла быстрыми темпами за счет использования большого количества рабочей силы и крупных капитальных вложений. В последние годы темпы роста стали значительно снижаться. Одной из причин этого явления была несовершенная система управления человеческими ресурсами. Поэтому в Китае существует острая необходимость в выявлении и последующем решении проблем управления человеческими ресурсами. Ведущая роль в этом направлении принадлежит государству.*

***Ключевые слова*:** человеческие ресурсы; человеческий капитал; управление человеческими ресурсами; экономическое развитие; демографическая ситуация в Китае; урбанизация; экономическое развитие; политика «Одна семья – один ребенок»

***Для цитирования*:** Ли Юаньсинь. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов в Китае (к постановке вопроса) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 131–148. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.9

© Ли Юаньсинь, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Human resources are a "type of capital" embodied in employees; they are represented by the level of knowledge, technical level, and ability to work. The theory of human resources is in a stage of gradual improvement, and the process of its systematic formation is inseparable from the objective historical background [1]. In the last decade, there has been an active study of human resources using sociological research methods. The change in the concept of "human resources" and its modern interpretation are analyzed in detail in the article by L.G. Batrakova [2]. In the collective work "Human resource management: the concept and methodology of evaluation" [3], the conceptual foundations and methodological apparatus for evaluating human resources and their use are investigated. In the work of I.Y. Lopatina and D.O. Larionova, it is concluded that human resources are an integral concept that includes both existing human capital and human potential, which can be realized when creating the necessary conditions for this [4].

The concept of human resources has found coverage in American management [5]. In Chinese studies on this topic, the following authors can be distinguished. According to Tian Jingling [6], human resources are a kind of acquired resource, physical and intellectual resources. Zhao Yixuan, Zhao Shuming, Luan Jiazui [7] note that human resources represent the basic concept in the theory of human capital. Modern research by Chinese sociologists, in addition to the topic of human resources, also touches on the organization of human resources, employment, and unemployment. The works of Wu Peng-Sen [8], Chen Naixin [9], Ding Qiu [10] are devoted to these issues. The analysis of changes in the structure of modern Chinese society, the rational use of the country's labor potential are reflected in the works of Zhang Genmin [11], Yuan Hongchun, Liao Bo, Chai Shuizhnen Deng [12]. The study of human resources in China is at the state level and has begun to actively develop in the direction of human resource management.

The purpose of this article is to identify current trends in the formation of China's human resources, affecting demographic, urban, and economic aspects. The research is based on informational socio-economic materials. General scientific methods were used in the work: analysis, synthesis, generalization and comparison.

Research Results and Their Discussion

One of the most important areas of research on the growth of national economies is formation and development of human resources. The People's Republic of China is building its economy and considers its national human capital a key factor for further growth. China has the most significant human resources among all countries in the world, which largely ensures its success in the global economy.

Given the versatility of the term "human resources", it is necessary to specify the subject of this study. It will be about national human resources that have their own macroeconomic specifics. In a narrow sense, a country's human resources can be defined as a set of quantitative and qualitative parameters of the population that determine the nature and pace of development of the national economy. In a broad sense, they represent an intensive factor in the socio-economic development of the country, a source of strength for the economic system, or, in relation to the concept of human capital, a driver of innovative waves [13]. The study of human resources as a factor of national production determines the use of indicators that link the "human" component of the resource base of society with the economic development of the country.

China systematically creates conditions for the socio-economic development of the country. Whose essence is to accumulate and improve the quality of human resources. The People's Republic of China began its reforms with a technocratic approach to human resource management, in which a large, illiterate, and disenfranchised workforce was subordinated to the needs of national production. The availability of an almost unlimited resource of labor and its migration following capital to the points of economic growth provided China with about a third of the Gross Domestic Product growth in the period 1978–1988. [14, p. 11]. In subsequent years, GDP grew almost tenfold over the period from 2000 to 2019 [15].

At the end of the 1980s of the twentieth century, the Chinese government adopted the concept of sustainable development [16]. The main idea of sustainable development was not only the planned, progressive and stable development of the Chinese economy but also the strategy of building an average, prosperous society. The creation of such a society was put forward at the XVI National Congress of the CPC held in 2002. The Congress clearly set

the task: "... to raise the ideological, moral, scientific, cultural, and physical qualities of the whole nation, to create a perfect modern system of public education, a system of scientific, technical, and cultural innovation, a system of nationwide physical training, as well as medical care and healthcare, to stimulate the comprehensive development of the individual" [17].

Chinese President Xi Jinping has repeatedly noted in his speeches that the prosperous Xiaokan society cannot be realized without eliminating the gap between the city and the countryside and without improving the quality of life and well-being of the rural population [18]. At the XIX National Congress of the Communist Party of China held in October 2017, Xi Jinping noted that "the prerequisite for the revival of rural areas is to consolidate achievements in the fight against poverty and further pay close attention to this so that the lives of people who have escaped from poverty can be improved to a higher level" [19]. Following the goals of China's socio-economic development, the party under the leadership of Xi Jinping is forming a new policy to solve three rural problems, the so-called "san nong" (Chinese: 三农), which are associated with the heterogeneous development of rural and urban areas and the lack of social and economic stability of the rural population. These problems are closely related to building a harmonious society and improving China's human resources.

Speaking at the plenary session of the XXIII St. Petersburg International Economic Forum in June 2019, Chinese President Xi Jinping stressed the importance of sustainable development as an inevitable result of the growth of social labor productivity and technological progress [20]. The realization of sustainable development is impossible without restructuring the spheres of upbringing, education, healthcare, and informatization. This leads China to the need to create an innovative model for the formation of human resources, as a result of which the "passive resource" of the Chinese economy began to be considered an "active participant in the production process", and the excess and cheap labor force turned into a "unique and unparalleled in the world in number and structure" human capital [21, pp. 56–65].

Chinese scientists consider their national human potential as one of the most important strategic resources that determine the complex power of the state and ensure China's national competitiveness in the world economy [22].

In the report "On the problems in the Chinese economy and prospects for 2023, it is noted: “The Chinese economy looks quite confident, but the situation in it still does not meet the planned indicators.” After a slight slowdown at the end of 2021 and the first quarter of 2022, it moved to rapid growth in the third quarter, by 3.9%, but slowed down again in the fourth quarter. As a result, in the first three quarters of 2022, the growth was 3% year-on-year. It is already clear that by the end of the year, China's GDP growth will be noticeably less than 5%" [23]. According to many analysts, the problems with China's economic growth are not least related to the demographic situation in the country.

Currently, there is a complex and contradictory demographic situation in China. It is connected with the policy of birth control, "One family, one child", adopted in 1979 [24]. This policy has led to a reduction in the working-age population in the country, which has affected many socio-economic problems. "China's cheap labor force, which has been used by the whole world for a long time, may run out in the next few years… The reduction of the labor force can significantly slow down the development of China" [25, p. 86–87]. The growth of the social burden, the decline in domestic demand, and the loss of investment and production opportunities "directly threaten the prosperous growth of the Chinese economy" [26, p. 191]. A number of socio-economic parameters in China related to demographic changes, as well as the possible consequences of these changes in the short and long term, will determine the specifics of the formation of human resources in the country.

The population in China is still characterized by positive natural growth. However, the "One family, One child" policy significantly reduced the average annual population growth rates: in the 70s, they were 1.9%, in the 80s, 1.6%, in the 90s, 1.1%, in the 2000s, 0.6%, and for the period 2010–2015, 0.49% [27]. According to UN forecasts, by 2030, the population of China will reach its maximum and then begin to decline.

During the reform period, a significant increase in the labor force was achieved by reducing the number of future generations. According to forecasts, by 2050, China will "receive less" about 70 million people. The share of young people in 2050 will be only 14%, while the share of the elderly population will grow and will amount to 38% [28].

Since 2010, the demographic burden has been steadily increasing, and since 2013, the absolute number of able–bodied citizens has begun to decrease, at the level of 1130–1500 thousand people, or 0.1% per year. At the same time, the largest share, 9.1%, is made up of citizens 40–44 years old, and slightly less – 8.8% – citizens 45–49 years old [29]. This situation will lead to the fact that in 15–20 years, when representatives of this age cohort retire, the rapid aging of the Chinese population will begin.

By 2020, the number of able-bodied people has decreased by more than 80 million people compared to the level of 2014. China has yet to build a powerful social security system for a growing army of an aging population.

In the long term, the reduction in the number of able-bodied population will contribute to the gradual exhaustion of sources of human resource growth. This will lead to the formation of a shortage of labor to its rise in price. The economic reforms that made China a "global factory" were based on the use of surplus, cheap and competitive labor.

Taking into account the improvement in the quality of the labor force, as well as the increase in the cost of education and training, the increase in the social burden, all this will make the Chinese labor force one of the most expensive in the world by the middle of the XXI century. According to scientists, "demography has ceased to be a positive factor for China's economic growth" [30, p. 20].

Since January 1, 2016, it is allowed to have two children in a family in China [31]. However, this change will not allow the return of stable positive trends in population growth. The main reason for this is the change in social attitudes in Chinese society. The current young generation of Chinese is focused on self-realization and improving the quality of life. These attitudes have become no less important factors of birth control than the state policy of family planning. The results of surveys of the Chinese population are interesting: "In 2014 less than 1 million couples have applied for the birth of a second child, which is half as much as predicted. Urban families still prefer to limit themselves to the birth and upbringing of one child for financial reasons. Of these, only 60-65% would like to have a second child; in rural families, this figure reaches 90%" [31].

In modern conditions, one of the tools for hanging the quality of human resources in China is urbanization [32]. Urbanization is the process of concentration of the able–bodied population in cities, which represent an element of industrial and cultural growth, which leads to an increase in population density, activation of socio-economic life and strengthening the potential for the development of human resources.

On December 4, 2013, the State Council of the People's Republic of China organized the Central Economic Working Conference, where issues of urbanization and urban development in China were discussed [33]. The focus on urbanization and urban development in the development of human resources, as well as improving the quality of life, is reflected in many party documents of China. Chinese President Xi Jinping pointed to the active advancement of the urbanization process as a sure way to modernize society and increase labor productivity. At the same time, he emphasizes the priority of the human factor, namely ensuring equal access to basic public services, the environment with the most comfortable living conditions, as well as increasing the sense of satisfaction and happiness of the people. The new urbanization plan of a new type adopted by Xi Jinping proclaims urbanization "for man", which has given a new impetus to urbanization and will raise the standard of living of the Chinese population.

The process of urbanization in China, which began a long time ago. In 1953, the urban population was 77.3 million people, or 13.2% of the country's population. Today, 750 million people or 54.8% of the total population of China live in Chinese cities [29]. In 2020, the country reached the level of urbanization of 60%, and in 2050 it is planned to reach the level of 70% [34, p. 166].

Over the past 35 years, the urban population has increased by 557.8 million people 3.9 times, with 48% of this increase occurring in 1980–2000 and 52% in 2001–2014. The period 1980–2000 was characterized to a greater extent by an increase in the number of cities, and the period 2001–2015 was characterized by the expansion of existing cities, the active formation of agglomerations. To compare the scale of urbanization in China, the following data can be cited: for 40 years, 1–2 cities like Moscow or 3–4 cities like St. Petersburg appeared every year. In total, during the specified period, China had a population four times larger than the population of Russia.

The main sources of urbanization in China are: natural growth of the urban population, internal migration of the population from rural areas to cities, the emergence of new cities and the administrative expansion of urban areas. Since 1984, the city has been considered an economic center with a population of more than 3 thousand people, in which 85% of the inhabitants are engaged in agriculture. According to calculations based on statistical data, during the period of intensive urbanization of 1980–2014, the growth of the urban population was on average 19% due to natural growth and 81% due to internal migration and administrative transformations [35].

The main direction of modern intra-Chinese migration is the movement of labor from labor-surplus regions to labor-deficient ones, i.e. from the inner (western) provinces to the coastal (eastern) ones. Eleven coastal provinces, including the cities of central subordination Liaoning, Beijing, Tianjin, Hebei, Shandong, Jiangsu, Shanghai, Zhejiang, Fujian, Guangdong and Hainan, account for 60% of China's GDP, 42% of its total population lives in them [30]. During the 1990s–2000s, Guangzhou occupied the first place in terms of inbound migration, receiving 20–30% of the country's migration flows, and Shanghai 7% and the third is Beijing [21, p. 85]. In coastal cities, the share of migrants reaches 70-80% of the total workforce [36, p. 72].

Currently, China shows the world a high rate of urban population growth, which contributes to the growth of urbanization. The largest agglomerations of the country: Guangzhou – 65701502, Shanghai – 30900000, Beijing – 21516000, Tianjin 11400000, Xiamen – 10000000, Chengdu – 9600000, Hangzhou – 8300000, Wuhan – 8000000, Shantou – 7950000, Shenyang – 7650000, Chongqing – 7050000, Nanjing – 6850000, Xi'an – 6650000, Wenzhou – 5900000, Qingdao – 5700000 [37].

The economic effect of the movement of human resources within the framework of urbanization is significant. Urbanization as a process of concentration of human resources in cities is an important factor in increasing labor productivity and increasing the efficiency of the Chinese economy as a whole. Despite the active development of medium and small cities, in the near future China's human resources will continue to be distributed unevenly across its territory, gravitating towards large export-oriented production centers in the eastern regions. In the medium term, as the population stabilizes and the quality

of life improves, it is likely that people will relocate in favor of the central regions and concentrate them in cities with a moderate population for China (from 1 million to 8 million people).

According to research, the processes of urbanization in China will continue. Here is one of the forecasts prepared by a group of researchers from Chongqing University of Arts and Sciences [38]. Forecast for 2020–2070. The estimated % of the urban population in 2025 is 54.6%, in 2030 – 57.1%, in 2035 – 59.1%, in 2040 – 61.2%, in 2045 – 63.2%, in 2050 – 65.0%, in 2055 – 66.6%, in 2060 – 68.2%, in 2065 – 69.8%, in 2070 – 71.1%.

This study shows that China has a sufficient number and quite favorable structure of human resources. However, the current situation reflects the existing problems that can negatively affect the formation of human resources and the further economic development of China. In the future, in order to maintain leadership positions in the global economy and ensure further sustainable economic growth, the country will have to take a number of serious measures related to the preservation and development of human capital, which will require fundamentally new approaches to human resource management for China.

Conclusion

The concept of human resources is in the process of transformation due to the impact of global processes of modernity on it. The structure of the human resources category is defined as a set of health capital, education capital, culture capital, migration capital, and the capital of having meaningful information.

China began its reforms with a completely technocratic approach to human resource management, in which a large, illiterate and disenfranchised workforce was subordinated to the needs of national production. Currently, China is one of the fastest growing economies in the world, demonstrating an unprecedented high growth rate of national production. The economic reforms that made China a "world factory" were based on the use of surplus, and therefore cheap and competitive labor. A resource that passes into the category of scarce, a priori cannot be cheap. Taking into account the improvement in the quality of the labor force, which provides for an increase in the costs of education and vocational training, and an increase in the social burden, which will require additional expenses for the maintenance of the elderly population, it

should be noted that the Chinese labor force may become one of the most expensive in the world by the middle of the XXI century.

According to scientists, "demography has ceased to be a positive factor for China's economic growth." The degree of urbanization is an important indicator characterizing the trends in the formation of China's human capital. Being a natural result of economic development and optimization of the distribution of productive forces of society, urbanization largely determines the features of the spatial distribution of labor resources.

It should be noted that the trends of demographic development and urbanization of the late twentieth and early twenty–first centuries were fully used by China to achieve impressive success in economic development. In the future, in order to maintain leadership positions in the global economy and ensure further sustainable economic growth, the country will have to take a number of serious measures related to the preservation and development of human capital, which will require fundamentally new approaches to human resource management for China.

REFERENCES

1. Ma Hongqi 马红旗, Wang Ren 王韧. Dui ren li zi ben xing cheng li lun de xin ren shi 对人力资本形成理论的新认识 [A New Understanding of Human Capital Formation Theory]. *Jing ji xue jia* 经济学家 [*The Economist*]. 2014. Vol. 11. Iss. 12. P. 33–41. Available at: http://jjxj.swufe.edu.cn/CN/Y2014/V11/I12/33 (accessed: 03.06.2023). (In Chin.).

2. Batrakova L.G. Jevoljucija nauchnyh vzgljadov na ponjatie «chelovecheskie resursy» i ego sovremennaja specifika [The Evolution of Scientific Views on the Concept of "Human Resources" and its Modern Specifics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2011. Vol. 6. № 2. S. 46–68. (In Russ.).

3. Ivanova O.Je. Upravlenie chelovecheskimi resursami: koncepcija i metodologija ocenki [Human Resource Management: Concept and Methodology of Assessment]: uchebno-metodicheskoe posobie. O.Je. Ivanova, D.N. Korneev, N.Ju. Korneeva. Cheljabinsk: Izd-vo ZAO «Biblioteka A. Millera», 2018. 145 s. (In Russ.).

4. Lopatina I.Ju., Larionova D.O. Upravlenie vosproizvodstvom chelovecheskih resursov na regional'nom urovne [Managing the Reproduction of Human Resources at the Regional Level]. *Sfera uslug: innovacii i kachestvo*. 2019. № 43. S. 70–81. (In Russ.).

5. Chelovecheskie resursy v amerikanskom menedzhmente [Human Resources in American Management]. *Sekrety i sovety*. Available at: www.secreti.info/p58m.html (accessed: 21.05.2023). (In Russ.).

6. Tian Jingjing 田菁菁. Kua go qi ye quan qiu cai wu gong xiang de feng xian guan li yan jiu yi hai er ji tuan wei li 跨国企业全球财务共享的风险管理研究-以海尔集团为例 [Research on Risk Management of Multinational Enterprises' Global Financial Sharing -

Taking Haier Group as an Example]. Hangzhou 杭州. Hang zhou dian zi ke ji da xue 杭州电子科技大学 [Hangzhou University of Electronic Science and Technology]. 2019. (In Chin.).
7. Zhao Yixuan 赵宜萱, Zhao Shuming 赵曙明, Luan Jiarui 栾佳锐. Czi juj zhjen' gun chzhi njen dje zhjen' li czy juan' guan' li li lun' mo sin#juj jan' czju chzhan' van 基于人工智能的人力资源管理:理论模型与研究展望 [Human Resource Management Based on Artificial Intelligence: Theoretical Model and Research Prospects]. *Nan' czin shje hujej kje sjuje* 南京社会科学 [*Nanjing Social Sciences*]. 2020. № 2. P. 36–43. (In Chin.).
8. Wu Pengsen 吴鹏森. Chzhun go dje czju e go cin chu lun' 中国的就业国情初论 [Preliminary Discussion of National Employment Conditions in China]. *Nan' czin shi da sjuje bao shje hujej kje sjuje ban'* 南京师大学报(社会科学版) [*Journal of Nanjing Normal University* (*Social Science Edition*)]. 2000. № 6. P. 3–9. (In Chin.).
9. Chen Naixing 陈乃醒. Lun jing ji fa zhan yu er ci jiu ye chang suo de jie he dian - gou jian zhen xing Zhong xiao qi ye de ji chu huan jing yu you hui zheng ce ti xi 论经济发展与再就业工程的结合点———构建振兴中小企业的基础环境与优惠政策体系 [On the Combination of Economic Development and Re-Employment Projects—Building a Basic Environment and Preferential Policy System for Revitalizing Small and Medium-Sized Enterprises]. *Jing ji wen ti* 经济问题 [*Economic Issues*]. 1999. № 2. P. 8–11. (In Chin.).
10. Ding Qu 丁蕖. Go you qi ye xia gang zhi gong zai jiu ye de zhang ai fen xi 国有企业下岗职工再就业的障碍分析 [Analysis of Barriers to Re-Employment of Laid-Off Workers and Employees of State-Owned Enterprises]. *Nan jing da xue xue bao* 南京大学学报 [*Journal of Nanjing University*]. 2000. № 6. P. 131–136. (In Chin.).
11. Zhang Genming 张根明. Shi wu shi qi Zhong guo ren kou jiu ye fa zhan tai shi yu zheng ce mu biao"十五"时期中国人口就业发展态势与政策目标 [Employment Development Situation and China's Policy Objectives During the Tenth Five-Year Plan]. *Gai ge* 改革[*Reform*]. 2000. № 4 P. 16–22. (In Chin.).
12. Cai Shuizhen 蔡水珍, Luo Xianrang 罗贤让, Luo Mushui 罗木水, Jin Hong 金宏. Dui wo guo xian jie duan zhi gong dui wu ji ben zhuang kuang de yan jiu 对我国现阶段职工队伍基本状况的研究 [Study of the Situation of Workers and Employees in China at the Present Stage]. *Jiang xi she hui ke xue* 江西社会科学 [*Jiangxi Social Sciences*]. 2000. № 9. P. 116–120. (In Chin.).
13. Korchagin Ju.A. Chelovecheskij kapital – intensivnyj social'no-jekonomicheskij faktor razvitija lichnosti, jekonomiki, obshhestva i gosudarstvennosti [Human Capital is an Intensive Socio-Economic Factor in the Development of the Individual, Economy, Society and Statehood]: nauchnyj doklad. M.: Vysshaja shkola jekonomiki, 2011. 28 s. (In Russ.).
14. Zhudzhun' Din, Kovalev M.M., Novik V.V. Fenomen jekonomicheskogo razvitija Kitaja: Nauchnoe izdanie [China's Economic Development Phenomenon: Scientific Edition]. Mn.: Izdatel'skij centr BGU, 2008. 446 s. (In Russ.).
15. 3–1 Gross Domestic Product. China Statistical Yearbook, 2020. *National Bureau of Statistics of China*. Available at: http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (accessed: 06.07.2023).
16. Safronova E.I. Koncepcija i praktika ustojchivogo razvitija: vzgljad iz Kitaja [Concept and Practice of Sustainable Development: a View from China]. *Vostochnaja Azija: fakty i analitika*. 2020. № 3. S. 18–35. (In Russ.).

17. Dzhan L., Chen S. Cifrovaja jekonomika Kitaja: vozmozhnosti i riski [China's Digital Economy: Opportunities and Risks]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*. 2019. Vol. 14. № 2. S. 275–303. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-11. (In Russ.).
18. Ping yu jin ren xi jin ping de san nong guan “平语”近人——习近平的“三农观” ["Pingyu" is close to people——Xi Jinping's "view on agriculture, rural areas and farmers"] 29.12.2015. *Xin'hua Wan* 新华网 [*Xinhua News*]. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/29/c_1117601781.htm (accessed: 10.06.2023). (In Chin.).
19. Zhong yang nong cun gong zuo hui yi zai jing zhao kai xi jin ping dui zuo hao san nong gong zuo zuo chu zhong yao zhi shi 中央农村工作会议在京召开习近平对做好“三农”工作作出重要指示 [The Central Conference on Agricultural Activities was held in Beijing, where Xi Jinping gave important instructions for conscientious work in the "three rural" areas] 26.12.2021. *Zhong hua ren min gong he guo zhong gong zhong yang ren min zheng fu* 中华人民共和国中央人民政府 [*Central government of the People's Republic of China*]. Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/26/content_5664691.htm (accessed: 10.06.2023). (In Chin.).
20. Si Czin'pin v svoem vystuplenii na PMJeF podcherknul vazhnost' ustojchivogo razvitija i sovmestnogo postroenija bolee procvetajushhego i prekrasnogo mira [Xi Jinping Stressed the Importance of Sustainable Development and Building a More Prosperous and Beautiful World Together in his SPIEF Speech]. 10.06.2019. *Portal* «*Odin pojas, odin put'*». Available at: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/news/93285.htm (accessed: 20.06.2023). (In Russ.).
21. Gao F. Sovershenstvovanie sistemy upravlenija chelovecheskimi resursami kitajskoj narodnoj respubliki kak faktora dostizhenija ustojchivogo razvitija [Improving the Human Resource Management System of the People's Republic of China as a Factor in Achieving Sustainable Development]: dissertacija ... kandidata Jekonomicheskih nauk: 08.00.14. Mesto zashhity: Rossijskij universitet druzhby narodov. Moskva, 2016. 216 s. (In Russ.).
22. Chzhochao Juj. Demograficheskie faktory social'no-jekonomicheskogo razvitija Kitaja [Demographic Factors of China's Socio-Economic Development]. *Jekonomicheskaja teorija*. 2014. Vol. 11. № 1. S. 85–91. (In Russ.).
23. O problemah v jekonomike Kitaja i perspektivah 2023 goda [On the problems in the Chinese economy and the prospects for 2023]. 17.12.2022. *Fond strategicheskoj kul'tury*. Jelektronnoe izdanie. Available at: https://www.fondsk.ru/news/2022/12/17/o-problemah-v-ekonomike-kitaja-i-perspektivah-2023-goda.html (accessed: 22.06.2023). (In Russ.).
24. Kuprijanova Ju.A., Janishevskaja A.I. Novaja demograficheskaja politika v Kitae: «Odna sem'ja – dva rebenka» [New Demographic Policy in China: "One Family – One Child"]. *Demograficheskoe obozrenie*. 2017. Vol. 4. № 2. S. 53–64. DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7103. (In Russ.).
25. Chzhochao Juj. Demograficheskie faktory social'no-jekonomicheskogo razvitija Kitaja [Demographic Factors of China's Socio-Economic Development]. *Jekonomicheskaja teorija*. 2014. Vol. 11. № 1. S. 85–91. (In Russ.).
26. Larionov Al.V., Chirkova E.N., Larionov And.V. Demograficheskij vyzov sovremennomu razvitiju Kitaja: problemy i perspektivy [The Demographic Challenge to China's Modern Development: Problems and Prospects]. *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2015. № 5. S. 182–196. (In Russ.).

27. Top 10 samyh bol'shih stran mira po naseleniju 2020, 2019 [Top 10 largest countries in the world by population 2020, 2019]. 27.01.2020. *EURONEWS. Dzen Platforma*. Available at: https://dzen.ru/a/Xi7iIeMGLACwdKrj?sid=271720769109104462 (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).
28. Andreev E. Udvoenie Kitaja: chem obernetsja otmena pravila «Odna sem'ja – odin rebenok» [Doubling China: What will Result in the Abolition of the Rule "One Family – one Child"]. 11.11.2015. *RBK*. Available at: https://www.rbc.ru/opinions/society/11/11/2015/5642d7709a794773d004037d (accessed: 10.02.2021). (In Russ.).
29. China Statistical Yearbook, 2015. *National Bureau of Statistics of China*. Available at: http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (accessed: 10.06.2023).
30. Kireev A.A. Demograficheskoe izmerenie kitajskih reform [The Demographic Dimension of Chinese Reforms]. *Rossija i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstvija*: *sbornik Vostochnogo centra*. 2016. № 17. S. 18–21. (In Russ.).
31. Vlasti Kitaja otmenjajut politiku «Odna sem'ja – odin rebenok» [China Cancels "One Family – One Child" Policy]. 29.10.2015. *Informacionnoe agentstvo TASS*. Available at: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2388807 (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).
32. Mozias P.M. Urbanizacija v Kitae: proshloe i nastojashhee [Urbanization in China: Past and Present]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura*. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal. 2022. № 1. S. 121–155. (In Russ.).
33. Zhjen'min' Zhibao on-line na russkom jazyke [People's Daily on-line in Russian]. Available at: http://russian.people.com.cn/ (accessed: 16.06.2023). (In Russ.).
34. U Fjengan. Issledovanie ustojchivogo razvitija processa urbanizacii v Kitae [A Study on the Sustainability of the Urbanization Process in China]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2015. № 4. S. 165–170. (In Russ.).
35. Krasova E.V., Jan Sin'sju. Sovremennye tendencii formirovanija chelovecheskih resursov kak faktora ustojchivogo razvitija jekonomiki Kitaja [Modern Trends in the Formation of Human Resources as a Factor in the Sustainable Development of the Chinese Economy]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: faktory, tendencii, prognoz*. 2016. № 3(45). S. 205–220. (In Russ.).
36. Izotov D.A., Motrich E.L. Demograficheskie vyzovy dlja jekonomiki KNR [Demographic Challenges for the PRC Economy]. *Rossija i ATR*. 2014. № 3(85). S. 61–83. (In Russ.).
37. Shang Zhozhan 单卓然, Huang Yaping 黄亚平. Xin xing cheng zhen hua gai nian nei han mu biao nei rong gui hu ce lue ji ren zhi wu qu jie xi "新型城镇化"概念内涵、目标内容、规划策略及认知误区解析 [Conceptual Meaning, Target Content, Planning Strategy and Analysis of Cognitive Misunderstanding of the "New Urbanization"].*Cheng shi gui hua xue kan* 城市规划学刊 [*Journal of Urban Planning*]. 2013. № 02. S. 16–22. (In Chin.).
38. 10 krupnejshih internet-kompanij Kitaja v 2019 godu [Top 10 Internet Companies in China in 2019]. 28.08.2019. *Rambler Novosti*. Available at: https://news.rambler.ru/internet/42730590-10-krupneyshih-internet-kompaniy-kitaya-v-2019-godu/ (accessed: 02.07.2023). (In Russ.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ма Хунци 马红旗, Ван Жэнь 王韧. Дуй жэнь ли цзы бэнь син чэн ли лунь дэ синь жэнь ши 对人力资本形成理论的新认识 [Новое понимание теории

формирования человеческого капитала] // Цзин цзи сюэ цзя 经济学家 [Экономист]. 2014. Т. 11. Вып. 12. С. 33–41. [эл. доступ]. URL: http://jjxj.swufe.edu.cn/CN/Y2014/V11/I12/33 (дата обращения: 03.06.2023).
2. Батракова Л.Г. Эволюция научных взглядов на понятие «человеческие ресурсы» и его современная специфика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 6. № 2. С. 46–68.
3. Иванова О.Э. Управление человеческими ресурсами: концепция и методология оценки: учебно-методическое пособие / О.Э. Иванова, Д.Н. Корнеев, Н.Ю. Корнеева. Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2018. 145 с.
4. Лопатина И.Ю., Ларионова Д.О. Управление воспроизводством человеческих ресурсов на региональном уровне // Сфера услуг: инновации и качество. 2019. № 43. С. 70–81.
5. Человеческие ресурсы в американском менеджменте // Секреты и советы: [сайт]. URL: www.secreti.info/p58m.html (дата обращения: 21.05.2023).
6. Тянь Цзинцзин 田菁菁. Куа го ци е цюань цю цай у гун сян дэ фэн сянь гуань ли янь цзю- и хэй эр ти туань вэй ли 跨国企业全球财务共享的风险管理研究-以海尔集团为例 [Исследование по управлению рисками глобального финансового разделения многонациональных предприятий на примере Haier Group]. Ханчжоу 杭州: Хан чжоу дянь цзы кэ цзи да сюэ 杭州电子科技大学 [Университет Ханчжоу электронных наук и технологий]. 2019.
7. Чжао Исюань 赵宜萱, Чжао Шумин 赵曙明, Луань Цзяжуй 栾佳锐. Цзи юй жэнь гун чжи нэн дэ жэнь ли цзы юань гуань ли ли лунь мо синъюй янь цзю чжань ван 基于人工智能的人力资源管理:理论模型与研究展望 [Управление человеческими ресурсами на основе искусственного интеллекта: теоретическая модель и перспективы исследований] // Нань цзин шэ хуэй кэ сюэ 南京社会科学 [Нанкинский журнал социальных наук]. 2020. № 2. С. 36–43.
8. У Пэнсэн 吴鹏森. Чжун го дэ цзю е го цин чу лунь 中国的就业国情初论 [Предварительное обсуждение национальных условий занятости в Китае] // Нань цзин ши да сюэ бао шэ хуэй кэ сюэ бань 南京师大学报（社会科学版）[Журнал Нанкинского педагогического университета (социальные науки)]. 2000. № 6. С. 3–9.
9. (Чэнь Найсин 陈乃醒. Лунь цзин цзи фа чжань юй цзай цзю е гун чэн де цзе хэ дянь - гоу цзянь чжэнь син чжун сяо ци е де цзи чу хуань цзин юй ю хуэй чжэн цэ ти си 论经济发展与再就业工程的结合点———构建振兴中小企业的基础环境与优惠政策体系[О сочетании проектов экономического развития и восстановления занятости – создание базовой среды и системы преференциальной политики для оживления малых и средних предприятий] // Цзин цзи вэнь ти 经济问题 [Вопросы экономики]. 1999. № 2. С. 8–11.
10. Дин Цюй 丁蕖. Го ю ци е ся ган чжи гун цзай цзю е дэ чжанъай фэнь си 国有企业下岗职工再就业的障碍分析 [Анализ препятствий на пути повторного трудоустройства уволенных рабочих и служащих государственных предприятий] // Нань цзин да сюэ сюэ бао 南京大学学报 [Журнал Нанкинского университета]. 2000. № 6. С. 131–136.
11. Чжан Гэньмин 张根明. Ши у ши ци чжун го жэнь коу цзю е фа чжань тай ши юй чжэн цэ му бяо″十五″时期中国人口就业发展态势与政策目标[Ситуация в области

развития занятости населения и цели политики Китая в период «десятой пятилетки»] // Гай гэ 改革 [Реформа]. 2000. № 4 С. 16–22.
12. Цай Шуйчжэнь 蔡水珍, Ло Сяньжан 罗贤让, Ло Мушуй 罗木水, Цзинь Хун 金宏. Дуй во го сянь цзе дуань чжи гун дуй ву цзи бэнь чжуан куан дэ янь цзю 对我国现阶段职工队伍基本状况的研究 [Исследование положения коллектива рабочих и служащих в Китае на современном этапе] // Цзян си шэ хуэй кэ сюэ 江西社会科学 [Социальные науки Цзянси]. 2000. № 9. С. 116–120.
13. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал – интенсивный социально-экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности: научный доклад. М.: Высшая школа экономики, 2011. 28 с.
14. Жуджунь Дин, Ковалев М.М., Новик В.В. Феномен экономического развития Китая: Научное издание. Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. 446 с.
15. 3–1 Gross Domestic Product. China Statistical Yearbook, 2020 // National Bureau of Statistics of China: [сайт]. URL: http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2020/indexeh.htm (дата обращения: 06.07.2023).
16. Сафронова Е.И. Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 18–35.
17. Джан Л., Чен С. Цифровая экономика Китая: возможности и риски // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 2. С. 275–303. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-02-11.
18. Пинъюй цзинь жэнь си цзинь пин дэ сань нун гуань “平语”近人——习近平的“三农观” [Взгляд Си Цзиньпина на сельское хозяйство, сельскую местность и фермеров]. 29.12.2015 // Синьхуа Ван 新华网 [Новости Синьхуа]: [сайт]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-12/29/c_1117601781.htm (дата обращения: 10.06.2023).
19. Чжунъян нун цунь гун цзо хуэй и цзай цзин чжао кай си цзинь пин дуй цзо хао сань нун гун цзо цзо чу чжунъяо чжи ши 中央农村工作会议在京召开习近平对做好“三农”工作作出重要指示 [В Пекине прошла Центральная конференция по сельскохозяйственной деятельности, на которой Си Цзиньпин дал важные указания по добросовестному выполнению работы в «трех сельских» районов]. 26.12.2021 // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжунъян жэнь минь чжэн фу 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР]: [сайт]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-12/26/content_5664691.htm (дата обращения: 10.06.2023).
20. Си Цзиньпин в своем выступлении на ПМЭФ подчеркнул важность устойчивого развития и совместного построения более процветающего и прекрасного мира. 10.06.2019 // Портал «Один пояс, один путь»: [сайт]. URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/news/93285.htm (дата обращения: 20.06.2023).
21. Гао Ф. Совершенствование системы управления человеческими ресурсами китайской народной республики как фактора достижения устойчивого развития: диссертация ... кандидата Экономических наук: 08.00.14 / [Место защиты: Российский университет дружбы народов]. Москва, 2016. 216 с.
22. Чжочао Юй. Демографические факторы социально-экономического развития Китая // Экономическая теория. 2014. Т. 11. № 1. С. 85–91.

23. О проблемах в экономике Китая и перспективах 2023 года. 17.12.2022 // Фонд стратегической культуры. Электронное издание: [сайт]. URL: https://www.fondsk.ru/news/2022/12/17/o-problemah-v-ekonomike-kitaja-i-perspektivah-2023-goda.html (дата обращения: 22.06.2023).
24. Куприянова Ю.А., Янишевская А.И. Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья – два ребенка» // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 53–64. DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7103.
25. Чжочао Юй. Демографические факторы социально-экономического развития Китая // Экономическая теория. 2014. Т. 11. № 1. С. 85–91.
26. Ларионов Ал.В., Чиркова Е.Н., Ларионов Анд.В. Демографический вызов современному развитию Китая: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 5. С. 182–196.
27. Топ 10 самых больших стран мира по населению 2020, 2019. 27.01.2020 // Канал EURONEWS. Дзен Платформа: [сайт]. URL: https://dzen.ru/a/Xi7iIeMGLACwdKrj?sid=271720769109104462 (дата обращения: 10.12.2023).
28. Андреев Е. Удвоение Китая: чем обернется отмена правила «Одна семья – один ребенок». 11.11.2015 // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/opinions/society/11/11/2015/5642d7709a794773d004037d (дата обращения: 10.02.2021).
29. China Statistical Yearbook, 2015 // National Bureau of Statistics of China: [сайт]. URL: http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2015/indexeh.htm (дата обращения: 10.06.2023).
30. Киреев А.А. Демографическое измерение китайских реформ // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2016. № 17. С. 18–21.
31. Власти Китая отменяют политику «Одна семья – один ребенок». 29.10.2015 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]: URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2388807 (дата обращения: 11.06.2023).
32. Мозиас П.М. Урбанизация в Китае: прошлое и настоящее // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. № 1. С. 121–155.
33. Жэньминь Жибао on-line на русском языке: [сайт]. URL: http://russian.people.com.cn/ (дата обращения: 16.06.2023).
34. У Фэнган. Исследование устойчивого развития процесса урбанизации в Китае // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4. С. 165–170.
35. Красова Е.В., Ян Синьсю. Современные тенденции формирования человеческих ресурсов как фактора устойчивого развития экономики Китая // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2016. № 3(45). С. 205–220.
36. Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3(85). С. 61–83.
37. Дань Чжожань 单卓然, Хуан Япин 黄亚平. Синь син чэн чжэнь хуа гай нянь нэй хань му бяо нэй жун гуй хуа цэ люэ цзи жэнь чжи у цюй цзе си ″新型城镇化″概念内涵、目标内容、规划策略及认知误区解析 [Концептуальный смысл, целевое содержание, стратегия планирования и анализ когнитивного непонимания «новой

урбанизации»] // Чэн ши гуй хуа сюэ кань 城市规划学刊 [Журнал городского планирования]. 2013. № 02. С. 16–22.
38. 10 крупнейших интернет-компаний Китая в 2019 году. 28.08.2019 // Рамблер Новости: [сайт]. URL: https://news.rambler.ru/internet/42730590-10-krupneyshih-internet-kompaniy-kitaya-v-2019-godu/ (дата обращения: 02.07.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Ли Юаньсинь – старший преподаватель. Нанкинский университет наук и технологий.
E-mail: yuanxin.li@njust.edu.cn
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Li Yuanxin – Senior Lecturer. Nanjing University of Science and Technology.
E-mail: yuanxin.li@njust.edu.cn
The author declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023. Одобрена после рецензирования 27.08.2023. Принята 28.08.2023.
Received 31.07.2023. Approved after reviewing 27.08.2023. Accepted 28.08.2023.

научная статья
УДК: 314
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.10

Фактор этничности в репродуктивном поведении граждан Казахстана

Искакова Жулдызай ✉
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
✉ zhuldyzay89@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-7101-9783

Калашникова Наталья Павловна
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
nerush50@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7667-0383

Аннотация. *В демографической структуре населения Республики Казахстан за годы Независимости с 1991 по 2023 годы произошли значительные изменения. Значительно возросла доля казахов – с 40 до 70,7 процентов, а также увеличилась доля молодежи в общей структуре населения. Казахи как ключевая этническая группа в Казахстане стала определяющей в процессе воспроизводства численности населения. До 1990-х годов демографическое развитие определялось преимущественно неказахским населением. При этом этнодемографическая структура Казахстана по-прежнему остается сложной, в стране проживают представители более 120 этносов. Целью настоящей публикации является определение степени влияния фактора этничности на рождаемость в Казахстане. Для этого были изучены актуальные научные исследования об особенностях воспроизводства населения Казахстана, а также совокупность других факторов, влияющих на уровень рождаемости. Использован статистический и сравнительный анализ данных государственных органов, обзор экспертных оценок по вопросам репродуктивного поведения населения, представлено сравнение статистических данных других стран. Новизной в статье выступает систематизация наиболее актуальных трудов по теме, опубликованных за последние несколько лет, а также представление о том, что на процессы воспроизводства вместе с фактором этничности влияет и ряд других факторов. В частности, результаты статьи показывают, что на рождаемость влияет комплекс условий, включающих социально-экономическое состояние, религиозные установки и другие. При этом этничность также выступает одним из главных факторов, определяющих репродуктивное поведение. Проанализированы современные тенденции демографического развития Казахстана, а также описаны особенности текущего этнодемографического развития Казахстана.*

***Ключевые слова*:** Казахстан; рождаемость; установки; воспроизводство; население

***Финансирование*:** Статья подготовлена в рамках проекта Жас ғалым Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № AP13268911).

***Для цитирования*:** Искакова Ж., Калашникова Н.П. Фактор этничности в репродуктивном поведении граждан Казахстана // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 149–168. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.10

© Искакова Ж., Калашникова Н.П., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 314
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.10

The Factor of Ethnicity in the Reproductive Behavior of Citizens of Kazakhstan

Zhuldyzay Iskakova ✉
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
✉ zhuldyzay89@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-7101-9783

Nataliya P. Kalashnikova
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan
nerush50@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7667-0383

Abstract. *Significant changes have taken place in the demographic structure of the population of the Republic of Kazakhstan during the years of Independence from 1991 to 2023. The share of Kazakhs has increased significantly – from 40 to 70.7 percent, and the share of young people in the total population structure has also increased. Kazakhs as a key ethnic group in Kazakhstan have become decisive in the process of population reproduction. Until the 1990s, demographic development was determined mainly by the non-Kazakh population. At the same time, the ethnodemographic structure of Kazakhstan remains complex, representatives of more than 120 ethnic groups live in the country.*

The purpose of this publication is to determine the degree of influence of the ethnicity factor on the birth rate in Kazakhstan. For this purpose, current scientific research on the peculiarities of reproduction of the population of Kazakhstan, as well as a set of other factors affecting the birth rate were studied. Statistical and comparative analysis of government data, a review of expert assessments on reproductive behavior of the population were used, and a comparison of statistical data from other countries was presented.

The novelty in the article is the systematization of the most relevant works on the topic published over the past few years, as well as the idea that a number of other factors affect the reproduction processes along with the ethnicity factor. In particular, the results of the article show that the birth rate is influenced by a set of conditions, including socio-economic status, religious attitudes and others. At the same time, ethnicity also acts as one of the main factors determining reproductive behavior. The modern trends of demographic development of Kazakhstan are analyzed, as well as the features of the current ethnodemographic development of Kazakhstan are described.

Keywords**:** Kazakhstan; fertility; installations; reproduction; population

Funding**:** The article was prepared within the framework of the Zhas galym project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant no. AP13268911).

For citation**:** Iskakova, Z., Kalashnikova, N.P. The Factor of Ethnicity in the Reproductive Behavior of Citizens of Kazakhstan. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 149–168. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.10

© Iskakova, Z., Kalashnikova, N.P., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Согласно данным официальной статистики на начало 2023 г. в Казахстане проживало 19 766 807 человек. Из них доминирующее большинство представляют казахи – более 70,7% населения [1].

Современный этнический состав обусловлен во многом значительной миграционной убылью, начавшейся в 1990-е гг., а также увеличением естественного прироста населения с начала 2000-х гг. и другими факторами, включая возвращение этнических казахов на историческую родину.

Значительное сокращение смертности и высокая рождаемость стали причиной резкого роста населения к 2020-м гг. Например, в 2020 г. родилось рекордное количество детей – 426 824 ребенка, суммарный коэффициент рождаемости при этом составил 22,8. При этом почти 65% происходило за счет рождения четвертых по очередности детей и 24% за счет пятых [2]. В 2021 г. рост рождаемости стал еще выше и суммарный коэффициент составил 23,5, количество рождений достигло 446 491 детей [1]. К 2023 г. численность населения Казахстана приблизилась к 20 млн человек, что стало наиболее высоким показателем за все годы Независимости.

Таблица 1.

Наиболее крупные этносы в Республике Казахстан [3, с. 11]

№ п/п	Все население	2023	1999	1989
		19 766 807	**14 953 126**	**16 199 154**
1.	Казахи	13 965 957 (70,7%)	7 985 039 (53,4)	6 496 858 (40,1)
2.	Русские	3 000 611 (15,2%)	4 479 618 (30,0)	6 062 019 (37,4)
3.	Украинцы	380 226 (2%)	547 052 (3,7)	875 691 (5,4)
4.	Узбеки	643 363 (3,3%)	370 663 (2,5)	331 042 (2,0)
5.	Немцы	225 345 (1,1%)	353 441 (2,4)	946 855 (5,8)
6.	Татары	219 153 (1,1%)	248 952 (1,7)	320 747 (2,0)
7.	Уйгуры	297 138 (1,5%)	210 339 (1,4)	181 526 (1,1)
8.	Белорусы	-	111 926 (0,7)	177 938 (1,1)
9.	Корейцы	119 822 (0,6%)	99 657 (0,7)	100 739 (0,6)
10.	Азербайджанцы	150 440 (0,8%)	78 295 (0,5)	88 951 (0,5)

В таблице 1 приведены сведения по этнической структуре Казахстана. Статистические данные показывают, что к 2023 г. состав крупных этнических групп существенно не поменялся. Изменилась пропорциональная представленность. Значительно сократился удельный

вес русских, украинцев, немцев, татар. Почти вдвое выросла численность узбеков, азербайджанцев, корейцев. В этой связи особый интерес представляет дальнейшее демографическое и этнодемографическое развитие Казахстана. Одним из факторов развития служит воспроизводство в разрезе этносов Казахстана. В этой связи, целью статьи выступает изучение степени влияния фактора этничности на рождаемость в Казахстане в общей совокупности других, не менее важных условий репродуктивного поведения.

В качестве объекта исследования рассматриваются крупные этносы Республики Казахстан, предметом научного интереса выступает репродуктивное поведение этнических групп Казахстана.

Для подготовки статьи был проведен статистический анализ данных государственных органов, обзор экспертных оценок по вопросам репродуктивного поведения населения этнических групп Казахстана.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках изучения фактора этничности на репродуктивные установки граждан Казахстана были рассмотрены актуальные отечественные исследования по данной теме, текущие условия демографического развития страны, другие определяющие факторы рождаемости, а также мировые тенденции демографического развития. Анализ указанных научных направлений позволяет определить роль этнического фактора в современном демографическом строительстве Казахстана.

Современные тенденции демографического развития Казахстана: отечественная база данных

В Казахстане ежегодно проводятся десятки научных исследований, направленных на характеристику и прогноз демографической ситуации, в том числе для своевременного реагирования на социальные, экономические и культурные вызовы и угрозы. При этом в казахстанском дискурсе часто поднимается тема демографической нагрузки, нетрадиционных репродуктивных установках, проблеме «молодежного бугра», сохранении этнической палитры и другие.

На системной основе изучением демографического развития занимаются несколько научно-исследовательских центров, среди которых: Казахстанский институт общественного развития (национальный доклад «Казахстанские семьи»), научно-исследовательский центр «Молодежь» (национальный доклад «Молодежь Казахстана»), научно-исследовательский центр «Алтайтану» (проекты «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан», «Региональные особенности репродуктивного поведения городских казашек: тенденции и перспективы») и другие.

Обзор национальных докладов о семье за 2019–2022 гг. показал сохранение роста темпов рождаемости в Казахстане. Это существенно отличается от глобального тренда снижения коэффициента рождаемости во многих странах мира. При этом существуют различия в воспроизводстве среди этнических групп. К примеру, коэффициент рождаемости более высокий у казахского этноса, в то время как у русских и представителей других этнических групп более низкие показатели.

В промежуточном отчете по проекту «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан» обозначается, что во второе меж переписное десятилетие (1999–2009 гг.) «демографическое влияние европейских этнических групп, более века воздействовавших на динамику численности населения Казахстана, к 2009 году стало минимальным» [4, с. 20]. По мнению авторов, с этого времени активно идет процесс, детерминируемый внутренними факторами, и складывается суверенная демографическая система, которая основывается на социально-экономических и других предпочтениях казахского этноса [4, с. 24].

Международные организации в Казахстане также проводят исследования по вопросам народонаселения. В ситуационном отчете ЮНФПА [1] «Анализ положения в области народонаселения Республики Казахстан» от 2020 г., утверждается, что доля казахов в общей численности населения Казахстана значительно повышается. Заметным показатель стал в период между переписями населения 1999 и 2009 гг., когда ситуация изменилась с 53,48% до 63,07% [5, с. 21].

[1] UNFPA – Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения.

Отдельные независимые институты широко исследуют вопросы репродуктивно поведения, в том числе через призму обеспечения гендерного равенства. В монографии «Некоторые вопросы гендерного развития Казахстана», подготовленной общественным фондом «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», отмечается, что одним из первостепенных факторов, влияющих на репродуктивное поведение, выступает социально-экономическая характеристика семьи. Отмечается при этом, что этничность и местность проживания также оказывают влияние на практику полового воспитания детей [6].

Демографы А. Алексеенко и Ж. Аубакирова рассматривают комплекс демографических компонентов как с точки зрения характеристики процессов, так и вопросов национальной безопасности. Их исследования различных аспектов демографической системы отмечают уникальность опыта Казахстана на постсоветском пространстве. Это обуславливается рядом таких причин как имеющиеся социокультурные установки, соотношение этносов и рост рождаемости среди казахов. В учебном пособии «Этнодемографические процессы в Казахстане» систематизируются и актуализируются проблемы этнодемографических явлений с учетом современного социального контекста [7].

В своей другой статье «Этнические особенности воспроизводства населения Казахстана, (19799–1999)» Ж. Аубакирова отмечает значимость этнического фактора в процессе воспроизводства населения. Автор подчеркивает актуальность этнического подхода в изучении процессов воспроизводства населения Казахстана. Отмечается, что влияние возрастает ввиду общей тенденции устойчивости этносов во времени [8].

В целом, обзор актуальной исследовательской базы показывает, что в Казахстане проводятся системные исследования демографического развития, в том числе и с учетом влияния этнического фактора на процессы воспроизводства.

Особенности текущего этнодемографического развития

В Казахстане в последние несколько лет наблюдается рост рождаемости, пик которого был достигнут в 2021 г. – общий коэффициент рождаемости составил 23,5. Уже в 2022 г. показатель снизился и составил 20,6. Между тем, при рассмотрении национального состава рожденных

детей превалируют представители казахского этноса, что обосновано современными демографическими показателями роста казахского населения и миграционными потерями других этнических групп. Актуальный национальный состав детей представлен на основе итогов переписи населения 2009 г. (рис. 1).

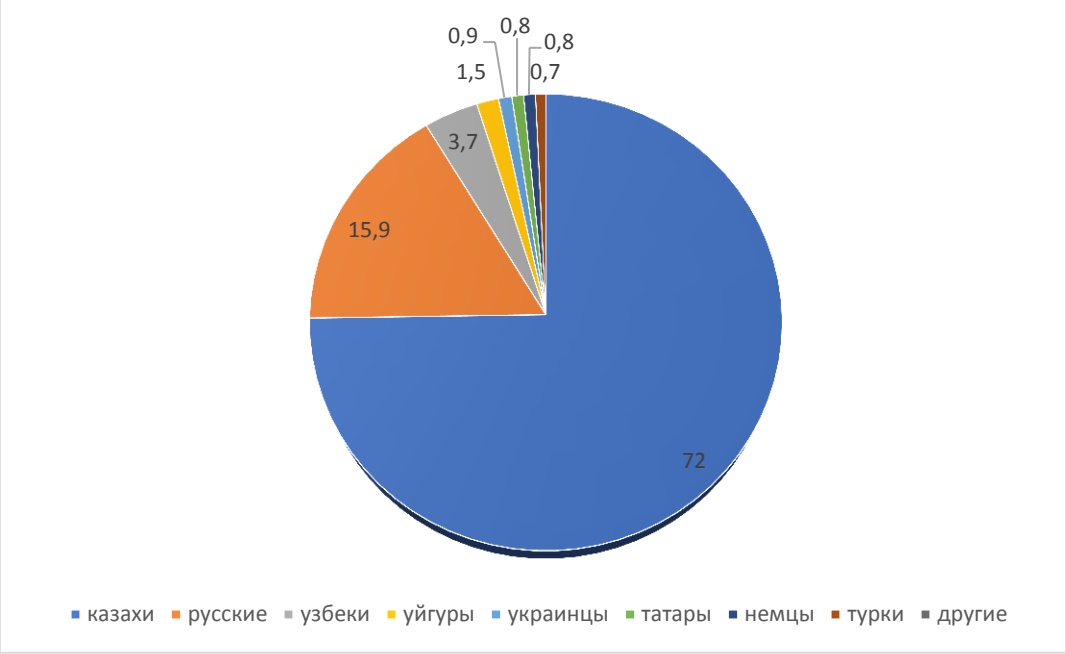

Рис. 1. Национальный состав детей в 2009 г., в % [1]

В сравнительном аспекте два наиболее крупных этноса в Казахстане – русские и узбеки имеют схожие репродуктивные поведенческие паттерны, что их этнические представители на исторических территориях в России и Узбекистане.

Согласно официальным данным суммарный коэффициент рождаемости в России имеет длительную тенденцию к снижению. Если в 1990 г. коэффициент составлял 1,892 на одну женщину, то к 2020 г. он стал составлять 1,505 [9]. В то же время в Казахстане удельный вес русского этноса с 1989 по 2023 гг. сократился вдвое. Решающую роль здесь сыграло отрицательное сальдо миграции русского населения после распада СССР и обретения независимости Казахстаном. Численность русских в Казахстане сократилась с 6,23 млн. человек в 1989 г. до 3,43 млн. в начале 2022 г., почти на 2,8 млн. человек [10].

Численность узбеков в Казахстане за более чем двадцать лет выросла вдвое с 370 663 человека в 1999 г. до 643 363 человека на начало

2023 г. В Узбекистане количество населения превысило 36 млн. человек, с 2000 г. естественный прирост составил порядка 12 млн. человек. Общий коэффициент рождаемости чуть выше казахстанского показателя и в 2022 г. был равен 21,4. В результате, сегодня Узбекистан занимает лидирующее демографическое положение на постсоветском пространстве и имеет значительный запас «демографического дивиденда».

Количество прибывших этнических узбеков в Казахстан в январе-марте 2023 г. составляло 4,6% к общему числу иммигрантов, что ниже показателей за аналогичный период 2022 г. (5,4%) [1]. В свою очередь, основная доля выбывших из Узбекистана приходится на Казахстан (6985 человек, 79,5%). Далее идут Россия (16,4%), Кыргызстан (0,7%), Таджикистан (0,5%), Туркменистан (0,3%) и другие страны (2,6%) [11, с. 21].

По прогнозам ООН, к 2050 г. в Казахстане будет проживать 24-25 млн. человек [12]. Однако в Казахстане практически отсутствуют форсайт и экспериментальные исследования по дальнейшему демографическому развитию страны с точки зрения этнической, возрастной и половой палитры. В этой связи следует подчеркнуть, что при имеющихся характеристиках этнодемографического развития страны есть вероятность, что сохранение текущих темпов рождаемости внутри казахского этноса и миграционные потери среди неказахского населения могут привести к формированию моноэтнической структуры населения.

Факторы, определяющие репродуктивное поведение

Рождаемость является главным стратегическим элементом изменения численности населения Казахстана. При сборе данных о рождаемости обычно применяются три метода, включающих перепись населения, регистрацию актов гражданского состояния, а также обследование домохозяйств [13]. Большинство стран при формулировании национальной статистики признают фактор взаимодополняемости и используют все три метода.

Уникальность демографической структуры Казахстана ученые связывают с особенностями исторического и этнокультурного развития. Исходя из современных тенденций рождаемости, можно выделить некоторые условные группы факторов, оказывающие качественное

влияние на репродуктивное поведение населения Казахстана: социально-экономические, этнокультурные и конфессиональные.

Урбанизация становится одним из определяющих социально-экономических факторов, влияющих на репродуктивные и семейные установки. По состоянию на конец 2022 г. в Казахстане в малых и больших городах проживало 61,5%. С каждым годом сокращается доля сельского населения. Главными центрами притяжения внутренних мигрантов остаются три города республиканского значения – Астана, Алматы, Шымкент. Также сельские жители переезжают в крупные города регионов (табл. 2).

Таблица 2.

Общий коэффициент рождаемости на 1000 чел. в регионах (январь-декабрь 2022 г.) [17]

№ п/п	**Республика Казахстан**	**20,3**
1.	г. Астана	22,9
2.	г. Алматы	16,9
3.	г.Шымкент	27,1
4.	Абайская область	17,7
5.	Акмолинская область	14,7
6.	Актюбинская область	20,9
7.	Алматинская область	23,4
8.	Атырауская область	25,0
9.	Восточно-Казахстанская область	**13,0**
10.	Жамбылская область	22,0
11.	Жетысуская область	20,2
12.	Западно-Казахстанская область	18,3
13.	Карагандинская область	14,8
14.	Костанайская область	**12,4**
15.	Кызылординская область	25,1
16.	Мангистауская область	28,5
17.	Павлодарская область	14,1
18.	Северо-Казахстанская область	**11,0**
19.	Туркестанская область	27,7
20.	Улытауская область	20,7

В книге экономиста Рутгера Брегмана «Утопия для реалистов: как построить идеальный мир» описывается эксперимент с базовым доходом в Канаде по названию «Минком». Суть проекта, проведенного в 1973 г. в городе Дофин, заключалась в предоставлении гарантированного базового дохода, не позволяющего семьям упасть ниже черты бедности. Участникам эксперимента ежемесячно приходил по почте чек. Эксперимент предполагал, что наличие ежегодного дохода у простых

семей, позволит заводить им большие семьи. Однако вышло иначе: «молодые стали позже жениться, рождаемость снизилась, при этом их успеваемость в вузах существенно улучшилась» [15, с. 57].

Таким образом, потребность в детях в определенной степени уступает экономическим и личностным нуждам, Казахстан – не исключение. В результате в 2022 г. общий коэффициент рождаемости в городах составил 19,9, а в сельской местности – 21,6 [1]. При этом процесс урбанизации существенно сдвинул средний возраст матерей в городах – 31,9 лет. В целом в 2022 г. 55,9% удельного веса родившихся младенцев приходится на матерей, возраст которых от 25 до 34 лет [1]. Семейно-бюджетное планирование приводит к рождению более поздних «отложенных» детей. В крупных городах Китая сейчас в среднем приходится на женщину 0,7–1 ребенок [16].

В то же время показатели рождаемости в регионах Казахстана различны. Этнокультурный компонент при этом имеет значение. Так как наиболее высокие коэффициенты рождаемости фиксируются в областях, где проживает в основном казахское население. В частности, по состоянию на январь–март 2023 г. высокие уровни рождаемости отмечены в Мангистауской (26,31 человек на 1000 населения), Туркестанской (25,59) областях и городе Шымкент (24,37) [1]. Высокий уровень рождаемости на юге и западе страны обусловлен, в том числе, большим количеством экономически активного населения страны и молодежи.

Значительно отстают по показателю рождаемости северные и восточные регионы страны, где структура населения этнически более разнообразная.

Результаты исследования Фонда «Стратегия» показывают, что этнический фактор имеет воздействие на репродуктивные установки. Например, отмечается, что казахи предпочитают заводить первого ребенка в возрасте 20–24 лет; русские, горожане, жители севера и северо-востока отмечают период после 25 лет; представители других этнических групп – от 15 до 19 лет [6].

По мнению казахстанских экспертов, в семейной структуре казахов происходят качественные изменения, выраженные в переходе с многочисленной/многодетной (6 и более детей) на среднедетную (4 и более детей) семью. Большинство опрошенных согласны, что дети

являются обязательным условием для семьи, при этом их количество должно быть запланировано посредством обоюдного согласия супругов. При этом представители южного региона чаще выступали против планирования количества детей в семье [6]. То есть на юге Казахстана с доминирующим казахским населением сильны традиционные семейные установки на многодетность.

В Узбекистане также меняются установки на рождаемость, где по официальным данным статистики, по состоянию на январь-май 2022 г. 75,3% домохозяйств имеют детей в возрасте до 16 лет. Из которых: семьи с одним ребенком – 23,3 %; двумя детьми – 26,3 %; тремя детьми – 18,3 %; четырьмя и более детьми – 7,4 %. По данным опроса, 24,7% домохозяйств не имеют детей в возрасте до 16 лет [18].

Кроме того, произошла серьезная трансформация традиционных семейных практик казахов. Ранее сразу три поколения проживали вместе. Сегодня молодые семьи стремятся в большие города. Вероятно, в силу различных факторов меняется их восприятие традиционного семейного поведения. В результате нарушаются прежние социальные установки и каждое поколение живет отдельно друг от друга.

Изменение традиционных ценностных установок казахов на рождаемость и институт семьи окажет серьезное давление на демографическое развитие страны в среднесрочной перспективе, так как в брачный и детородный возрасты вступило малочисленное поколение рожденных в 1990-е годы. Что касается основных крупных этносов в Казахстане, то стоит предположить, что определенная часть будет реализовывать себя в новых условиях национального развития. Другая часть продолжит способствовать сохранению текущих темпов образовательной и трудовой миграции.

Помимо этнического признака демографического развития не менее важное место в установках на рождаемость занимает религиозное содержание. Сегодня религия играет значимую роль в современном обществе. И как следствие, фактор вероисповедания оказывает значительное влияние на репродуктивное поведение. К примеру, в США в 2021 г. отмечается высокая рождаемость в религиозных еврейских семьях, где на женщину приходится 6,6 ребенка. На втором месте, семьи,

говорящие на пенсильванском немецком – 6,2 ребенка [19]. Оба показателя, как отмечается, это – эффект авторитета религиозных общин.

Влияние фактора религиозности на рождаемость наглядно демонстрируется в исследовании Михаэля Блума из Гейдельбергского университета. В качестве объектов изучения стали 82 страны мира и отдельно Германия, в период с 1981 по 2004 гг. В Германии у взрослых, посещающих часто церковь (чаще, чем раз в неделю), в среднем приходилось 1,98 детей, а у атеистов – 1,39. В целом по миру у религиозных людей – по 2,5 ребенка, у нерелигиозных – 1,67 [20].

В Казахстане сегодня главным национальным фундаментом выступает казахский этнос, то есть мусульманское большинство. По данным переписи 2021 г., 69,3% заявили о своей принадлежности к исламу. Практические религиозные формы широко используются в социальной жизни. Так, при заключении брака совершается мусульманский обряд – никях. Также воздействие религиозных предпочтений можно в определенной степени проследить в популярности имен для новорожденных детей. По данным официальной статистики, в 2022 г. самым популярным именем для девочек стало – Медина, для мальчиков – Рамазан [21].

В сравнительном аспекте учитывая, важность таких условий как экономическое поведение, религиозные убеждения при формировании установок на рождаемость, отмечается определяющая роль этнического компонента. Высокие темпы рождаемости фиксируются в регионах с преобладающим казахским населением, где более выражены традиционные семейные и репродуктивные установки.

Сегодня этническое самосознание как совокупность различных социокультурных компонентов – язык, история, традиции – выступает в роли ключевого фактора сохранения демографического потенциала страны. В более широком смысле этническая идентичность, в том числе с точки зрения установок на рождаемость и планирование семьи, обеспечивает современность и будущность государства в целом.

Обсуждение полученных результатов и мировые тенденции демографического развития

В мире наблюдается два противоположных демографических тренда. С одной стороны, спад рождаемости и старение наций в большинстве

развитых стран. С другой, высокие показатели воспроизводства населения в развивающихся и бедных государствах.

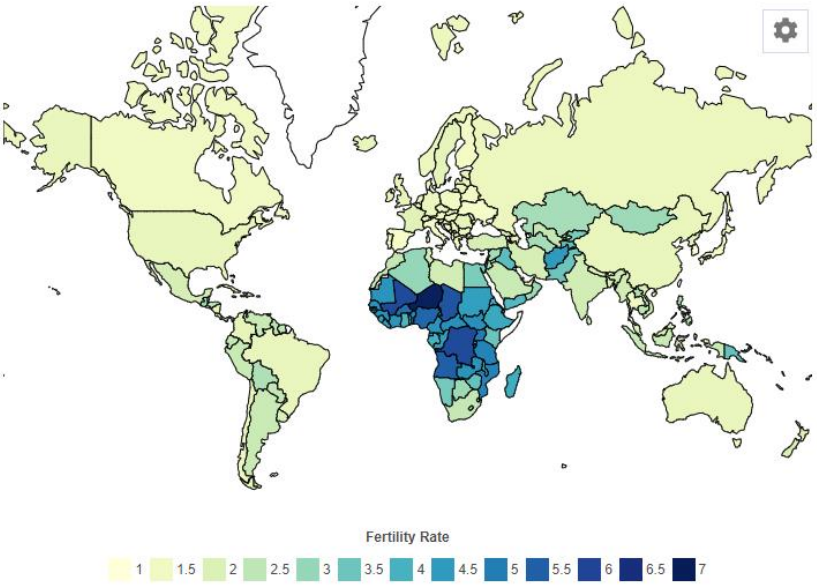

Рис. 2. Общий коэффициент рождаемости в мире [22]

На предложенной карте наиболее высокий коэффициент рождаемости (от 6 до 7 детей на женщину) фиксируется в неблагополучных странах Африки как Нигер, Чад, Мали, Демократическая Республика Конго, Нигерия.

Между тем, на протяжении многих лет Китай был самой населенной страной в мире. В 2022 г. население республики за более чем 60 лет впервые сократилось [23]. С 1980 по 2015 г. в Китае действовала политика «одна семья - один ребенок». В 2016 г. власти разрешили иметь до двух детей, в 2021 – до трех. Однако страна продолжает сталкиваться с низкими показателям воспроизводства и вынуждена идти на некоторые крайние меры. В 2022 г. Национальная комиссия здравоохранения Китая объявила о введении частичного запрета на аборты. Китайские депутаты предложили ограничить рабочий день молодежи. Кроме того, меняется политика в отношении матерей-одиночек, которым ранее отказывали в государственной поддержке, а в некоторых провинциях юридически запрещалось регистрировать незаконнорожденных детей. Теперь власти пытаются проводить инклюзивную демографическую политику.

Таким образом, в экономически развитых государствах в вопросах повышения темпов рождаемости на первый план выходит

правительственная система поддержки. В этом контексте примечателен опыт Франции, где сегодня суммарный коэффициент рождаемости колеблется между 1,8 и 1,9 детей на одну женщину. Данный показатель один из самых высоких в Европе. Отмечается, что значительное место в социальной политике Франции занимает реализуемая система поддержки семей с детьми [24, с. 68], т.е. меняется отношение к институту семьи в целом.

Отдельно следует выделить исследования, где изучается влияние фактора гендерного равенства на темпы рождаемости. В частности, французский демограф Жан-Клод Шене своей статье отмечает, что «расширение прав и возможностей женщин защищает от очень низкой рождаемости: несмотря на сокращение бюджета на социальную защиту семьи, шведский коэффициент рождаемости остается выше (1,6 в 1996 г.), чем итальянский или испанский. Это парадокс феминизма в развитых обществах» [25, с. 91]. Таким образом, можно говорить о том, что качественная социальная политика и обеспечение гендерного равенства в совокупности могут стать наиболее эффективными инструментами демографической политики.

Заключение и выводы

Анализ представленных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Установки на рождаемость – это комплексный процесс, состоящий из различных взаимодополняющих подсистем. Они выражаются в этнической и религиозной идентичности, современном экономическом поведении, эффективной социальной политике. При этом характер современного демографического развития страны определяется в большей степени этническим фактором.

Второе. В Казахстане накоплен уникальный демографический опыт, который был обусловлен историческими, культурными и социальными процессами. При этом значительные трансформации произошли в течение одного поколения. До 1989 г. в советский период развития демографический потенциал страны определялся неказахским населением. После обретения независимости в 2009 г. казахский этнос существенно изменил демографическую картину страны.

Третье. Результаты ряда научных исследований утверждают, что за годы независимости казахский этнос закрепился как главный фундамент национального строительства страны. Это произошло за счет высокого роста рождаемости среди казахов и масштабными миграционными потерями внутри европейских этносов. Этнические, религиозные и традиционные семейные установки будут продолжать оказывать влияние на высокую рождаемость.

Четвертое. Естественный прирост населения продолжится за счет высоких коэффициентов рождаемости и низкой смертности. Однако данные тенденции, по всей вероятности, могут сохраниться лишь в краткосрочной перспективе, так как уровень урбанизации, изменение ценностных установок на репродуктивное поведение оказывают серьезное давление на высокую рождаемость. Уже сегодня наблюдается увеличение среднего возраста при вступлении в брак и при рождении первого ребенка.

Пятое. В стране качественный состав крупных этнических групп не претерпел значительной трансформации. В то же время сократился удельный вес европейских национальностей и выросли количественно азиатские этнические группы узбеков, корейцев. При этом в вопросе воспроизводства такие ключевые этносы как русские и узбеки имеют те же поведенческие формы, что и их представители на исторических территориях.

Шестое. Вероятно, миграция европейских этносов продолжится и при их низких показателях рождаемости. Казахстан в долгосрочной перспективе может присоединиться к так называемым странам с моноэтнической структурой, стать такой страной как Япония, Южная Корея.

Седьмое. Сегодня практически все развитые и развивающиеся страны мира сталкиваются с такими серьезными демографическими проблемами как снижение коэффициента рождаемости, старение населения, изменение традиционных репродуктивных и семейных установок. В этом контексте расширяется роль государства в регулировании процесса воспроизводства в целях сохранения национального кода и человеческого капитала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Численность населения Республики Казахстан (на начало 2023 г.) // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан: официальные данные: [сайт]. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/socialtatistics/demography/publications/6373/?sphrase_id=102981 (дата обращения: 10.06.2023).

2. Рост рождаемости в Казахстане в 2020 году был вызван введением пособия по многодетности – эксперты ЦРТР. 01.11.2021 // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/277743?lang=ru, (дата обращения**:** 10.06.2023).

3. Краткие итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник. Под редакцией А.А. Смаилова. Алматы, 1999. 211 с.

4. Промежуточный отчет по проекту «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан». Усть-Каменогорск, 2020. 59 с.

5. Анализ положения в области народонаселения Республики Казахстан». ЮНФПА в Казахстане, 2020 г. [эл. доступ]. URL: https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Steel%20Blue%20Right%20Triangles%20Social%20Media%20Report%20%282%29-merged.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

6. Некоторые вопросы гендерного развития Казахстана / Под общей редакцией Г. Илеуовой. Алматы: Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», 2023. 272 с.

7. Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С. Этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы: Эверо, 2019. 180 с.

8. Аубакирова Ж.С. Этнические особенности воспроизводства населения Казахстана (1979–1999 гг.) // Демоскоп Weekly: [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit05.php (дата обращения: 12.06.2023).

9. Суммарный Коэффициент Рождаемости. Демографический ежегодник России. 2021: Стат.сб. Д 31 Росстат. М., 2021. 256 с.

10. Соколов А. Как русские стали «малым народом» в Казахстане. 16.01.2022 // Ведомости: [сайт]. URL: vedomosti.ru/society/articles/2022/01/17/904990-kak-russkie-stali-malim-narodom (дата обращения :11.06.2023).

11. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан. Январь–декабрь 2022 года // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. URL: https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/34141-demografik-holat-2022-yil-yanvar-sentabr-3 (дата обращения: 12.06.2023).

12. «We, Kazakhstan». Population Situation Analysis of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan, 2019. Available at https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/07_FEB_UNFPA_Report_20pager_ENG_PREVIEW%20%281%29_0.pdf (accessed: 12.06.2023).

13. Руководство по сбору данных о рождаемости и смертности: методологические исследования. Серия F. № 92. Нью-Йорк. Организация Объединенных Наций, 2005. 140 с. [эл. доступ]. URL: https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/Standards-and-Methods/files/Handbooks/fertility-and-mortality/SeriesF_92-R.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

14. Мегаполисы остаются центрами притяжения для внутренних мигрантов. Регионы показывают стабильный миграционный отток. 14.03.2023 // Ranking.kz: [сайт]. URL: https://ranking.kz/digest/regions-digest/megapolisy-ostayutsya-tsentrami-prityazheniya-dlya-vnutrennih-migrantov-regiony-pokazyvayut-stabilnyy-migratsionnyy-ottok.html (дата обращения: 19.06.2023).
15. Брегман Р. Утопия для реалистов: как построить идеальный мир. Москва: Альпина Паблишер, 2020. 360 с.
16. Gender imbalance of China's one-child policy generation. 07.03.2023. *Landgeist*. Available https://landgeist.com/2023/03/07/gender-imbalance-of-chinas-one-child-policy-generation/ (accessed: 13.06.2023).
17. После «пандемийного» беби-бума 2020–2021 годов рождаемость в Казахстане снизилась. 16.05.2023 // ranking.kz: [сайт]. URL: https://ranking.kz/reviews/regions/posle-pandemiynogo-bebi-buma-2020-2021-godov-rozhdaemost-v-kazahstane-snizilas.html (дата обращения: 12.06.2023).
18. Сеитов А.П., Уразалиева Г.Б. Этно-демографические особенности института семьи в Узбекистане // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 3. С. 332–340. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etno-demograficheskie-osobennosti-instituta-semi-v-uzbekistane (дата обращения: 23.07.2023).
19. Fertility rates by race / ethnicity: United States, 2018-2020 Average. March of Dimes. PeriStats™. Available at https://www.marchofdimes.org/peristats/data?reg=99&top=2&stop=4&lev=1&slev=1&obj=1 (accessed: 23.06.2023).
20. Blume, M. The Reproductive Benefits of Religiosity. Empirical Findings of Religion, Reproduction and Female Choice Towards a Sociobiology of Religion // International Conference "Trans-Cultural Universals: Biological evolution of religiosity". September 27–30, 2007. Available at http://www.blume-religionswissenschaft.de/pdf/ReproductiveBenefitsReligiosityBlume2007.pdf (accessed: 20.06.2023).
21. Названы самые популярные имена новорожденных в Казахстане. 04.05.2023 // Tengri Life: [сайт]. URL: https://tengrinews.kz/curious/nazvanyi-samyie-populyarnyie-imena-novorojdennyih-kazahstane-498109/# (дата обращения: 02.07.2023).
22. Total Fertility Rate 2023. World Population Review. Available at https://worldpopulationreview.com/country-rankings/total-fertility-rate (accessed: 29.06.2023).
23. Население Китая в 2022 г. сократилось впервые за 60 лет. 17.01.2023 // Сетевое издание Интерфакс.ру: [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/world/880978, (дата обращения: 01.07.2023).
24. Волан С., Пизон Ж., Эран Ф. Рождаемость во Франции – самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 118–126. [эл. доступ]. URL: https://demreview.hse.ru/article/view/10823/12140 (дата обращения: 03.07.2023).
25. Chesnais J.-C. Below-Replacement Fertility in the European Union (EU-15): Facts and Policies, 1960–1997. *Review of Population and Social Policy.* 1998. №. 7. P. 83–101. Available at https://www.ipss.go.jp/publication/e/R_S_P/No.7_P83.pdf (accessed: 13.06.2023).

REFERENCES

1. Chislennost' naselenija Respubliki Kazahstan (na nachalo 2023 g.) [Population of the Republic of Kazakhstan (at the beginning of 2023)]. *Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan: oficial'nye dannye*. Available at https://stat.gov.kz/ru/industries/socialtatistics/demography/publications/6373/?sphrase_id=102981 (accessed: 10.06.2023). (In Russ.).

2. Rost rozhdaemosti v Kazahstane v 2020 godu byl vyzvan vvedeniem posobija po mnogodetnosti – jeksperty CRTR [The Increase in the Birth Rate in Kazakhstan in 2020 was Caused by the Introduction of Benefits for Large Families – MDG Experts]. 01.11.2021. *Ministerstvo truda i social'noj zashhity naselenija Respubliki Kazahstan*. Available at https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/277743?lang=ru (accessed: 10.06.2023). (In Russ.).

3. Kratkiye itogi perepisi naseleniya 1999 goda v Respublike Kazakhstan. [Summary Results of the 1999 Population Census in the Republic of Kazakhstan]. *Statisticheskiy sbornik.* Pod redaktsiyey A.A. Smailova. Almaty, 1999. 211 p. (In Russ.).

4. Promezhutochnyy otchet po proyektu «Otsenka urovnya demograficheskoy bezopasnosti Respubliki Kazakhstan» [Statistical Collection Interim Report on the Project "Assessment of the Level of Demographic Security of the Republic of Kazakhstan"]. Ust'-Kamenogorsk, 2020. 59 p. (In Russ.).

5. Analiz polozhenija v oblasti narodonaselenija Respubliki Kazahstan [Analysis of the Population Situation of the Republic of Kazakhstan]. *JuNFPA v Kazahstane*, 2020 g. Available at https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Steel%20Blue%20Right%20Triangles%20Social%20Media%20Report%20%282%29-merged.pdf (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).

6. Nekotoryye voprosy gendernogo razvitiya Kazakhstana [Some Issues of Gender Development in Kazakhstan]. Pod obshchey redaktsiyey G. Ileuovoy. Almaty: Obshchestvennyy fond "*Tsentr sotsial'nykh i politicheskikh issledovaniy* «*Strategiya*»", 2023. 272 p. (In Russ.).

7. Alekseyenko A.N., Aubakirova Zh.S. Uchebnoye posobiye «Etnodemograficheskiye protsessy v Kazakhstane». [Textbook "Ethnodemographic Processes in Kazakhstan"]. Almaty: Evero, 2019. 180 p. (In Russ.).

8. Aubakirova Zh.C. Jetnicheskie osobennosti vosproizvodstva naselenija Kazahstana (1979–1999 gg.) [Ethnic Features of Population Reproduction in Kazakhstan (1979–1999)]. *Demoskop Weekly*. Available at http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit05.php (accessed: 12.06.2023). (In Russ.).

9. Summarnyy Koeffitsiyent Rozhdayemosti. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii. [Total Fertility Rate. Demographic Yearbook of Russia]. 2021: Stat.sb. D 31 Rosstat. M., 2021. 256 p. (In Russ.).

10. Sokolov A. Kak russkiye stali «malym narodom» v Kazakhstane. [How Russians Became a "Small People" in Kazakhstan]. 16.01.2022. *Vedomosti*. Available at vedomosti.ru/society/articles/2022/01/17/904990-kak-russkie-stali-malim-narodom (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).

11. Demograficheskaja situacija v Respublike Uzbekistan. Janvar'–dekabr' 2022 goda [Demographic Situation in the Republic of Uzbekistan. January–December 2022]. *Gosudarstvennyj komitet Respubliki Uzbekistan po statistike*. Available at

https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/34141-demografik-holat-2022-yil-yanvar-sentabr-3 (accessed: 12.06.2023). (In Russ.).
12. «We, Kazakhstan». Population Situation Analysis of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan, 2019. Available at https://kazakhstan.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/07_FEB_UNFPA_Report_20pager_ENG_PREVIEW%20%281%29_0.pdf (accessed: 12.06.2023).
13. Rukovodstvo po sboru dannyh o rozhdaemosti i smertnosti: metodologicheskie issledovanija [Guidelines for the Collection of Fertility and Mortality Data: Methodological Studies]. Serija F. № 92. N'ju-Jork. Organizacija Obedinennyh Nacij, 2005. 140 p. Available at https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/Standards-and-Methods/files/Handbooks/fertility-and-mortality/SeriesF_92-R.pdf (accessed: 15.06.2023). (In Russ.).
14. Megapolisy ostajutsja centrami pritjazhenija dlja vnutrennih migrantov. Regiony pokazyvajut stabil'nyj migracionnyj ottok [Megacities Remain Centers of Attraction for Internal Migrants. Regions Show Stable Migration Outflow]. 14.03.2023. *Ranking.kz*. Available at https://ranking.kz/digest/regions-digest/megapolisy-ostayutsya-tsentrami-prityazheniya-dlya-vnutrennih-migrantov-regiony-pokazyvayut-stabilnyy-migratsionnyy-ottok.html (accessed: 19.06.2023). (In Russ.).
15. Bregman R. Utopija dlja realistov: kak postroit' ideal'nyj mir [Utopia for Realists: How to Build a Perfect World]. Moskva: Al'pina Pablisher, 2020. 360 p. (In Russ.).
16. Gender imbalance of China's one-child policy generation. 07.03.2023. *Landgeist*. Available at https://landgeist.com/2023/03/07/gender-imbalance-of-chinas-one-child-policy-generation/ (accessed: 13.06.2023).
17. Posle «pandemijnogo» bebi-buma 2020–2021 godov rozhdaemost' v Kazahstane snizilas' [After the "Pandemic" Baby Boom of 2020–2021, the Birth Rate in Kazakhstan Decreased]. 16.05.2023. *Ranking.kz*. Available at https://ranking.kz/reviews/regions/posle-pandemiynogo-bebi-buma-2020-2021-godov-rozhdaemost-v-kazahstane-snizilas.html (accessed: 12.062023). (In Russ.).
18. Seitov A.P., Urazalieva G.B. Jetno-demograficheskie osobennosti instituta sem'i v Uzbekistane [Ethno-Demographic Features of the Institution of the Family in Uzbekistan]. *Postsovetskie issledovanija*. 2023. Vol. 6. № 3. P. 332–340. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/etno-demograficheskie-osobennosti-instituta-semi-v-uzbekistane (accessed: 23.07.2023) (In Russ.).
19. Fertility rates by race / ethnicity: United States, 2018-2020 Average. March of Dimes. PeriStats™. Available at https://www.marchofdimes.org/peristats/data?reg=99&top=2&stop=4&lev=1&slev=1&obj=1 (accessed: 23.06.2023).
20. Blume, M. The Reproductive Benefits of Religiosity. Empirical Findings of Religion, Reproduction and Female Choice Towards a Sociobiology of Religion // International Conference "Trans-Cultural Universals: Biological evolution of religiosity". September 27–30, 2007. Available at http://www.blume-religionswissenschaft.de/pdf/ReproductiveBenefitsReligiosityBlume2007.pdf (accessed: 20.06.2023).
21. Nazvany samye populjarnye imena novorozhdennyh v Kazahstane [The Most Popular Names of Newborns in Kazakhstan have been Name]. 04.05.2023. *Tengri Life*. Available

at https://tengrinews.kz/curious/nazvanyi-samyie-populyarnyie-imena-novorojdennyih-kazahstane-498109/# (accessed: 02.07.2023). (In Russ.).
22. Total Fertility Rate 2023. *World Population Review*. Available at https://worldpopulationreview.com/country-rankings/total-fertility-rate (accessed: 29.06.2023).
23. Naselenie Kitaja v 2022 g. sokratilos' vpervye za 60 let [China's Population Declined in 2022 for the First Time in 60 Years]. 17.01.2023. *Setevoe izdanie Interfaks.ru*. Available at https://www.interfax.ru/world/880978 (accessed: 01.07.2023). (In Russ.).
24. Volan S., Pizon Zh., Jeran F. Rozhdaemost' vo Francii – samaja vysokaja v Evrope. Prichina v immigrantah? [French Fertility is the Highest in Europe. Because of its Immigrants?]. *Demograficheskoe obozrenie*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 118–126. Available at https://demreview.hse.ru/article/view/10823/12140 (accessed: 03.07.2023). (In Russ.).
25. Chesnais J.-C. Below-Replacement Fertility in the European Union (EU-15): Facts and Policies, 1960–1997. *Review of Population and Social Policy*. 1998. №. 7. P. 83–101. Available at https://www.ipss.go.jp/publication/e/R_S_P/No.7_P83.pdf (accessed: 13.06.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Искакова Жулдызай – PhD, старший преподаватель кафедры Ассамблеи народа Казахстана. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
E-mail: zhuldyzay89@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7101-9783
Калашникова Наталья Павловна – заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана, доктор политических наук, профессор. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Iskakova Zhuldyzay – PhD, Senior Lecturer of the Department of the Assembly of people of Kazakhstan. L.N. Gumilyov Eurasian National University.
E-mail: zhuldyzay89@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7101-9783
Kalashnikova Natalia P. – head of the Department of the Assembly of people of Kazakhstan, Doctor of Political Sciences, Professor. L.N. Gumilyov Eurasian National University.
E-mail: nerush50@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7667-0383
The authors declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 09.07.2023. Одобрена после рецензирования 24.07.2023. Принята 24.07.2023.
Received 09.07.2023. Approved after reviewing 24.07.2023. Accepted 24.07.2023.

«Россия в глобальном мире»

Том 26. Выпуск 3

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

«Russia in the Global World»

Volume 26. Issue 3

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
"St. Petersburg State Polytechnic University"

License of the registered online media outlet El No. ФС77-84167 dated 09.11.22

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики https://russiaglobal.spbstu.ru/. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить кратнкий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnoshenija. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.Je. Nekotorye svedenija ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufijskogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at http://kremlin.ru (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij torgovo jekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки ***на все источники*** из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции https://russiaglobal.spbstu.ru/, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru